

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2412-8139

ЧЕЛОВЕК

ОБЩЕСТВО

ИНКЛЮЗИЯ

**3 (31)
2017**

**Министерство образования и науки
Российской Федерации**
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет

Научный журнал
—
Издается с 2009 года

Человек. Общество. Инклюзия

**№ 3(31)
2017**

Человек. Общество. Инклюзия

Выпускается ежеквартально

Главный редактор — Вагиф Дейрушевич Байрамов

доктор социологических наук, профессор,
ректор Московского государственного гуманитарно-экономического университета

Международный редакционный совет:

Смолин О.Н.	Москва, Россия	доктор философских наук, член-корреспондент РАО, депутат Государственной Думы ФС РФ, заместитель председателя Комитета по образованию и науке, первый вице-президент Паралимпийского комитета РФ, академик РАО, президент Ассоциации издателей и пользователей учебной литературы «Российский учебник», председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех»
Горшков М.К.	Москва, Россия	доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии РАН, Действительный член Российской академии наук, академик Академии политической науки, вице-президент Российского общества социологов при РАН
Волков Ю.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южнороссийского филиала Института социологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Ницевич В.Ф.	Москва, Россия	доктор политических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)»
Миронов А.В.	Москва, Россия	доктор социологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета, главный редактор научного журнала «Социально-гуманитарные знания», член редакционной коллегии научного журнала «ПОИСК»
Лаптев С.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Акперов И.Г.	Ростов-на-Дону, Россия	доктор экономических наук, профессор, ректор ЧОУ ВО «Южный университет (ИУБиП)»
Моисеева Н.К.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга и управления практиками НИУ МИЭТ, член редакционной коллегии научных журналов «Маркетинг услуг», «Организация производства»
Грызунова Н.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Донцова Л.В.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор кафедры анализ хозяйственной деятельности Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, член редакционной коллегии научных журналов «Лизинг. Технологии бизнеса» и «Финансовый менеджмент»
Горина С.А.	Москва, Россия	доктор экономических наук, профессор, генеральный директор ООО «Аудит и консультирование», член редакционной коллегии научного журнала «Лизинг. Технологии бизнеса»

Мурадов А.Д.	Баку, Азербайджан	доктор экономических наук, ректор Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC)
Бучко Ладислав	Братислава, Словацкая Республика	заведующий кафедрой в Университете медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Матульник Йозеф	Братислава, Словацкая Республика	профессор Университета медицины и социальной работы Св. Елизаветы в Братиславе
Ариф Асалыоглу	Стамбул, Турция	Международный институт развития научного сотрудничества

Человек. Общество. Инклюзия

№ 3(31) 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Заместитель главного редактора	кандидат философских наук, доцент	Д.С. Райдугин
Ответственный секретарь		С.А. Бобко
Адаптивная физическая культура 13.00.04	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Александрова
Математика 01.01.00	доктор технических наук, профессор	О.М. Полещук
Политология 23.00.00	доктор социологических наук, профессор	В.Д. Байрамов
Педагогические науки 13.00.00	кандидат педагогических наук, доцент	И.Л. Руденко
Социологические науки 22.00.00	доктор социологических наук, доцент	Е.О. Кубякин
	доктор социологических наук, доцент	Е.М. Куликов
	доктор социологических наук, доцент	Э.К. Наберушкина
	кандидат социологических наук, доцент	Е.В. Воеводина
Филологические науки 10.00.00	кандидат филологических наук, доцент	С.Н. Богатырева
	кандидат исторических наук, доцент	Гениш Эйюп
Философские науки 09.00.00	доктор философских наук, профессор	А.В. Герасимов
Экономические науки 08.00.00	доктор экономических наук, профессор	Л.М. Аллаhverдиева
	доктор экономических наук, профессор	Ю.Н. Нестеренко
	кандидат экономических наук, доцент	И.Л. Литвиненко
Юридические науки 12.00.00	кандидат юридических наук, доцент	В.В. Степанов

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д.49
Редакция журнала «Человек. Общество. Инклюзия»
Телефоны: (499) 160-92-00, доб. 1091
Факс: (499) 160-22-05
E-mail: bobko@mggeu.ru

Номер свидетельства о регистрации средства
массовой информации
ПИ №ФС 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139
Интернет: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>

Human. Society. Inclusion

Issued quarterly

Editor-in-chief: Vagif Deirushevich Bairamov

Doctor of Sociology, Professor,
Rector of the Moscow State University of Humanities and Economics

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

Smolin O.N. Moscow, Russia - Ph.D in Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Vice-Chairman of the Education Committee, First Vice President of the Russian Paralympic Committee, Academician RAO, President of The Association for the Publishers and Users of the Educational Literature “The Russian Textbook”, Chairman of the all-Russian public movement «Education — for all»

Gorshkov M.K. Moscow, Russia - Ph.D in Philosophy, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Sociology of the RAS, Full member of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Academy of Political Sciences, Vice-President of the Russian Sociological Society at the Russian Academy of Sciences

Volkov Y.G. Rostov-on-Don, Russia - Ph.D in Philosophy, Professor, scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the Southern-Russian Branch of the Sociology Institute (RAS), Honored Scientist of the Russian Federation

Nitsevich V.F. Moscow, Russia - Ph.D in Political Science, Professor, Acting Rector of FSBEI «Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI)»

Mironov A.V. Moscow, Russia - Doctor of Sociology, Professor of Moscow State Pedagogical University, Editor-in- Chief of Scientific Journal “Social and Humanities Knowledge”, Member of the Editorial Board of the Scientific Journal “Poisk”

Laptev S.V. Moscow, Russia - Doctor of Economics, Professor of the Department “Business Management” in Plekhanov Russian Economic University

Akperov I.G. Rostov-on-Don, Russia - Doctor of Economics, Professor, Chancellor of Private Educational Institution “Yuzhny University”

Moiseeva N.K. Moscow, Russia - Doctor of Economics, Professor of the Department “Marketing and Management Practice”, Member of the Editorial Board of “Service Marketing”, “Industrial Engineering”

Gryzunova N.V. Moscow, Russia - Doctor of Economics, Professor of the Department “Financial Management” in Plekhanov Russian Economic University

Dontsova L.V. Moscow, Russia - Doctor of Economics, Professor of the Department “Business Analysis” in Plekhanov Russian Economic University, Member of the Editorial Board of “Leasing. Business to Technology” and “Financial Management”

Gorina S.A. Moscow, Russia - Doctor of Economics, Professor, General Manager of LTD “Audit and Consulting”, Member of the Editorial Board of “Leasing. Business to Technology”

Muradov A.D. Baku, Azerbaijan - Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Azerbaijan State University of Economics (UNEC)

Buchko Ladislav Bratislava, Slovak Republic, Ph.D in Sociology - Head of the Department of St. Elizabeth University of Health and Social Sciences

Matulnik Josef Bratislava, Slovak Republic - Professor of St. Elizabeth University of Medicine and Social Sciences

Arif Asalyoglu Istanbul, Turkey, Ph.D in History, - International Institute of Scientific Cooperation Development

Human. Society. Inclusion

Issue 3(31) 2017

EDITORIAL BOARD

Bayramov V.D.	Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor
Raydugin D.S.	Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Associate Professor
Bobko S.A.	Secretary

Scientific Research Areas:

13.00.04 Adaptive Physical Education	Alexandrova E.V.	Candidate of Sociology, Associate Professor
01.01.00 Mathematics	Poleshchuk O.M.	Doctor of Technical Sciences, Professor
23.00.00 Political Science	Bayramov V.D.	Doctor of Sociology, Professor
13.00.00 Pedagogy	Rudenko I.L.	Candidate of Pedagogics, Associate Professor
22.00.00 Sociology	Kubyakin E.O.	Doctor of Sociology, Associate Professor
	Kulikov E.M.	Doctor of Sociology
	Naberushkina E.K.	Doctor of Sociology, Associate Professor
	Voevodina E.V.	Candidate of Sociology, Associate Professor
10.00.00 Philology	Bogatyreva S.N.	Candidate of Philology, Associate Professor
	Genish E.	Candidate of History, Associate Professor
09.00.00 Philosophy	Gerasimov A.V.	Doctor of Philosophy, Professor
08.00.00 Economics	Allakhverdieva L.M.	Candidate of Economics, Professor
	Nesterenko Y.N.	Candidate of Economics, Professor
	Litvinenko I.L.	Candidate of Economics, Associate Professor
12.00.00 Legal Science	Stepanov V.V.	Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Editors Address:

49, Losinoostrovskaya Street, Moscow, Russia, 107150

Tel.: (499) 160-92-00 * 1091

Registered by the Ministry of press, tele- and radiocasting and mass media
Mass media registration certificate

PE № FS 77-61989 от 02.06.2015 ISSN 2412-8139

Internet: <http://mggeu.ru>; <http://vestnik.mggeu.ru>; e-mail: bobko@mggeu.ru

Содержание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.В. Александрова

Основные социальные барьеры и их взаимосвязь с моделями инвалидности в современном российском обществе 12

Е.В. Воеводина, Е.Е. Горина

Взаимодействие студентов с инвалидностью и без инвалидности как фактор социальной адаптации: опыт социометрии 22

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.А. Воронцов

Теория познания Локка: философствование в границах здравого смысла 29

Н.К. Мамедзаде

Принципы инклюзии в социально-философском аспекте 43

Ф.Ю. Албакова

Фольклорные формы культуры в контексте современности: подходы и возможные экспликации 48

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л.М. Аллахвердиева, М.К. Султанова

Альтернативные финансы: вызовы и возможности для экономической системы 55

С.В. Лаптев, Ф.В. Филина

Оценка форм финансовой поддержки сельского хозяйства на основе анализа показателей его развития 65

Ю.С. Пиньковецкая

Исследование уровня заработной платы в сфере малого и среднего предпринимательства РФ 77

Л.Д. Киянова, И.Л. Литвиненко

Мировой рынок инноваций и инновационных технологий: оценка позиции России 92

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.В. Александрова, О.В. Шерченкова, Е.В. Збаразская

Инновационные методы развития двигательных способностей у подростков с нарушениями опорно-двигательного аппарата 108

МАТЕМАТИКА / ИНФОРМАТИКА

В.А. Кадымов, С.М. Думанский

Применение информационно-аналитических систем на основе алгоритмов кластеризации для определения склонности абитуриентов с ОВЗ при выборе ими будущей профессии 115

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

С.Ю. Тумакова

Социальная активность российских пенсионеров как фактор их
посттрудоустрой адаптации 126

Н.А. Голубкова

Принятие управленческих решений в контексте корпоративной
социальной ответственности 134

Е.В. Ореховская

О роли доверия в конструировании сообществ 142

М.В. Минасян

Организационно-экономическая модель развития энергетической отрасли
Российской Федерации..... 149

Итоги реализации проекта «От адаптивной физической культуры —
к эффективной инклюзии» (01.08.2016–30.09.2017 г.)..... 160

К сведению авторов 167

Contents

SOCIAL SCIENCE

Aleksandrova E.V.

Key social barriers and its link with models of disability
in the modern russian society..... 12

Voevodina E.V., Gorina E.E.

Interaction of students with and without disabilities as a factor
of social adaptation: the experience of sociometry 22

PHILOSOPHY

Vorontsov E.A.

The epistemology of Locke: philosophizing within the boundaries
of common sense..... 29

Mamedzade N.K.

The basic principles of inclusion in the socio-philosophical aspect..... 43

Albakova F.Y.

Folklore cultural forms in the context of modernity: approaches and possible
explications 48

ECONOMY

Allakhverdiyeva L.M., Sultanova M.K.

Alternative finance: challenges and opportunities for economic system..... 55

Laptev S.V., Filina F.V.

Assessment of the agriculture development and its financial support 65

Pinkovetskaia J.S.

The salary level research in the field of small and medium business
in the Russian Federation..... 77

Kiyanova L.D., Litvinenko I.L.

Innovation world market and innovative technologies:
the assessment of Russia's position 92

PEDAGOGY

Aleksandrova E.V., Sherchenkova O.V., Zbarazskaya E.V.

Innovative methods of motor abilities development of adolescents with
musculoskeletal system disorders 108

MATHEMATICS / INFORMATICS

Kadymov V.A., Dumansky S.M.

Application of analytical information systems based on using clustering
algorithms for determing of inclination of school leavers with limited health
opportunities to profession..... 115

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

Tumakova S.Y.

Russian pensioners' social activity as factor of their post-working adaptation..... 126

Golubkova N.A.

Management decision-making in the context of corporate social responsibility... 134

Orekhovskaya E.V.

The role of trust in the generation community..... 142

Minasyan M.V.

Organizational-economic model of development of energy industry
of the Russian Federation..... 149

Е.В. Александрова

**ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ И ИХ
ВЗАИМОСВЯЗЬ С МОДЕЛЯМИ ИНВАЛИДНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**KEY SOCIAL BARRIERS AND ITS LINK WITH MODELS
OF DISABILITY IN THE MODERN RUSSIAN SOCIETY**

АЛЕКСАНДРОВА Екатерина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры адаптивной физической культуры МГТЭУ (e-mail: silaeva@mggeu.ru)

ALEKSANDROVA Ekaterina Viktorovna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Adapted Physical Education Department, MGGEU (e-mail: silaeva@mggeu.ru)

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию в области социологии инвалидности. Ключевая задача работы — раскрыть сущность, структуру и детерминирующие факторы, определяющие возникновение социальных барьеров. По результатам проведенного исследования автор предлагает собственное видение проблемной области, очерченной в работе.

Ключевые слова: инвалидность, социальный барьер, сегрегация, интеграция, инклюзия.

Abstract. The author of the article gives definitions of the following notions: the essence and structure of the main social barriers affecting people with disabilities. In addition, the relationship of social barriers and historical models of disability is revealed. The author emphasizes that social barriers can be defined as the social factors of the disintegration of the disabled.

Keywords: disability, social barrier, segregation, integration, inclusion.

Социальный барьер как термин означает всю совокупность факторов социальной системы, которые, опираясь на неоднородность социальной среды, препятствуют интеграции человека извне в определенные слои общества. Этот аспект высвечен в исследовании Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова [5, с. 42]. В ключе настоящего определения становится ясным, почему социальные барьеры ограничивают интеграцию людей с ярко выраженной инвалидностью в общество. Проблема кроется как раз в терминологической определенности «человек извне». Можно предположить, что среди инвалидов больший интегративный комфорт испытывают люди с неявно выраженными признаками инвалидности. И это связано не только с тем, что таким образом человек может скрыть свои проблемы со здоровьем от окружающих, но и с тем, что против него не выстраивается система стереотипов, препятствующая раскрытию его личных качеств.

Стереотипное, зачастую ошибочное восприятие порождает ответную агрессию. И хотя продуктивность ее отрицательная, основания ее вполне справедливы. Человек сталкивается с тем, что еще до личного контакта с окружающими он попадает в другую социальную группу. Человек становится частью классификации и обобщения до определяющего статуса, а таковым в данной системе становится статус инвалидности. Подобное отношение ведет к деструктивным последствиям и еще более разграничивает социальную среду. Появляются классификационные различия, мешающие представителям общества оценивать друг друга по совокупности личных качеств. Вместо этого возникает внешняя определенность, которая для человека с визуально выраженной инвалидностью представляет существенный социальный барьер.

Основная проблема возникает тогда, когда появляется мнение о том, что инвалиды — это «другие люди», что они представляют иную социальную группу. Возникает ситуация заведомой дискриминации, в которой принцип деления основывается на сложившейся системе предрассудков. Человек, которого считают «человеком извне», «другим», изначально находится в невыгодной ситуации. К нему как бы присматриваются, на том основании, что особенности поведения представителей группы, равно как и особенности собственного поведения, как правило, замечаются в последнюю очередь. Фокус внимания к «другому» человеку выявляет как погрешности поведения, так и те действия, которые в силу тех или иных причин просто непонятны. Так собирается личный образ, но по факту от личного в нем остается немного. На самом деле таким образом внешняя социальная среда утверждает свой стереотип восприятия конкретного человека.

В результате растет дистанция, подтверждаются и подтверждаются стереотипы, подавляются личные качества и одновременно формируется антагонистическая модель поведения ущемляемой группы. Ситуация становится замкнутой, причем ее непродуктивность прямо или косвенно отражается на всех членах общества. Следует отметить, что проблема стоит наиболее остро в тех типах общества, где культурный уровень и уровень образования его представителей достаточно низки. Иными словами, система образования по своим внутренним принципам и ориентирам преодолевает косную стереотипизацию и мифологизацию как социальный барьер.

Действительно, образовательная среда связана с ориентированностью на совершенствование обучающимися своих способностей. Диалектически это указывает каждому на уровень собственного несовершенства. Таким образом, студент-инвалид и обычный студент находятся в равных системах классификации и ценностей. В процессе получения образования и приобщения к культурному опыту индивид проявляет себя в первую очередь как человек, безотносительно его гендерной, расовой, национальной или иной другой определенности (в том числе и по состоянию здоровья). Проблема лишь в том, что обозначенная модель является идеальной. В действительности система образования состоит из людей, и ориентирована на людей. Отсюда возникают погрешности, и это же объясняет внесение в образовательную среду стереотипов и предубеждений, для нее самой нехарактерных.

Соответственно, в действительности мы имеем дело с образовательной средой как системой отношений и ценностей, но она преломляется под влиянием вовлекаемых в нее субъектов. При этом субъективное проявление может вы-

ражаться в виде исключений или развиваться на уровне тенденций общественного мнения. С исключениями мы имеем дело тогда, когда в социальную среду попадает личность, отличающаяся по ценностным ориентирам от аксиологической системы среды, и эта личность начинает действовать как часть среды, но исходя из собственных индивидуальных особенностей. Как правило, если речь идет о единичности, то действия личности осуществляются от имени и в рамках социума, но в разрез с его ценностной ориентацией. Такая ситуация может продлиться очень недолго. Значительно критичнее ситуация выглядит тогда, когда имеют место тенденция, складывающееся мнение, стереотип. При этом социальное наполнение среды должно быть пассивным, ориентированным на мифологическое и обыденное восприятие. В обозначенной ситуации мы имеем определенную изначальную ценностную ориентированность общества, но она деформируется ввиду того, что люди, попадающие в это общество и являющиеся его частью, не являются одновременно носителями его ценностей. Рациональное преломляется перед совокупностью мнений и предрассудков.

Приведем примеры на уровне предметности настоящего исследования. В первом случае мы говорим о такой ситуации, когда в образовательную среду попадает человек с явным предубеждением против инвалидов. Его предубежденность противоречит идеям и принципам современного учебного заведения. При этом если предубежденность выражается агрессивно и превращается в индивидуальное проявление ксенофобии, то вскоре оно подавляется образовательной средой или, по крайней мере, субъект дистанцируется или изолируется на уровне как системы взаимоотношений, так и санкций. Если же речь идет о неоднородной группе лиц, являющихся носителями стереотипов и предубежденности, то бороться с таким феноменом гораздо сложнее. В образовательной среде появляется «еще одно мнение», выражающее дискриминацию студентов-инвалидов. Публичное проявление дискриминации имеет два варианта последствий. В положительной ситуации проявление вызывает реакцию общественности на несоответствие проявляемой позиции идеям и принципам современного образовательного учреждения. Возможны санкции и естественное подавление несоответствующей позиции. В негативном случае реакция противодействия инициируется самой дискриминируемой группой. Возникает ситуация, в которой сложно выделить правильную позицию. При этом если действия лиц с визуально выраженной инвалидностью, пусть даже вызванные провокацией, носят антиобщественный и противоправный характер, то предубежденность против них только возрастает.

На социально-философском уровне основная проблема выражается во внутригрупповом конфликте. В социальной группе, локализованной до образовательного учреждения, происходит внутреннее расслоение по принципу, противоречащему самой идее института образования. Происходит дробление группы на две подгруппы: «больных» и «здоровых». При этом первых можно назвать больными лишь условно, а факт здоровья последних не безотносителен. Более того, известны факты, когда люди с невыраженными внешне ОВЗ выступали на стороне дискриминации инвалидов. Как отмечают психологи, такое отношение, как правило, связано с неприятием собственного реального состояния здоровья.

Вместе с тем не следует исключать из внимания историческую традицию отношения к феномену инвалидности. В ряде случаев мы имеем дело с традицией и общей тенденцией, складывавшимися веками. Дело в том, что отноше-

ние к людям с ОВЗ традиционно основывалось на принципах выживаемости и отчуждения от них со стороны других представителей социума. Например, в древности людей с инвалидностью подвергали изоляции, тем самым обрекая на верную смерть. У жителей Лакедемона было принято сбрасывать в пропасть больных или слабых детей [4, с. 60]. С развитием идей христианства возникла традиция гуманистического отношения к инвалидам, но для традиционной культуры такой гуманизм был одновременно и дистанцирующим фактором. Вульгарное понимание постулатов христианства определяло людей с визуальными признаками инвалидности на уровень юродивых. Иными словами, для необразованного социального мнения даже уровень положительного гуманистического отношения может быть наполнен антагонизмом и идеей инаковости. В результате развивается барьерность социальной среды, свойственная едва ли не к кастовому различию.

Развитие современных технологий, равно как и культурного потенциала человечества, во многом сглаживает уровень барьерности социальной среды. Вместе с тем отголоски примитивного стереотипного отношения, увеличивающего дистанцию между обществом и инвалидами, продолжают проявляться на различных уровнях социальной среды. Даже в СМИ, несмотря на развитие требований к публичным высказываниям, нередко имеют место такие словоупотребления, как «калека», «убогий», «уродство», и т.д. (к примеру, в 2009 году одно из массовых печатных изданий, выпускающее 700 000 экземпляров газет по России, опубликовало статью под названием-лозунгом: «Добить, чтоб не мучился», в которой автор высказывает идею об эвтаназии детей с врожденными патологиями¹). Поэтому необходимо говорить об общей проблеме повышения культурного уровня общества. Культура общения и отношения должна стать общеобразовательным фактором, повышающим динамику положительной социальной интеграции.

Рассмотрим подробнее модели барьерной среды, ограничивающие процесс интеграции человека с ОВЗ в функциональную систему основных социальных институтов. Фокусировка здесь направлена на институт образования, но системность социальных процессов требует комплексных подходов, позволяющих универсализировать проблему. Здесь весьма полезной может оказаться методологическая установка М. Вебера [2], позволяющая говорить об идеальнотипологической модели инвалидности. Она же представляет собой как модель барьерной среды, так и модель преодоления возникающих барьеров.

Несомненный интерес представляет вклад в разработку моделей инвалидности, представленный в исследованиях Л.И. Аксёновой. Автор выявляет пять основных моделей социальной барьерности и лишь одну модель преодоления социальных барьеров. В данной концепции говорится о том, что общество стремится, с одной стороны, защитить себя от бремени социальных обязательств, а с другой — выработать такую модель отношения, которая внешне походила бы на выполнение социальных гарантий и соблюдение необходимых норм этики по отношению к людям с ОВЗ. Первым этапом является категориальное определение. Человек получает статус «больного», а следовательно — нуждающегося в постоянном уходе и лечении. Так формируется принцип «сегрегации» [1, с. 85]. Человек изолируется обществом «для его же блага». На самом

¹ Никонов А.П. Добить, чтоб не мучился // Спид-Инфо. — 2009. — № 25.

деле происходит изоляция как реакция защиты. Общество готово платить за содержание и «лечение» инвалида, лишь бы оградить себя от наличия феномена инвалидности в реалиях социального взаимодействия. По таким же принципам создаются специальные интернаты и учебные заведения для людей с ОВЗ. На первый взгляд в этих учреждениях учитываются специфические факторы возможностей здоровья, и осуществляется должный уход. Но на уровне социализации и обучения моделям поведения в реальном обществе мы получаем результат беспомощности и асоциальности. Человек в результате привыкает жить и взаимодействовать с окружающими лишь в искусственно созданной среде. Общество же укореняется в установке на дистантное отношение к проявлению инвалидности. Аксёнова отмечает, что, несмотря на высокий уровень медицинской помощи, человек получает отпечаток негативного отношения. Специфика построения такой модели отношения дает право признавать людей с ОВЗ в качестве «существ низшего порядка... нечто среднее между человеком и животным» [1, с. 86]. Это выражается в тотальном ограничении свободы передвижения и волеизъявления. [Имеется в виду не запрет на свободу передвижения и волеизъявления, а скорее отсутствие альтернатив выбора. В человеке культивируется зависимое отношение к его локальной среде. Формируется мнение о том, что в реальном мире без посторонней помощи просто не выжить]. Такой же результат имеет и модель «защищенности», которая на наш взгляд незаслуженно отделяется автором от «сегрегации».

Обозначенная модель также близка по содержанию и основным интенциям к модели «дискриминации». Формируется тип отношения, при котором культивируется отторжение на уровне страха возможной угрозы. Утверждаются социально-психологические модели, при которых человек с выраженной патологией может представлять социальную угрозу.

Также для современного общества является пережитком модель, обозначенная в качестве «экономической необходимости». Общество формирует стереотип экономической эффективности, в результате которого люди с ограниченными возможностями здоровья воспринимаются как обуза или фактор, замедляющий коэффициент экономического развития. Складывается зачастую ошибочное мнение о том, что человек с визуально выраженной инвалидностью не способен выполнять определенные требования или же для его интеграции нужны дополнительные приспособления, которые также имеют характер капиталоемкости. На деле же, в ряде случаев «экономическая необходимость» возникает как результат предубеждения и изначальной дистанцированности, которую некоторые представители общества складывают в систему экономической, а следовательно, объективированной необходимости.

В противовес концепциям социальной барьерности автор предлагает «интеграционную» модель, смысл которой ориентирован на равные права всех представителей общества. Стоит заметить, что теоретизация социальных барьеров, с которыми сталкиваются инвалиды в процессе социализации, находит свое отражение не только в работе Л.И. Аксёновой. Существует исследование В.Г. Дудкина [3, с. 14], который полагает, что основание для классификации барьерной среды связано с утверждением медицинской изоляции инвалидов, а также защитными функциями общества, которое, в свою очередь, под видом защиты инвалидов защищает себя. В противовес ставится модель «независимой жизни», в которой акцент делается на самостоятельности как мировоззренческого ори-

ентира положительной модели инвалидности. Однако на наш взгляд, в современном обществе модель «независимой жизни» должна подкрепляться моделью «интеграции». В противном случае мы получим латентный отказ общества от выполнения социальных обязательств и переход к принципу выживаемости. Существуют и другие исследования, в той или иной степени раскрывающие специфику барьерной среды, с которой приходится сталкиваться людям с ОВЗ, однако их наличие не решает все проблемы, связанные с преодолением барьерной среды. Напротив, складывается впечатление, что все уже сказано, тогда как все еще остается необходимость в структурирующей теоретической базе, на основании которой возможно выработать эффективную концепцию преодоления барьерной среды как студентами-инвалидами с нарушением опорно-двигательной системы в частности, так и лицами с визуально выраженным ОВЗ в целом.

Итак, основная проблема, на наш взгляд, связана с разделением общества на социальные подгруппы «больных» и «здоровых», «нормальных» и «других» и иные дистанцирующие категории. Принцип дискриминации заложен уже в самой попытке разграничения общества по уровням возможностей с точки зрения здоровья. Это усложняет преодоление подобных проблем людям с визуально выраженными признаками инвалидности, что заведомо лишает их возможности восприниматься иным образом, кроме как через определяющий статус инвалидности. Данное разграничение содержит две общие тенденции.

В первом случае мы говорим о том, что общество защищает себя от проявления феномена инвалидности (абстрактно учитываются интересы только здоровых людей), во втором — общество принимает во внимание личность человека с ОВЗ (делается акцент на интересах людей с нарушением здоровья и их адекватной интеграции в общество). «Защита» общества от инвалидов как феномен носит непродуктивный характер, являясь архаичным пережитком традиционного типа общества. Этот тип отношения базируется на низком уровне культурного, социального и материального развития в условиях доминанты традиций и предрассудков, возведенных в ранг социальных норм. В современном социуме подобный тип отношения считается морально устаревшим, однако большинство возникающих социально-психологических проблем интеграции инвалидов в социальную среду связано с локальным проявлением этой модели. Действительно, носителями такого типа отношения, как правило, выступают люди, приобщенные к интенциям мифологического и обыденного мировоззрения, следовательно, изжившие себя стереотипы для них являются столь же актуальными, как и прогрессивные подходы к проблеме.

Перейдем к детальному анализу основных признаков обозначенного типа отношений. Первый признак связан с акцентуацией экономической защиты общества от инвалидов. Такой позиции свойственно ставить вопрос об экономической эффективности в пользу изоляции и элиминации инвалидов как неэффективных элементов социума. Общество или отдельная группа отказывается от человека, который может стать для него обузой. Ошибочность такого отношения подтверждается современными практиками интеграции инвалидов. При этом если говорить об образовательной среде и профессиональной деятельности, то вряд ли кто-либо станет отрицать тот факт, что приоритет физического труда в современном обществе отходит на второй план перед трудом интеллектуальным. Отсюда справедлив вывод о несостоятельности позиции «экономической защиты» общества, ведь наличие физического здоровья еще не гаранти-

рует реализацию умственного потенциала. И наоборот, ОВЗ далеко не всегда являются препятствием для интеллектуальной или высокоточной деятельности.

Столь же непродуктивным и ошибочным является тип отношения, при котором обеспечивается «психологическая безопасность общества» путем изоляции представителей этого общества с ОВЗ. Эта модель социального барьера предполагает отношение к феномену инвалидности как к социальной девиации или «уродству». Формируется представление о том, что присутствие инвалидов в социальной среде может психологически травмировать «нормальных» людей. Общество, таким образом, настаивает на медицинской помощи инвалидам, но под видом помощи лоббирует идею сегрегации и изоляции людей с визуально выраженными проблемами здоровья. В итоге для инвалидов оказываются закрытыми сферы досуга (например, известны случаи, когда человека с визуальными признаками инвалидности просто не пускали в места досугового отдыха, аргументируя это тем, что так защищаются права «здоровых» посетителей заведения²), общения и реализации института семьи (зачастую родственники могут быть против вхождения в семью посредством брака или усыновления человека с ОВЗ). Такая позиция дискриминирует и ущемляет права человека. При этом не соблюдается основной принцип существования сфер, которые для «психологической защиты» закрываются от инвалидов. Сфера досуга и отдыха направлена на предоставление определенных досуговых услуг и получение прибыли. Человек с нарушением опорно-двигательной системы, во-первых, способен на приобщение к досуговой сфере, во-вторых, является для предоставляющего услуги предприятия таким же источником дохода, как и любой другой человек. То же касается и сферы общения или сферы семейных отношений. В современной системе образования активно ведется политика устранения подобных анахронизмов, наделяющих человека дополнительными, не присущими ему ограничениями возможностей. На наш взгляд, именно в образовательной среде возможно наиболее эффективное преодоление такого типа отношения.

Также существует модель «физической безопасности», на наш взгляд, наиболее проблематичная. Речь здесь идет уже не о нарушениях опорно-двигательной системы, а о психических заболеваниях и заболеваниях, которые могут передаваться окружающим. Проблема состоит в том, что здесь действительно возникает опасность социальной угрозы. Однако не все способы решения проблемы являются гуманными и соответствуют современным нормам отношения к человеку.

Проведенный анализ факторов социальной барьерности, основанных на принципах защиты общества от интеграции в него людей с ограниченными возможностями здоровья, показывает, что подобный тип отношения не предполагает включения инвалидов в сферу образовательных процессов. Это связано с тем, что здесь существует следующее противоречие: образование необходимо для эффективной интеграции, тогда как сама позиция дискриминантно отрицает как таковую возможность интеграции. Справедливо и утверждение, что образовательная среда является формой преодоления обозначенной совокупности социальных барьеров. При этом следует отметить двустороннюю направленность в разрешении проблемы. С одной стороны, повышается интегративный потенциал самих людей с ОВЗ, с другой — происходит изменение ориенти-

² Шепелева А. Белый танец // Российская газета. — 2007. — № 4294.

рованности общества с позиций абстрактной самозащиты на уровень защиты личности человека.

Современная позиция, ориентированная на преодоление социальных барьеров в интеграции инвалидов в социум, предполагает синтетическое объединение медицинской, социальной и независимой модели отношения, но с использованием комплекса методик и учетом различных социально-психологических особенностей. Фактически это те же модели, но ориентированные на интересы личности, интегрирующейся в социум, а не призывающие к закрытию общества от всякой возможной интеграции. В результате мы имеем положительный опыт социализации с учетом индивидуальных стремлений к реализации личностного потенциала.

Прежде чем дать анализ положительных моделей преодоления социальных барьеров людьми с ОВЗ, следует указать на общие принципы их преодоления. Начнем с того, что основным социальным барьером выступает внешняя социальная среда с низким уровнем культурного развития. Отсюда возникают стереотипизированные модели сегрегации и элиминации. Следовательно, именно система образования является — на принципиальном уровне — реструктурирующим фактором, способным снизить степень барьерности. Смысл в том, что совершенное гуманистическое общество не приемлет дробление и дискриминацию по признаку состояния здоровья. Соответственно, повышая образованность и культурный уровень социальной среды, мы выстраиваем гармоничную систему, в которой социализация людей с ОВЗ происходит гораздо легче. Второй немаловажный аспект связан с повышением уровня развития и динамики реализации личностного потенциала самими инвалидами. Как известно, интегративные процессы более эффективны, когда они носят двусторонний характер.

Ориентация на раскрытие личностного потенциала и стремление получить достойное место в социальной системе по объективным основаниям, — а именно потому, что ты есть тот, кто ты есть и тот, кем стал в результате работы над собой — факт, достойный уважения. Это действительно социально значимый феномен, повышающий мотивацию к самосовершенствованию и у здоровых людей. На уровне идеи это не только разрушение стереотипов по поводу возможностей инвалидов, но и постановка вопроса о возможностях человека. Фактически это идеальный вариант преодоления барьерной среды, который становится возможен в рамках реализации функций института образования.

Теперь, после обозначения общей интенции обратимся к частным аспектам, необходимым для преодоления барьерной среды в социальной интеграции студентов с ОВЗ в социум. По сути, это более совершенные формы защиты интересов общества, которые учитывают интересы инвалидов не как внешнего элемента, а как интересы полноправных представителей социума. При этом учитываются факторы необходимости специфической медицинской помощи, создания специальных условий, формирования доступной социально-психологической среды, повышение личностного роста людей с ОВЗ, в результате чего формируется принцип самостоятельности и независимости, создаются эффективные модели интеграции и коммуникации.

Разберем подробнее обозначенные компоненты. Инвалиды действительно нуждаются в оказании специальной медицинской помощи и создании специальных условий. Это касается не только тех, чьи проблемы связаны с нарушением опорно-двигательной системы, но и практически каждого человека, обладаю-

щего ограниченными возможностями здоровья. Однако даже сменив негативную модель «экономической безопасности общества» на положительную модель медицинской ориентированности, без учета развития других областей мы получаем отрицательную модель медицинской зависимости. Человек на уровне самосознания признает себя в качестве больного или нуждающегося в уходе, тогда как со стороны общества данная схема медицинской ориентации может перейти в идею создания специальных условий для осуществления социализации инвалидов. В частности, в образовательной среде это создание специализированных учебных заведений для инвалидов или ориентация на дистантные формы получения образования. В результате человек привыкает к специальной среде и роли «нуждающегося» в ней, причем зачастую в подлинной социализации стремление со временем атрофируется.

Как следствие, мы получаем модель социальной зависимости и слабости. Она естественным образом выше и продуктивнее, чем модель психологической безопасности, но взятая отдельно она тоже представляет собой крайность. На место социального отказа от человека на том основании, что он обладает выраженной инвалидностью, приходит особое «бережное» отношение к человеку, опять же по принципу его инвалидности. Распространяется мнение о том, что инвалиды — значительно более ранимые люди, чем любой «нормальный» человек. Утверждается принцип цивилизованной дистанцированности и одновременно утверждается ранимость и социальная слабость как определяющий принцип. Данная модель имеет свои негативные последствия. Во-первых, утверждается дискриминирующая дистанция, во-вторых, культивируется беспомощность, ранимость и слабость как стереотип поведения или ожидаемое поведение и, в-третьих, усиливается возможность провокативного оказания помощи, когда чрезмерная забота окружающих становится основным раздражающим фактором. В образовательной среде подобные модели проявляются, например, когда студентам с проблемами нарушения опорно-двигательной системы завышаются оценки или когда к ним применяется излишне лояльная (заниженная) система требований. Тем самым ставится под угрозу положительный результат социализации в сфере образования. При этом допускается существенная ошибка: человек с нарушением опорно-двигательных функций не может относиться по этой причине к менее способным студентам, тогда как подобная система отношений предполагает тотальное выделение и утверждение права на формальную социализацию за счет спекуляции статусом инвалидности.

Здесь необходимо учитывать и другой аспект — внутригрупповую ситуацию. Дело в том, что заниженные требования к студентам-инвалидам со стороны педагогического состава могут вызвать две противоположные, но имеющие одну и ту же природу реакции. В первом случае человек становится своего рода изгоем в коллективе. Он выбывает из системы оценивания на том основании, что к нему применяется другая система требований. Это вызывает негативное восприятия человека как «любимца системы». При этом, чтобы оправдать свое положение, члены общества на психологическом уровне выстраивают модель отношения: «ему, конечно, помогают, но я не хотел бы себе такой участи». Во втором случае человек оценивается окружающими как имеющий право на поблажки за счет своего уникального положения. Коллектив не только прощает системе другой стандарт ценностей, но и в некоторых случаях требует соблюдение особого отношения. По факту, такие «благие намерения» скорее нега-

тивным, нежели положительным образом влияют на формирование адекватной образовательной среды.

Приведенные примеры показывают, что даже положительные социальные интенции по улучшению положения инвалидов в обществе могут наталкиваться на непреодолимые противоречия, если не будут учитываться все факторы, необходимые для эффективного социального взаимодействия. Причем взятые абстрактно или в гипертрофированной форме модели, направленные на преодоление барьерной среды, могут быть сами превращены в разновидность социальных барьеров. Отсюда возникает потребность в создании комплексной системы преодоления барьерной среды людьми с ОВЗ и их эффективной интеграции в общество. Соответственно, если речь идет о модели независимой жизни, то при комплексном подходе к проблеме устраняется эффект социальной отстраненности. Вместе с тем модель независимой жизни также предполагает необходимость самостоятельного социального развития и усиление интенций социализации.

Список литературы

1. *Аксёнова Л.И.* Социальная педагогика в специальном образовании: учеб. пособие. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — С. 85.
2. *Вебер М.* Избранные произведения: пер. с нем. / под ред. Ю.Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
3. *Дудкин Г.В.* Медико-социальный потенциал инвалидного спорта: автореф. дисс. ... канд. социол. наук: 14.00.52 / Волгогр. гос. мед. ун-т. — Волгоград, 2006.
4. *Ткаченко В.С.* Медико-социальные основы независимой жизни инвалидов: учеб. пособие. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2010.
5. *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В.* Высшее образование инвалидов: политика и опыт // Высшее образование в России. — 2004. — № 7.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТУДЕНТОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ И БЕЗ ИНВАЛИДНОСТИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ: ОПЫТ СОЦИОМЕТРИИ

INTERACTION OF STUDENTS WITH AND WITHOUT DISABILITIES AS A FACTOR OF SOCIAL ADAPTATION: THE EXPERIENCE OF SOCIOMETRY

ВОЕВОДИНА Екатерина Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии МГГЭУ (e-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru)

ГОРИНА Елена Евгеньевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (e-mail: elena-eegor@yandex.ru)

VOEVODINA Ekaterina Vladimirovna — Candidate of Sociological Science, Associate Professor, Head of the Chair of Sociology, MGGEU (e-mail: ekaterinavoevodina@yandex.ru)

GORINA Elena Evgenievna — Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Executive Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service (e-mail: elena-eegor@yandex.ru)

Аннотация. В статье анализируется адаптационный аспект взаимоотношений студентов с инвалидностью и «типичных» однокурсников, описана методика и опыт социометрического замера, проведенного авторами в интегрированных группах; анализируются оценочный и социометрический статусы студентов с инвалидностью, а также индекс их популярности в учебной группе.

Ключевые слова: социальная адаптация, образование, инвалид, социометрия, статус, студент.

Abstract. The article examines the adaptation aspect of the relationship between students with disabilities and fellow students. A certain technique of sociometric measurement in integrated groups is presented; the estimated and sociometric status of students with disabilities and the index of their popularity in the study group are analyzed as well as in the given paper.

Keywords: social adaptation, education, disabled person, sociometry, status, student.

Важнейшей сферой жизнедеятельности социума являются рынок труда и занятость, испытывающие глубокие кризисные явления в связи с изменениями экономической ситуации на международном уровне. С проблемами безработицы, недоиспользования человеческого потенциала и нехватки трудоспособного населения столкнулась и Россия, в связи с чем одним из актуальных направлений политики занятости является стимулирование экономической активности населения через повышение эффективности использования челове-

ческого потенциала страны. Так, государство берет на себя обязательство интегрировать в рынок труда те категории населения, которые признаны испытывающими трудности в поиске работы и обладающими недостаточно высокой конкурентоспособностью, среди которых наряду с одинокими и многодетными родителями, несовершеннолетними, гражданами предпенсионного возраста, лицами, освобожденными из мест лишения свободы и др. называются инвалиды [1, с. 5].

Наиболее эффективным методом стимулирования конкурентоспособности является повышение квалификации будущих работников, в т.ч. через получение высшего образования. При этом обучающимся предоставляется возможность расширения коммуникативного потенциала, приобретения социальных связей, т.е. развития социального капитала личности. Однако образовательный процесс не будет протекать эффективно, если студент, имеющий инвалидность, не будет включен в социальную среду вуза наравне с «типичными» обучающимися.

Социальная адаптация в данном случае понимается как процесс активного взаимодействия индивида и социальной среды с целью достижения оптимального уровня функционирования и соответствия этих элементов друг другу, что отвечает современным трактовкам данного понятия не только в социологии, но и в смежных науках.

На этот процесс влияют разнообразные факторы, в зависимости от степени влияния подразделяющиеся на стрессоры (оказывающие негативное воздействие на процесс адаптации), стазоры (способствующие протеканию адаптации) и нейтеры (не влияющие на адаптационные процессы) [2, с. 24]. Отметим, что один и тот же фактор может являться в одном случае стрессором, в другом — стазором, в третьем — нейтером.

В условиях инклюзивного и интегрированного образования важнейшим адаптационным условием выступает взаимодействие студента с инвалидностью с однокурсниками без инвалидности. Так, выделяя критерии эффективности социальной адаптации в различных сферах жизнедеятельности человека, Н.Б. Шмелева и Т.А. Чертушкина указывают, что в сфере межличностного общения подобными критериями являются удовлетворенность отношениями в малых группах (в нашем случае это студенческая группа), социометрический статус, адекватность взаимодействия с соучастниками трудовой деятельности (сокурсниками). [3, с. 86]

Одной из задач, поставленных авторами статьи в ходе комплексного исследования социальной адаптации студентов с инвалидностью к условиям высшего учебного заведения, являлось выявление адаптационного потенциала процессов взаимодействия «нетипичного» обучающегося с его социальным окружением — учебной группой. Для решения задачи использовался метод социометрического опроса. В выборку вошли студенты с инвалидностью и без инвалидности, обучающиеся совместно. При этом исследование проводилось в вузах, ориентированных преимущественно на «типичных» студентов, в связи с чем авторами ставилась гипотеза о маркирующем свойстве инвалидности и эффекте социального исключения «нетипичного». Частная гипотеза заключалась в том, что студенты с визуализированной инвалидностью (имеющие внешние особенности организма) будут обладать пониженным социометрическим статусом в сравнении со студентами, имеющими невыраженную (не визуализированную) инвалидность.

Отметим, что социометрия — это метод исследования, предложенный Дж. Морено, позволяющий выявлять личностные взаимосвязи и предпочтения в малых социальных группах. Социометрический опрос был дополнен методом неформализованного интервью участников исследуемых групп.

Социометрический опрос проводился в высших учебных заведениях Владимирской области в 15 студенческих группах. Реализуя количественно-качественный подход к построению выборки, авторы включили в нее группы, в которых обучаются студенты как с видимыми признаками инвалидности (глухота, нарушенная речь, ограниченная мобильность и т.д.), так и без таковых (скрытые заболевания, к которым может относиться эпилепсия, диабет, болезни сердца и т.д.). Кроме того, в выборку попали три студенческие группы заочной формы обучения. Опрашиваемые проходили подготовку по следующим специальностям: «Автоматизация технологических процессов и производств», «Комплексная защита объектов информации», «Информационные системы и технологии. Мультимедиа и компьютерная графика», «Управление и информатика в технических системах», «Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем», «Прикладная информатика в экономике», «Социальная работа».

Чтобы минимизировать эффект подсознательного стремления респондентов показать себя с «наилучшей» стороны, хорошо известный социологам, работающим в поле прикладных исследований, при объяснении целей опроса авторы скрыли истинные задачи процедуры — выявление внутригруппового статуса инвалидов. Опрашиваемым было заявлено, что основная задача исследования, проводимого в их группах — сравнение внутригрупповых отношений студентов технических и гуманитарных специальностей. Причем первых в выборку попало 42%, вторых, соответственно — 58%.

Взаимоотношения в малых группах — сложное психосоциальное явление, состоящее из множества компонентов и подверженное влиянию огромного количества факторов. Важнейшими адаптационными критериями здесь выступают восприятие человека членами группы (оценка его качеств, востребованных в силу специфики самой группы) и личностные предпочтения членов группы. В связи с этим исследователи поставили цель, с одной стороны, выявить оценку студента, имеющего инвалидность, членами его коллектива по наиболее важным для студенческой группы критериям (всего было выбрано шесть характеристик, позволяющих выявить восприятие человека как члена студенческой группы: одаренность/бездарность, доброта/вредность, общительность/замкнутость, трудолюбие/лень, простота/хитрость, ответственность/безответственность), а с другой — его социометрический статус, т.е. степень востребованности человека в группе, готовность идти с ним на контакт, формировать малые группы в составе учебного коллектива.

Для решения данной исследовательской задачи в социометрический опросник были включены десять шкал трех видов. Во-первых, респондентам предлагалось ранжировать всех участников группы по степени близости, от наиболее близкого к наименее. Восемь шкал были составлены в классическом для социометрического опроса виде, предполагающем указание выборов членов группы (в первую, вторую и третью очереди). Причем шкалы отражали как положительные, так и отрицательные предпочтения одnogруппников в различных сферах жизнедеятельности группы:

- **деловой (профессиональный) выбор** позволили оценить вопросы: «Вам дали задание, которое необходимо выполнить в небольшой группе (2–4 чел.), кого бы Вы хотели видеть в данной группе в первую очередь _____, вторую _____, третью _____?»; «Кого бы Вы не взяли в данную группу в первую очередь _____, вторую _____, третью _____?»;
- **пространственно-бытовой выбор**: «Если бы все члены Вашей группы жили в общежитии, с кем из них Вам хотелось бы поселиться в одной комнате в первую очередь _____, вторую _____, третью _____?»; «Как Вы думаете, кто из членов Вашей группы хотел бы жить с вами в одной комнате в первую очередь _____, вторую _____, третью _____?»;
- **лично-симпатийный выбор**: «Если бы Вас перевели в другую группу, кого из однокурсников Вы бы взяли с собой в первую очередь _____, вторую _____, третью _____?»; «Если бы всю Вашу группу переформировали, кого из ее членов Вы не хотели бы оставить в своей группе в первую очередь _____, вторую _____, третью _____?»;
- **выбор дружбы и внеучебного общения**: «Кого из группы Вы пригласили бы на день рождения в первую очередь _____, вторую _____, третью _____?»; «Кого из группы Вы не хотели бы видеть на своем дне рождения в первую очередь _____, вторую _____, третью _____?».

Самой сложной для респондентов стала десятая шкала, предполагающая оценку каждого члена своей группы по шести критериям:

Одаренный	5 4 3 2 1	Бездарный
Добрый	5 4 3 2 1	Вредный
Простой	5 4 3 2 1	Хитрый
Трудолюбивый	5 4 3 2 1	Ленивый
Общительный	5 4 3 2 1	Скрытный
Ответственный	5 4 3 2 1	Безответственный

При этом на смещение оценки в негативную сторону указывал выбор оценок 2 или 1, в положительную сторону — оценок 4 и 5 (последняя выбиралась, когда у оценивающего не было сомнений относительно наличия данного качества), оценка 3 означала нейтральное восприятие характеристики.

В результате было выяснено, что средняя оценка студента с инвалидностью членами группы в 54,5% случаев выше средней по группе, даже более того — в 45,5% случаях по данному показателю они были в лидерах (их отклонение от среднего значения было выше, чем среднее квадратичное отклонение по группе). Причем оценки студентов с видимыми признаками инвалидности в 80% случаев занимали верхние позиции, тогда как у тех студентов-инвалидов, статус которых скрыт, в 66,7% средняя оценка по всем характеристикам не дотягивала до средней по группе оценки. Таким образом, гипотеза о том, что студенты с инвалидностью без видимых признаков оцениваются группой выше (не воспринимаются как нечто чуждое, инородное), не подтвердилась. Более того, оценки студентов с визуализированной инвалидностью в каждой характеристике были выше (табл. 1).

Таблица 1

Средняя оценка качеств студентов с инвалидностью их сокурсниками

	Одаренность	Доброта	Простота	Трудолюбие	Общительность	Ответственность	Среднее по всем характеристикам
Студенты с видимыми признаками инвалидности	4,4	4,3	4,2	4,6	3,99	4,58	4,36
Студенты без видимых признаков инвалидности	3,4	3,9	3,6	3,5	3,37	3,57	3,56
Средняя оценка по всем студентам-инвалидам	3,881	4,12	3,856	3,98	3,654	4,033	3,9211

Данный факт объясняется тем, что студенты, не имеющие признаков инвалидности, на практике пытаются скрыть свой статус, что со временем переходит в закомплексованность, напряженность в общении с коллегами. Тогда как те студенты, ограничения возможностей которых хорошо заметны, не пытаются скрывать их, при этом весь потенциал они направляют на учебу и выстраивание взаимоотношений в группе. Данное предположение косвенно подтверждается результатами интервью, проводимого авторами одновременно с социометрией. В процессе беседы «здоровые» студенты при ответе на вопрос, есть ли в их группе инвалиды, отвечали отрицательно, когда интервью проводилось в группах «скрытых» инвалидов. Более того, показателен случай, когда в процессе интервью студент скрыл от исследователя факт своей инвалидности (не зная о том, что информация о группе была собрана заранее, и что он не случайно попал в список опрашиваемых) и рассуждал об инвалидах, как и все сокурсники, как бы «со стороны». Когда его спросили о качествах, присущих, по его мнению, данной категории, он, не задумываясь, назвал «скрытность» и «замкнутость».

Как показывают результаты социометрии, данное предположение подтверждается: из таблицы хорошо видно, что качеством, в наибольшей степени присущим студентам с инвалидностью, по мнению сокурсников, является доброта (4,12 балла в среднем у всех инвалидов), а в наименьшей — общительность (3,65 балла).

Социометрический статус обучающихся с инвалидностью в студенческой группе, свидетельствующий о готовности группы идти на контакт с инвалидом в разных сферах жизнедеятельности (учебной, досуговой, бытовой и т.д.), чуть ниже средней оценки их качеств: показатель выше среднего значения был у 47% студентов с инвалидностью. В лидеры в данном случае вышло уже только 26,3% инвалидов (отклонение в позитивную сторону было выше среднестатистического).

тистического). Следует отметить, что большинство положительных выборов студентов с инвалидностью сокурсниками было сделано по профессиональному критерию (взяли бы в микрогруппу для выполнения задания), больше отрицательных выборов пришлось на бытовую сферу (отказ от проживания в одной комнате в общежитии) и сферу дружбы и внеучебного общения (не пригласили бы на день рождения).

Еще более интересными оказались результаты подсчета индекса популярности студентов с инвалидностью в группе, который вычисляется по той же формуле, что и социометрический индекс — выборы также складываются и делятся на количество членов групп. Однако в данном случае все выборы воспринимаются как положительные величины, общая популярность как бы складывается из отрицательной популярности и положительной. Индекс популярности студентов с инвалидностью только в 31,6% случаев был выше среднегруппового (в лидеры вышло лишь 15,8%). Кроме того, отметим, что в 11% случаев индекс популярности был ниже среднестатистического: отличие данного показателя у студентов с ограничением жизнедеятельности в меньшую сторону было больше среднестатистического, т.е. превысило среднее стандартное отклонение.

Анализируя различия социометрических индексов «видимых» и «скрытых» инвалидов (табл. 2), можно сделать вывод, что индекс социометрического статуса студентов с визуальными признаками ограничения жизнедеятельности более чем в 13 раз (!) выше показателя студентов, не воспринимаемых членами группы в качестве инвалидов. То есть готовность сокурсников выбирать в качестве партнеров в различных сферах жизнедеятельности группы первых в разы превышает готовность выбора окружением вторых.

Таблица 2

Социометрические индексы студентов с инвалидностью

	Индекс социометрического статуса	Индекс популярности в группе	Индекс положительного социометрического статуса	Индекс отрицательного социометрического статуса
Студенты с видимыми признаками инвалидности	1,32	1,536	1,255	0,1
Студенты без видимых признаков инвалидности	0,1	0,917	0,35	0,4

Показателен в этом отношении также индекс положительного социометрического статуса (рассчитываемый исходя только из положительных выборов одноклассниками): у «видимых» инвалидов он в 3,6 раза выше, чем у их коллег без наличия признаков инвалидности. Разрыв индексов популярности двух категорий студентов уже не так велик — лишь в 1,7 раза, и сокращение такого различия по сравнению с индексом социометрического статуса свидетельствует о наличии отрицательной популярности у студентов-инвалидов без визуализи-

рованных признаков заболевания. Это, в свою очередь, подтверждается четырехкратным разрывом индексов отрицательного социометрического статуса в пользу второй категории студентов с ограничением жизнедеятельности.

Таким образом, можно отметить достаточно высокую оценку студентов с инвалидностью их сокурсниками, несмотря на то, что чаще всего подобный студент воспринимается как недостаточно общительный член коллектива. При этом сохраняется некоторая отстраненность сокурсников в ситуациях формирования малых групп внутри коллектива, особенно в сферах личностного выбора (симпатий) и бытовой (совместного проживания); в сфере делового выбора — совместные подгруппы для выполнения занятия — подобных ограничений не наблюдалось. Одна из гипотез исследования о более высоком статусе студентов с инвалидностью без визуализированных признаков по отношению к студентам, инвалидность которых видна, была полностью опровергнута. Группа готова гораздо быстрее идти на контакт с талантливым сокурсником, имеющим видимые ограничения и резко отличающимся от них, нежели с эмоционально закрытым, необщительным сокурсником, тщательно скрывающим свою инвалидность.

В подобных условиях для студентов первой категории наиболее востребованными будут мероприятия по увеличению доступности среды вуза (постройка дополнительных пандусов, специальных лифтов, туалетных комнат, оборудование медицинских кабинетов во всех корпусах, где занимаются данные студенты). В отношении второй группы студентов с инвалидностью рекомендуется проведение социально-психологических и психолого-педагогических мероприятий внутри вуза с привлечением всех звеньев воспитательной системы учебного заведения: кураторов учебных групп, психологов и социальных педагогов, представителей профкомов, заместителей деканов по воспитательной работе и других сотрудников. Основной целью подобных мероприятий должно стать формирование у такого студента коммуникативных навыков, снятие напряжения, возникающего при общении с сокурсниками, интеграция подобного студента в студенческую среду через его участие в работе различных секций, кружков и клубов вуза.

Кроме того, в вузе могут быть реализованы такие направления работы со студентами, имеющими инвалидность, как укрепление социальных связей, содействие профессиональной реализации (подготовка к выходу на рынок труда). Стремление к сокрытию статуса студентами данной категории может быть обусловлено негативным стереотипом «инвалида», что требует внедрения позитивного социального образа не только в среде «типичных» студентов, но и среди самих инвалидов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 24.11.2016).
2. Урманцев Ю.А. Природа адаптации (системная экспликация) // Вопросы философии. — 1998. — № 12. — С. 21–36.
3. Чертушкина Т.А., Шмелева Н.Б. Профессиональная адаптация военнослужащих, уволенных в запас, как объект деятельности социальных работников // Сервис в России и за рубежом. — 2012. — Т. 28. — № 1. — С. 80–88.

Е.А. Воронцов

**ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ ЛОККА: ФИЛОСОФСТВОВАНИЕ
В ГРАНИЦАХ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА**

**THE EPISTEMOLOGY OF LOCKE: PHILOSOPHIZING
WITHIN THE BOUNDARIES OF COMMON SENSE**

ВОРОНЦОВ Евгений Алексеевич — кандидат философских наук, заведующий кафедрой истории и философии МГГЭУ (e-mail: evg-v@yandex.ru)

VORONTSOV Evgeny Alekseevich — Candidate of Philosophical Sciences. The Head of the History and Philosophy Department of MGGEU (e-mail: evg-v@yandex.ru)

Аннотация. В работе дается дифференцированное представление о специфике и базовых положениях гносеологической системы Локка, изложенной в главном теоретическом труде мыслителя — «Опыты о человеческом познании». Освещаются мало изученные аспекты данной темы: демаркация истинных и ложных идей, соотношение реальной и номинальной сущностей, проблема вероятностных суждений. Автор уделяет специальное внимание выявлению внутренних противоречий гносеологии английского мыслителя, разрешение которых послужило стимулом к дальнейшему развитию теоретической мысли Нового времени.

Ключевые слова: теория познания, сущность, первичные и вторичные качества, истина, правдоподобие, идея, интуиция, дедукция, чувственный опыт.

Abstract. The article gives a representation of some special features of fundamental points of Locke epistemological system, given in the main theoretical work of the thinker «On human understanding». The article is devoted to the under-explored subject: the demarcation of true and false ideas, the relationship of real and nominal essences, the problem of probability judgments. The author pays special attention to the intrinsic contradictions of the English philosopher's epistemology that gave the impetus for further development of the theoretical thought in modern times.

Keywords: epistemology, essence, primary and secondary qualities, truth, credibility, idea, intuition, deduction, sensory experience.

Каковы пределы человеческого познания и как соотносится наш субъективный образ мира с его объективным содержанием? В пространстве философствования Нового времени, отмеченного ярко выраженной рефлексивной направленностью, эти вопросы приобретают значение определяющее. В кардинально иных исторических условиях с новой силой осознается и переживается открытый еще Сократом фундаментальный философский принцип, согласно которому знание и самопознание неразрывны.

Одна из самых масштабных и влиятельных попыток осмысления возможностей и границ человеческого представлена в творчестве выдающего английского мыслителя Джона Локка (1624–1704), автора работы «Опыт о человеческом разумении» (1690 г.). Локк работал над своим главным теоретическим произведением около двадцати лет. Уже при жизни автора «Опыты» выдержали четыре издания, были переведены на другие языки и принесли британскому мыслителю общеевропейскую славу.

В англоязычных странах Локка относят к разряду наиболее глубоких и авторитетных эпистемологов Нового времени, а изучение его «Опытов» по-прежнему считается неотъемлемой частью философской образованности [14]. В нашей стране «бум» внимания к Локку приходится на советский период, когда Локк интерпретировался как «основоположник сенсуалистического материализма». Заметный вклад в осмысление его теоретического наследия был внесен И.С. Нарским, А.Л. Субботиным, Г.А. Заиченко.

Авторы современных исследований (А.А. Дмитриева, Ф. Станжевский, В.В. Загороднюк), как правило, ограничиваются анализом отдельных компонентов теоретического наследия Локка. Внутренняя логика развития и взаимосвязь опорных положений гносеологии английского мыслителя остаются вне поля внимания исследователей. Цель настоящей работы — дать развернутое представление о специфике, базовых положениях и коренных противоречиях гносеологической системы Локка.

В основе гносеологических построений Локка лежат три взаимосвязанных постулата. Первое: непосредственным предметом познания являются идеи. Второе: параллельно с миром идей существует независимая от нас объективная реальность, сущность которой остается для нас скрытой. Третье: познание заключается в усмотрении отношений между идеями, с одной стороны, и идеями и вещами — с другой.

Указанные постулаты задают структуру данной работы. Ее первая часть посвящена типологии идей, вторая — демаркации реальной и номинальной сущности, третья — природе и разновидностям познания.

Центральной категорией гносеологии Локка является понятие «идеи». Для понимания специфики локковской интерпретации данного термина, трактуемого в различных философских доктринах далеко неоднозначно, следует обратить внимание на следующие обстоятельства. В рамках учения Платона, благодаря которому это понятие, собственно, и вошло в категориальный аппарат философской мысли, идеи трактовались объективно и представляли собой некие максимально общие закономерности, лежащие в основании всего познаваемого сущего. В Средние века идеи понимаются, с одной стороны, как образцы, по которым творится мир, а с другой — рассматриваются как «врожденные принципы», опираясь на которые ум имеет возможность этот мир познавать.

Порывая с античной и средневековой традицией, Локк трактует идеи не онтологически, а чисто психологически. Локковская идея есть не что иное, как представление вообще [7, с. 95]. Местопребывание идей — сознание, причем сознание индивидуальное. При этом Локк самым решительным образом отмежевывается от сторонников концепции «врожденных понятий» [2, с. 269]. До опыта душа идеями не обладает. В этом смысле она, по выражению Локка, подобна пустой комнате (*empty cabinet*) или чистой дощечке (*tabula rasa*).

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что сферу идей образуют не только объекты умозрительные, но и чувственные. Во введении к «Опытам» английский философ прямо говорит о том, что он называет идеей «всё, чем может быть занята душа во время мышления» [7, с. 95]. В контексте платоновской парадигмы мыслимое и чувственное противопоставлялись: идеи можно мыслить, но нельзя видеть.

По своей внутренней структуре идеи, согласно Локку, делятся на простые и сложные. Простые идеи являются своеобразными «информационными атомами». Каждый такой атом однороден и не допускает внутренней дифференциации. Восприятие простой идеи отличается «ясностью и отчетливостью». Ошибка здесь невозможна. «Каждая такая идея, будучи сама по себе несложной, содержит в себе *одно единообразное представление* или восприятие в уме, не распадающееся на различные идеи» [7, с. 169].

Можно разрушать и создавать вещи, но нельзя сделать того же с элементами, из которых эти вещи складываются. Так же можно строить и разрушать различные мысленные конструкции, но невозможно по своей воле изменять содержание простых идей, из которых эти конструкции возводятся. «Способности человека и образ его действия почти одинаковы в материальном и интеллектуальном мире... Материалы в том и другом мире таковы, что не во власти человека их создавать или уничтожить» [7, с. 213]. В момент восприятия простых идей наше сознание абсолютно пассивно и в этом отношении подобно зеркалу, на поверхности которого отображаются окружающие его предметы. «*Разум* так же мало *волен* не принимать эти *простые идеи*, когда они представляются душе, изменять их, когда они запечатлелись, вычеркивать их и создавать новые, как мало может зеркало не принимать, изменять или стирать образы, или идеи, которые вызывают в нем поставленные перед ним предметы» [7, с. 168]. Интересно, что до Локка сравнение ума с зеркалом встречалось у Бэкона. Совпадение это, надо полагать, не случайно. Оба эмпирика склонены трактовать сознание как компонент пассивный.

Другая важная особенность простых идей заключается в том, что последние не допускают дефиниций. Единственный способ познать их — опыт [7, с. 280].

По своему источнику простые идеи делятся на идеи ощущений (*sensation*) и идеи рефлексии (*reflexion*), или, говоря иначе, на идеи, полученные посредством внешнего опыта, и идеи, полученные благодаря опыту внутреннему. Ряд исследователей связывает этот пункт учения Локка с влиянием Декарта [2, с. 272]. Отметим, однако, что противопоставление психических и физических явлений было введено в европейскую философию не Декартом, оно встречается уже у Платона и затем углубляется в учениях христианских мыслителей.

Следует подчеркнуть, что, согласно Локку, идеи, полученные через ощущения, хронологически и логически предшествуют идеям, приобретаемым путем рефлексии. Таким образом, «свечой зажигания» механизма познания оказывается чувственный опыт [2, с. 273]. В свете сказанного оценка Локка как сенсуалиста вполне оправдана [11, с. 605].

К идеям, приобретенным посредством внешнего опыта, относятся два вида представлений. Во-первых, это представления, которые приходят в сознание посредством одного ощущения: цвет, запах, вкус, плотность. Во-вторых — это представления, которые проникают в душу посредством нескольких чувств. Таковы — движение, пространство, форма.

К воззрениям, полученным посредством внутреннего опыта, относятся различные модификации мышления и воли. Речь идет о таких представлениях, как восприятие, воспоминание, именование, вера, свобода, необходимость. Наконец, к идеям, приходящим одновременно от двух источников, относятся идеи силы, существования, единства (числа), последовательности (времени), наслаждения и страдания.

Согласно Локку, идеи находятся в нас, но причины их — вне нас. Причины идей, приобретаемых через внешний опыт, Локк называет качествами. «Всё, что ум воспринимает в себе и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания, я называют идеєю. Силу, вызывающую в нашем уме какую-нибудь идею, я называю качеством предмета, которому эта сила присуща» [7, с. 183].

Опираясь на античную (демокритовскую) традицию, возрожденную в Новое время Галилеем, Локк делит все имеющиеся у вещей качества на первичные, вторичные и диспозиционные. Первичные качества — плотность, протяженность, число, движение и форма. Эти физико-математические качества Локк называет реальными. Вторичные качества — запах, цвет, вкус и другие чувственные данные. В основе вторичных качеств тела лежат невоспринимаемые нами первичные качества. Диспозиционные качества — это способность первичных качеств одного тела вызывать изменение в первичных качествах другого тела. Например, солнце способно делать воск белым. Тело, претерпевшее соответствующие изменения, действует на наши чувства не так, как прежде. Локк утверждает, что первичные качества подобны вызывающим их прообразам, вторичные считаются подобными, наконец, диспозиционные не подобны и не считаются таковыми.

В результате применения к простым идеям различных мыслительных операций ум обогащается идеями сложными. Таковых операций три. Оперируя идеями, разум либо соединяет их, либо сопоставляет друг с другом, либо, наконец, друг от друга отделяет [7, с. 222]. Результатом соединения идей являются идеи субстанции. Результатом сопоставления — идеи отношений. Результатом отделения — идеи модусов.

Рассмотрим указанные типы сложных идей по отдельности.

Наибольший интерес здесь вызывает идея субстанции (от лат. *substantia* — «лежащее в основании», сущность). Согласно Локку, осмысливая содержание нашего сознания, мы обнаруживаем, что функционирующие в нем идеи, как привило, существуют не изолированно, а в неразрывной связи с другими идеями. Чтобы объяснить эту постоянную связь, мы домысливаем некий носитель, держащий вместе наблюдаемые нами комплексы простых идей. «Поэтому, когда мы говорим или мыслим о каком-нибудь отдельном виде телесных субстанций, как лошадь, камень и т.д., то, хотя наша идея есть только сочетание или соединение различных простых идей тех чувственных качеств, которые мы обыкновенно находим объединенными в предмете, называемом *лошадью* или *камнем*, но, не будучи в состоянии постигнуть, как эти качества могут существовать одни или друг в друге, мы предполагаем, что они существуют на некоторой общей основе — носителе — и поддерживаются ею. *Этот носитель мы обозначаем именем "субстанция"*» [7, с. 347]. Однако, что стоит за идеей субстанции, — остается загадкой. Локк даже говорит о том, что мы прибегаем к этой идее ради удобства, дабы не перечислять все качества той или иной вещи,

а также в силу «невнимательности», считая чем-то единым то, что на самом деле является лишь сочетанием многих идей [7, с. 345].

Как мы видим, Локк относится к данному понятию с нескрываемым подозрением. Критика идеи субстанции стала сквозной темой рассуждений последующих английских эмпириков [10, с. 126]. В данном отношении эмпирики — прямые антагонисты рационалистов (Декарта, Спинозы и Лейбница), видевших в субстанции одну из базовых философских категорий. Для эмпириков идея субстанции является, скорее, тормозом, нежели стимулом для развития философской и научной мысли. В этом отношении эмпирики — провозвестники позитивизма.

Обращает на себя внимание тот факт, что, согласно Локку, идея субстанции не дается нам в опыте. Субстанция нами домысливается, и в этом смысле является умозрительной. В устах последовательного эмпирика, на роль которого претендует Локк, это утверждение звучит, по меньшей мере, непоследовательно [14, с. 74].

Локк, вслед за Декартом, различает три вида субстанций: Бог, душа и тело [7, с. 380]. Внутренняя природа каждого вида субстанций нам неведома. Декартовское решение, согласно которому сущность тела — протяжение, а сущность души — мышление, Локка не устраивает. Вообще вопрос о соотношении души и тела Локк, в отличие от Декарта, считает неразрешимым. «Без Откровения, путем созерцания своих собственных идей, мы не можем обнаружить, дал ли всемогущий Бог некоторым системам материи, соответственно устроенным, способность воспринимать и мыслить или же Он присоединил и прикрепил к материи... мыслящую нематериальную субстанцию» [8, с. 18].

В целом, в учении Локка о субстанции соединяются две идейных традиции — аристотелевская и христианская. В рамках первого подхода субстанции отождествлялись с единичными вещами [14, с. 67], тогда как в рамках второго данная проблема решалась в свете догматов о творении и самобытности человеческой души.

Следующий вид сложных идей — идеи отношений, представляющих собой результат абстрагирующей работы мысли. Идеи отношений возникают вследствие сопоставления одной вещи с другой. Различается четыре вида отношений. Отношения соразмерные: «белее», «слаще», «больше». Отношения естественные — «отец», «брат», «сестра». Отношения установленные — «генерал», «гражданин». Отношения нравственные — «добро», «зло», «добродетель», «порок». Особое место среди отношений занимают отношения «причина — следствие», «тождество и различие». Надо понимать, Локк относит их к разряду отношений естественных.

И наконец, переходим к идеям-модусам. Модусы есть сложные идеи, обозначающие *отдельные* характеристики и свойства субстанций. В природе сами по себе (т.е. без носителей) модусы, как и отношения, не существуют, и в этом смысле они суть абстракции. Модусы делятся на простые и смешанные. Простые модусы суть разновидности и различные сочетания одной и той же идеи. Например, различные числа — это модусы единицы. Фигуры, объемы, расстояния, места — модусы пространства. Единицы измерения времени — модусы продолжительности. Что касается смешанных модусов, то они «составлены из простых идей разных видов, соединенных для образования одной сложной идеи» [7, с. 134]. К таковым, в частности, относятся причинность, красота, ложь, лицемерие.

Пожалуй, никто из предшествующих мыслителей не предлагал столь детальной и многоплановой классификации идей. Обстоятельство это не случайно. Как правило, большинство философов, живших до Локка, исходили из возможности непосредственного восприятия сущего. Становясь предметом познания, последнее подразделялось на роды и виды, которые, в свою очередь, использовались в качестве основ для различных классификаций. Вспомнить, к примеру, знаменитое «древо Порфирия» или всевозможные классификации, которыми изобилуют труды Аристотеля. Для Локка указанный подход представляется невозможным. Как отмечалось выше, Локк исходит из установки, согласно которой непосредственным предметом познавательной деятельности являются идеи. Мы имеем дело не с вещами, а с нашими представлениями о них. Говоря о времени, пространстве или свободе, Локк говорит не о том, как они существуют сами-в-себе, а о том, как они нами переживаются и мыслятся. Поэтому-то классификации подвергаются не вещи сами по себе, а наши о них представления.

Наиболее рельефно агностическая компонента построений Локка обнаруживается в его учении о двух видах сущности, к анализу которого мы и переходим.

В пространстве теоретической философии вопрос о сущности относится к числу первостепенных. Предшествующая Локку философская традиция решала данную проблему в свете платоновско-аристотелевского учения об идеях. В эпоху схоластики оно трансформировалось в концепцию «субстанциональных форм». По отношению к вещам субстанциональные формы выполняли две функции. Во-первых, субстанциональные формы трактовались как причины всевозможных качеств вещи, причем как уже известных, так и еще скрытых. Во-вторых, субстанциональные формы служили основанием группировки предметов по классам. По учению схоластов, субстанциональные формы существовали объективно и, что не менее важно, были для нас познаваемы.

Схоластическое учение о субстанциональных формах Локк считает в корне неверным. Прежде всего, он предлагает говорить не об одной, а о двух сущностях — номинальной и реальной [7, с. 474, 497]. Реальная сущность — это внутренняя структура объекта, которая в конечном счете и определяет его всевозможные качества. Что же касается сущности номинальной, то она заключается в совокупности известных нам характеристик вещи. Мысля эту совокупность, мы причисляем исследуемый объект к тому или иному классу. Одним словом, деление предметов на роды и виды есть дело рук человеческих. «Искусство премудрого и всемогущего Бога в великой мастерской мира и во всех частях его превышает способности и понимание самого пытливого и проницательного человека в гораздо большей степени, чем лучшее изобретение самого даровитого человека превышает понимание самого невежественного из разумных существ. Поэтому совершенно тщетны наши намерения разделять вещи и по названиям распределять их на определенные классы по их *реальным сущностям*, которые совершенно не выявлены и не поняты нами» [7, с. 502].

Реальные и номинальные сущности в различных видах идей соотносятся по-разному. В простых идеях, а также модусах реальная и номинальная сущности совпадают. В субстанциях же эти две сущности всегда разнятся.

В контексте классической философии, на почве которой и вырастают построения Локка, вопрос о сущности всегда был неразрывно связан с вопросом об онтологическом статусе *общего*, или, говоря точнее — о том, как и где существуют предметы общих понятий. Например, какой объект обозначается понятием «че-

человек». Это понятие охватывает всех людей, поэтому ни один конкретный человек исчерпывать собой весь объем этого понятия не может. Данная проблема зародилась еще в античности и опять же в связи с платоновским учением об идеях. Ведь идеи — это как раз и есть то *общее*, благодаря которому объекты мысли группируются по классам. Во времена Локка в зависимости от решения этой проблемы философы делились на реалистов, номиналистов и концептуалистов. С точки зрения реалистов (от лат. *realis* — вещественный, действительный), *общее* существует самостоятельно. Если пользоваться средневековыми формулами, то, согласно реалистам, общее существует *до* вещей как их образы, *в* вещах как их формы, *после* вещей как понятия в нашем уме. Очерченная позиция восходит еще к Платону. Номинализм (от лат. *nomen* — имя) постулирует реальность единичного. Общие понятия — лишь знаки, или имена для обозначения единичных предметов. Наконец, с точки зрения концептуалистов (от лат. *conceptus* — понятие), предмет общих понятий функционирует на уровне ума. В отличие от подавляющего большинства схоластов, тяготевших к реализму, мыслители Нового времени, как правило, склонялись к номинализму. Локк же является типичным концептуалистом. Утверждаемая рядом исследователей [10, с. 127] трактовка Локка как номиналиста представляется неточной. Согласно Локку, реально существует только единичное. *Общее* же есть результат абстрагирующей деятельности ума. *Общее* присутствует не в самих вещах, а в наших о них представлениях: мы называем *общим* то, на основании чего причисляем предмет к тому или иному классу. Иными словами, *общее* — это та же создаваемая нами номинальная сущность. Отбрасывая от сложной идеи конкретного объекта его «особенные» свойства, мы получаем новую идею, представляющую не один, а множество сходных между собой предметов [7, с. 499]. Утверждая, что номинальная сущность есть не что иное, как отвлеченная идея, Локк не может не признать, что отвлечение это происходит с учетом *реального* сходства вещей [7, с. 247]. Правда, если есть реальное сходство, значит, *общее* должно существовать и без ума. Этот момент, однако, Локк оставляет без прояснения.

Поскольку реальная сущность вещей остается для нас скрытой, все физические построения носят описательные характер. Неудивительно, что Локк прямо говорит о том, что науки о природе быть не может [8, с. 35]. Заявления Локка о непознаваемости реальной сущности впоследствии вызовут острую критику со стороны Гегеля [3, с. 387]. Справедливости ради отметим, что современная теория науки (Поппер, Кун) солидарна в данном вопросе с Локком.

Правда, утверждая невозможность достоверного исчерпывающего знания в области изучения природы, Локк не отрицает достижимость такового в этике и математике. Ручательством этой надежды является то обстоятельство, что обе эти дисциплины «работают» с объектами, созданными нами самими [8, с. 26–27].

В учении о двух видах сущности рельефно обнаруживается отмечаемая исследователями наклонность автора «Опытов» к материализму [4, с. 39]. «Реальные сущности» Локка — это не «чистые» идеи Платона, а строение неведомых нам атомных структур. Высказываясь в поддержку атомистической гипотезы, автор «Опытов» косвенно полемизирует с континентальными мыслителями, прежде всего Декартом, одновременно примыкая к воззрениям своих соотечественников — Ньютона, Гоббса, Бойля [14, с. 71]. Впрочем, речь идет именно о наклонности. Популярная в советское время безоговорочная оценка Локка как

материалиста [9, с. 16], — конечно, преувеличение. Мы уже знаем, что Локк признает догмат о творении и различает не один, а три вида субстанций.

Разобранное выше учение о двух видах сущностей дает возможность дополнить локковскую классификацию идей еще одним важным компонентом. В зависимости от их гносеологической ценности идеи могут квалифицироваться как: 1) реальные и фантастические, 2) адекватные и неадекватные, 3) истинные и ложные. Рассмотрим каждый из этих видов по отдельности.

Во-первых, идеи делятся на реальные и фантастические. Первые «имеют основания в природе, сообразны с реальным бытием и существованием вещей» [7, с. 425]. Фантастические идеи этим требованиям не отвечают. Все простые идеи реальны. Реальны также идеи модусов и отношений, поскольку «не имеют другой реальности, кроме реальности в человеческом уме... Будучи сами прообразами, эти идеи не могут быть химерическими, если только кто-то не приписывает к ним несообразные идеи» [7, с. 427]. Что же касается идей субстанций, то они реальны «лишь постольку, поскольку они являются такими сочетаниями простых идей, которые реально соединены и существуют совместно в вещах вне нас» [7, с. 428]. Субстанции, выступающие носителем несоединимых в опыте качеств, будут фантастическими. Таковой, например, будет субстанция, в которой к туловищу человека присоединена голова лошади.

Во-вторых, идеи делятся на адекватные и неадекватные. Адекватные идеи представляют свои прообразы полностью, без изъяна. Неадекватные идеи отражают свои прообразы лишь частично. Простые идеи, модусы, а также отношения всегда адекватны. Идеи субстанций всегда неадекватны. При этом неважно, будем ли мы относить субстанцию к «предполагаемой реальной сущности каждого вида вещей» [7, с. 432] или будем считать субстанцию носителем обнаруженных нами качеств той или иной вещи. В первом случае идея субстанции будет неадекватной, поскольку реальная сущность объекта, как уже отмечалось выше, нам никогда неведома. Во втором — поскольку мыслимые нами свойства объекта — это лишь ничтожная часть его характеристик [7, с. 435].

В-третьих, идеи делятся на истинные и ложные. Локк подчеркивает: взятые сами по себе, как представления в уме, идеи не могут быть ни истинными, ни ложными. Они становятся таковыми только в случае соотнесения идеи с их прообразами. В качестве прообраза выступают или идеи других людей, или сама реальность, или, наконец, реальная сущность вещей.

Ложные идеи возникают в следующих случаях. Во-первых, если мы считаем имеющуюся у нас идею какого-либо объекта тождественной идее того же объекта, принадлежащей другому человеку, в то время как он вкладывает в содержание данной идеи свой собственный смысл. Во-вторых, если объект фантастической идеи выдается за идею реальную (например, существование кентавров). В-третьих, если идея, отражающая номинальную сущность, выдается за идею, раскрывающую сущность реальную.

В отношении к внешней реальности может быть ложной только идея субстанции. Ни простые идеи, ни модусы ложными быть не могут. Однако причины, в силу которых не бывает ложных простых идей и ложных модусов, различны. Простые идеи мы получаем извне. Если бы не было внешних вещей, то не было бы и простых идей [7, с. 443]. Модусы же не могут быть ложными, поскольку существуют лишь в нашем сознании и никакого внешнего коррелята не имеют [7, с. 445]. Что касается идеи субстанции, то таковая будет ложной,

если вместе соединяются качества, в природе не соединимые. А также тогда, когда из набора идей, реально присущих определенному объекту, та или иная идея исключается.

В отношении к мнениям других людей, как правило, ложны идеи смешанных модусов. Простые идеи и идеи субстанции в большинстве случаев ложными не бывают [7, с. 444]. Люди то и дело спорят относительно того, что такое справедливость, благодарность или слава (уровень смешанных модусов), но не относительно чайника, цветка или весла (уровень субстанций). Нет спора и о том, что есть красное, а что голубое (уровень простых идей).

В отношении реальной сущности ложны только идеи субстанции. Понимаемая как внутреннее строение объекта субстанция нам неведома. Простые идеи на познание реальной сущности объектов в большинстве случаев и не претендуют [7, с. 444]. Что же касается модусов, то в реальности объекты модусов не существуют, ибо модусы по определению есть абстракции.

Локк дополняет этот основной список еще двумя случаями. Идея будет ложной, если, будучи неадекватной, выдается за адекватную, либо объединяет в себе несовместимые части, т.е. является фантастической [7, с. 450]. Последний пункт, кстати, указывает на тот факт, что Локк, который в полемике против врожденности идей говорит о бесполезности закона недопустимости противоречия, имплицитно этот самый закон признает: мыслить противоречивое — значит мыслить ложное.

В целом фантастические и неадекватные идеи оказываются частной модификацией идей ложных, так что корректнее делить идеи не по трем отдельным основаниям, как это делает Локк, а по одному: в конце концов идеи делятся на истинные и ложные, а последние, в свою очередь, включают в себя идеи неадекватные и фантастические.

Разобранная выше локковская концепция идей образует фундамент итоговой части гносеологических исканий мыслителя — его учения о познавательном процессе, к разбору которого мы и приступаем.

Как отмечалось выше, согласно Локку, единственным материалом познания являются идеи [8, с. 3]. Ни с какими другими объектами ум дело иметь не может. Но присутствие в сознании идей еще не дает знания. Знание возникает в результате усмотрения взаимосвязи идей. Ум фиксирует либо их соответствие (*agreement*), либо несоответствие (*disagreement*) друг другу.

Локк выделяет четыре вида соотнесенности идей: тождество-различие, совместное существование, взаимоотношение, реальное существование [8, с. 5]. «Ибо всякое возможное для нас исследование о какой-либо из наших идей... состоит в том, что одна идея одинакова или неодинакова с другой, что она всегда существует или не существует совместно с другой идеей в одном предмете, что она имеет то или иное отношение к другой идее или что она имеет реальное существование вне ума». Рассмотрим каждый из этих видов по отдельности.

Во-первых, ум фиксирует, являются ли рассматриваемые им идеи тождественными или различными. Например, идеи синего и желтого различны.

Во-вторых, ум задается вопросом, связаны ли интересующие его идеи необходимым образом или их совместное существование случайно. Данный вид отношений устанавливается главным образом при осмыслении природных субстанций. Например, свойство поддаваться действию магнита является для всякого металлического предмета необходимым, в то время как цвет, которым

данный предмет обладает, есть свойство случайное. Эта часть человеческих знаний «совершенно ничтожна» [8, с. 22]. Причина этого обстоятельства заключается в том, что простые идеи, из которых складываются все наши познания, сами в себе не содержат указания на необходимость совместимости или несовместимости с другими простыми идеями. В частности, согласно Локку, мы не в состоянии установить никакой необходимости ни в отношении между первичными и вторичными качествами, ни в отношении качеств одного вида. Нельзя, скажем, опытно установить необходимость связи между цветом предмета и формой или между его цветом и вкусом. Не исключено, что данный пункт воззрений Локка стал одним из источников учения Юма о невозможности эмпирического установления причинных связей.

В-третьих, ум усматривает отношения между идеями-модусами, прообразы которых реально не существуют, но являются лишь умозрительными абстракциями. Главным образом речь идет об отношениях между идеями математического и этического плана [13]. Например, два треугольника с равными основаниями между двумя параллельными прямыми находятся в отношении равенства [8, с. 5]. Где нет собственности, там нет и несправедливости. Никакое государство не дает полной свободы [8, с. 27]. Локк называет данную область познания наиболее «широкой», с одной стороны, и абсолютно достоверной — с другой. Напомним, что в модусах реальная и номинальная сущности совпадают. В отличие от предыдущего вида отношений, определяемых опытным путем, в данном случае путем познания является умозрение.

В-четвертых, ум задается вопросом, является ли объект той или иной идеи реальным? Например, реальны ли окружающие нас предметы или это лишь фантом нашего сознания?

Соотнесенность первых трех видов (тождество-различие, совместное существование, взаимоотношения идей-модусов) устанавливается интуитивно или дедуктивно. При интуиции связь между идеями усматривается непосредственно. Например, белое не есть черное, три больше двух, четыре — сумма двоек. При доказательстве связь между двумя идеями усматривается посредством привлечения других идей. «Доказательство есть раскрытие соответствия или несоответствия двух идей через посредство одного или нескольких доводов, находящихся между собой в постоянной, неизменной и видимой связи» [8, с. 133]. Например, истинность положения о том, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, усматривается не непосредственно, а путем привлечения промежуточных звеньев. При этом связь соседних звеньев усматривается интуитивно.

Что же касается четвертого вида соотнесенности (отношение предмета к реальности), то здесь наряду с интуицией и доказательством Локк привлекает еще один вид обоснования — чувственный опыт. Степень достоверности он относит к низшей степени знания (*degree of knowledge*), уступающей и интуиции, и дедукции. «Хотя знание о существовании вещей вне нас при посредстве наших чувств не так достоверно, как наше интуитивное познание или выводы нашего разума... оно все же дает достоверность, которая заслуживает названия познания» [7, с. 110]. Фиксация некоего факта, скажем, наблюдение ходящего по льду человека, — это «более чем вероятность, это — знание», — убеждает своих читателей автор «Опытов» [8, с. 135].

Идеи будут соотнесены с реальностью в трех случаях: когда речь идет о самом познающем, о Боге и о вещах.

Существование *Я* познается интуитивно. Локк в данном отношении выступает приверженцем взглядов Декарта. «Что касается нашего собственного существования, то мы воспринимаем его столь же ясно и столь достоверно, что оно не нуждается ни в каком доказательстве и недоказуемо, ибо для нас нет ничего очевиднее» [8, с. 97].

Бытие Бога познается путем дедуктивным. В данном случае Локк опирается на фундаментальный принцип всей классической философии — *ex nihilo nihil fit* (ничего из ничего не возникает). В рассуждениях Локка этот принцип традиционно для западной философской мысли переплетается с догматом о творении [8, с. 100]. В ходе доказательства бытия Божия Локк опровергает соочечность материи, параллельно указывая на то, что немнслящее мыслящее породить не может.

Наконец, реальность вещей признается на основе свидетельств чувств. Интересно, что доверять свидетельству чувств относительно существования той или иной вещи можно лишь в момент непосредственного контакта с ней, тогда как знание о существовании Бога и самого познающего временными рамками не ограничено. Кроме того, Локк — и здесь он солидарен с Декартом — учит о том, что существование внешнего мира является для нас менее убедительным, чем наше собственное бытие и бытие Божие [8, с. 110]. Последнее обстоятельство является прямым следствием утверждаемой автором «Опытов» сравнительно низкой (по отношению к индукции и дедукции) достоверности чувственного опыта.

Нельзя не заметить, что, говоря о четвертом виде соотнесенности (отношение предмета к реальности), Локк «забывает» о своем первоначальном определении знания как согласованности идей друг с другом и называет знанием согласованность идеи с ее прообразом.

Итак, согласно Локку, в существовании внешнего мира мы удостоверяемся посредством сенситивного опыта. Локк, однако, не ограничивается ссылкой на голый опыт и, предвидя возможные возражения со стороны скептиков, усиливает свою позицию рядом рациональных аргументов, которые должны ответить на вопрос, почему свидетельствам чувств следует доверять. Приводя эти аргументы, воспользуемся результатами исследования современного американского ученого М. Прислака [15].

Во-первых, чувственные способности актуализируются только при наличии внешних объектов, взятые сами по себе они источником идей быть не могут. Во-вторых, данные чувственного опыта, свидетельствующие о существовании внешних объектов, отличаются от фантомов нашего сознания. Мы отличаем восприятие солнца и воспоминание о нем. В-третьих, боль и удовольствие вызываются внешними объектами. Воспоминание об огне ожога не вызывает. В-четвертых, данные чувственного опыта, направленного на внешние объекты, согласуются и поддерживают друг друга. Об одном и том же объекте, как правило, свидетельствует сразу несколько органов чувств.

Рассуждая о сущности и видах познавательной деятельности, Локк самым тщательным образом отграничивает сферу точного достоверного знания от области правдоподобных мнений. В этом отношении Локк является приверженцем линии, начатой еще досократиками (вспомнить, к примеру, того же Демокрита или Парменида), и продолженной классиками греческой мысли Платоном и Аристотелем. Согласно Локку, в тех случаях, когда обладание знанием оказы-

вается невозможным — а случаев таких значительно больше, нежели противоположных [8, с. 19], — человек вынужден довольствоваться предположениями. В отличие от знания предположение, или, как выражается сам Локк, «суждение» может быть верным или неверным. Основанием суждения является вероятность. Последняя есть не что иное, как предположение соответствия между идеями на основании правдоподобных доводов. «Разница между вероятностью и достоверностью, между верованием и знанием состоит в том, что во всех частях знания есть интуиция: каждая непосредственная идея, каждый шаг имеет свою видимую и достоверную связь. Не то с верой: меня склоняет верить нечто внешнее к той вещи, в отношении которой у меня есть вера, нечто такое, что не имеет очевидной связи ни с вещью, ни со мной и что поэтому не показывает ясно соответствия или несоответствия рассматриваемых идей» [8, с. 135, 133].

Вероятность покоится на двух основаниях. Первое — сообразность какой-либо вещи с нашим собственным опытом. Второе — свидетельство опыта других людей. В последнем случае рекомендуется обращать внимание на следующее: 1) число свидетелей; 2) их правдивость; 3) их осведомленность; 4) их намерение; 5) согласованность свидетельств; 6) ступень обусловленности представлений свидетелей их социальной средой [8, с. 135].

Локк различает три степени правдоподобия вероятных суждений. Первая степень имеет место в тех ситуациях, когда интересующий нас факт соответствует общему ходу природы и подтверждается всеми свидетелями («в Англии в прошлую зиму был мороз», «железо тонет в воде»). Вторая степень характеризует ситуации, когда интересующее нас явление *большой частью* происходит именно так («люди предпочитают собственную выгоду общей») и подтверждается многочисленными не возбуждающими сомнения свидетельствами («Тибериус предпочитал личную выгоду общей»). Наконец, третья степень охватывает положения, которые не подтверждаются и не опровергаются природой вещей, но единодушно утверждаются всеми свидетельствами («Юлий Цезарь победил Помпея»).

Завершая анализ гносеологической системы Локка, обратим специальное внимание на присущие этой системе внутренние противоречия.

Локк учит о двух самостоятельных источниках знания. Но фактически базовым источником знания оказывается чувственный опыт. Идеи рефлексии вторичны и в этом смысле несамобытны. Впоследствии указанный пункт воззрений Локка станет объектом критики со стороны Лейбница [6, с. 51].

Последним основанием наших знаний являются полученные в результате опыта простые идеи. Представление, согласно которому причинами простых идей являются независимые от нас вещи, есть сверхопытное догматическое допущение. Это положение будет критиковаться Юмом [12, с. 274].

Остается непроясненным гносеологический статус чувственного опыта. С одной стороны, он является основой познавательного процесса. С другой — взятый сам по себе опыт этот критерием истины быть не может, о чем, в частности, свидетельствует демаркация качеств на первичные и вторичные. Кроме того, по достоверности чувственный опыт уступает рациональному постижению, представленному интуицией и дедукцией.

Локк устанавливает разницу между ощущениями, в которых фиксируются объективные характеристики вещи, и ощущениями субъективного плана. Но, как покажет Беркли, провести эту границу невозможно [7, с. 175]. Указанное деление оказывается произвольным. Не говоря уже о том, что выйти к вещам

сами по себе мы не можем, поскольку единственным непосредственным предметом нашего познания являются идеи.

Локк определяет познание как восприятие соответствия или несоответствия двух идей и одновременно утверждает, что благодаря чувственному опыту мы можем знать о существовании единичных вещей. Но если внешний мир — реальность, а не идея, строго говоря, знать о его существовании нельзя.

Локк позиционирует себя как последовательный эмпирик. В то же время он признает авторитет Откровения и считает возможным заключать о сверхчувственном. Последний пункт вызывал возражения со стороны Канта [5, с. 97].

В своих рассуждениях Локк исходит из двух принципиально разных трактовок истины — имманентной и трансцендентной. С одной стороны, истина есть функция мышления, усматривающего соответствие или несоответствие между идеями, с другой — истина есть соответствие представления реальному положению дел.

Большинство великих мыслителей, от Платона до Гегеля, настаивали на антагонизме философского и обыденного мировосприятия и приносили второе в жертву первому. Локк избирает иной путь. Он благополучно избегает окончательных выводов, искусно сочетая в своих построениях стремление к беспристрастному философскому анализу, с одной стороны, и верность здравому смыслу — с другой. Указанный подход оказался на редкость плодотворным. Идеи Локка нашли свое отражение не только на уровне «популярной философии» эпохи Просвещения, но и в недрах теоретической мысли, представленной работами Лейбница, Юма, Канта.

Список литературы

1. Беркли Дж. Сочинения. — М.: Мысль, 1978.
2. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2 т. Т. 1. — М.: Терра, 2000.
3. Гегель. Лекции по истории философии. Книга третья. — СПб.: Наука, 1994.
4. Заиченко Г.А. Джон Локк. — М.: Мысль, 1988.
5. Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994.
6. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1983.
7. Локк Дж. Сочинения в 3 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1985.
8. Локк Дж. Сочинения в 3 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1985.
9. Нарский И.С. Джон Локк и его теоретическая система // Локк Дж. Сочинения в 3 т. Т. 1. — М.: Мысль, 1985.
10. Рассел Б. История западной философии. — М.: Миф, 1993.
11. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983.
12. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Кн. 1. — М.: Канон, 1995.
13. Kochiras H. Locke's philosophy of science [Электронный ресурс] // Stanford Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/forauthors/gost2008.html>.

14. *Lowe E.J.* Locke on Human Understanding. London-New York. Routledge-Taylor and Francis e-Library, 2002.

15. *Priselac M.* Locke: Knowledge of the External World [Электронный ресурс] // Internet Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <http://www.iep.utm.edu/locke-kn>.

ПРИНЦИПЫ ИНКЛЮЗИИ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ

THE BASIC PRINCIPLES OF INCLUSION IN THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

Мамедзаде Нигяр Кямал кызы — старший преподаватель кафедры истории и философии МГГЭУ (e-mail: nkm2010@yandex.ru)

Mamedzade Nigyar Kyamal kizi — Senior Lecturer, Department of History and Philosophy MGGEU (e-mail: nkm2010@yandex.ru)

Аннотация. В статье представлены основные аспекты современного дискурса инклюзии, рассмотрены возможные пути и условия достижения целей инклюзии. Автор рассматривает социальное образование и социальную культуру как необходимые составляющие процесса инклюзии.

Ключевые слова: инклюзия, социальная культура, социальное образование, общественные объединения, самореализация.

Abstract. The article presents the main aspects of modern discourse of inclusion, the possible ways and terms of achieving the objectives of inclusion. The author examines the social education and social culture as necessary components of the process of inclusion.

Keywords: inclusion, social culture, social education, self-realization, public association.

Вариации толкований понятия «инклюзия» позволяют отнести его к категории еще неутвердившихся, а значит, не ставших всеобще признанными. Обзор научных работ в данной области позволяет нам сделать вывод, что процессы понимания и процессы принятия обществом основных принципов инклюзии идут параллельно. Это обусловлено динамикой исторического процесса и сопряженных с глобализацией явлений и веяний в целом.

Так же как инвалидность выступает индикатором социального неблагополучия общества, инклюзия является индикатором цивилизованной социальной политики государства. Надо признать, что инклюзия сегодня демонстрирует лицо социального государства и в некоторой степени является неизбежной ступенью эволюции человечества.

В особенности это относится к включению лиц с ограниченными возможностями в общий поток общественных процессов, помощи в преодолении экономических различий и географических барьеров. Как для независимой жизни инвалида, так и для жизни любого гражданина это позволяет реализовать право быть неотъемлемой частью общества и принимать активное участие в социальных процессах, право на свободу выбора и доступа к рынку труда и образования, объектам инфраструктуры (жилые и общественные здания, транспорт), коммуникациям и управлению жизненными ситуациями.

Для реализации инклюзии в качестве нового культурного кода социального равенства [7, с. 12] каждому члену общества нужны элементы социального

образования — преодоление технократизма, переосмысление социальных процессов, возможность автономного действия, адекватной интерпретации образования социального [8, с. 348]. Только в таких условиях можно говорить о полноте соответствия государственной социальной политики мировым стандартам и принципам социального государства.

Социальное образование следует рассматривать как фактор, обеспечивающий наряду с общим образованием воспроизводство социальной культуры общества, поддержание его целостности и стабильности. Поэтому интеграция людей с ограниченными возможностями в общество выступает социальной инновацией системы социального образования. Задача социального образования — обеспечить основания для достойной реализации социальных прав, человеческого потенциала продуктивных слоев общества [9, с. 30]. В этом смысле социальное образование может выступать как инструмент инклюзии.

Изучение проблематики процесса инклюзии позволило нам вывести общие принципы данного процесса, принимая которые государство и общество создаст условия для движения в этом направлении.

1. Принцип двухуровневой поддержки людей с ограниченными возможностями. Этот принцип подразумевает участие государственных институтов и общественных организаций в инклюзии граждан.

2. Принцип привлечения частных организаций для финансирования проектов по социальной интеграции граждан.

3. Принцип обеспечения эффективной деятельности системы здравоохранения в области обслуживания людей с ограниченными возможностями здоровья.

4. Принцип активизации деятельности федеральных органов власти и органов местного самоуправления по мониторингу проблем, связанных с включением людей с инвалидностью в социальный контекст.

5. Принцип создания положительного образа инвалидов с помощью воздействия средств массовой информации.

Такие меры, как государственно-экономические, должны дополняться организационной деятельностью муниципальных органов власти региональных систем социальной защиты, общественных организаций, а также коммерческих организаций, направленной на улучшение как социальных, так и экономических показателей качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья.

Профессиональная деятельность занимает центральное место в поддержании статуса инвалидов, способствует выполнению его социальной роли в семье и обществе, улучшению материального положения, обретению чувства независимости и самоуважения, является позитивной составляющей социального самочувствия. Одним из стратегических направлений в осуществлении социальной интеграции инвалидов является их активное вовлечение в сферу занятости в области информационных технологий, профессиональной ориентации, специализированных программ профессионального обучения инвалидов, которые хотят работать и привлекать работодателей к созданию специальной единой базы вакансий для инвалидов.

Создание и функционирование общественных объединений может послужить стартовой площадкой для активизации деятельности многих людей с инвалидностью. Под общественными объединениями (организациями) в этом случае следует понимать добровольное самоуправляемое некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединяющее на основе общности

интересов для реализации общих целей [1, с. 5]. Процесс социальной инклюзии, т.е. интеграции лиц с ограниченными возможностями в политическую и общественную жизнь, их участие в общественных объединениях оказывается полезным не только для инвалидов, но и для власти, которая получает возможность оптимизировать процесс сбора и получения информации с мест, выявления отношения людей к тем или иным действиям властей, распространения новых идей и формирования контингента электоральной поддержки.

Исследуя инклюзию старшего поколения, Л.А. Солдатов предлагает интересную, на наш взгляд, классификацию общественных объединений [5, с. 26], которая вполне применима к инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья. Деятельность общественных объединений, созданных инвалидами, можно разделить на следующие основные формы:

- организации взаимопомощи, деятельность которых направлена на удовлетворение специфических потребностей инвалидов;
- организации, отстаивающие интересы инвалидов как категории населения местного сообщества в различных структурах управления;
- организации, оказывающие профессиональные услуги другим гражданам и организациям (консультационные, педагогические, психологические, правовые, идеологические и т.д.).

Так, деятельность общественных организаций направляется на исследования, разработку и решение фундаментальных проблем жизни инвалидов. Вместе с общественными организациями инвалидов, существенную роль в реализации своего потенциала и потребности в самореализации может оказать волонтерское движение и т.д.

На сегодняшний день средства массовой информации являются одним из важнейших инструментов организации общества и могут положительно влиять на формирование образа инвалидов как носителей духовных ценностей, норм и жизненного опыта.

Проблема ненужности обществу, невостребованности инвалидов в целом порождает у них недовольство, чувство одиночества и суицидальные настроения. Самореализация становится наиболее продуктивной тогда, когда достижения личности находятся в гармонии с ценностными ориентациями [5, с. 28].

Важность культуры в реализации социальной инклюзии инвалидов трудно переоценить. Культура программирует деятельность каждого человека в обществе в соответствии с реальными социальными условиями и ценностными ориентациями, направляет жизненные силы человека на разумные цели и организацию эффективного использования социального потенциала человека, определяет его активность, способность к адаптации, эффективность социальных отношений и взаимодействий с другими людьми.

Основой социальной культуры инвалидов являются индивидуальные системы ценностей и смысла жизненных ориентаций. Исследователи С.И. Григорьев и Л.Г. Гусликова определяют социальную культуру как «способ жизнеосуществления человека в общении с людьми, способ организации социума, его функционирования и развития, адекватный пространству-времени существования субъекта жизнеосуществления» [2, с. 44]. В определенной степени от социальной культуры зависит вектор деятельности человека, а также его способность к адаптации производственно-экономической, духовной, социально-бытовой. В соответствии с ней человек выстраивает отношения с обществом. Но на уров-

не общества социальная культура выражается в выполнении важных функций, таких как организация социального устройства, установление норм, упорядочение и регулирование социальной жизни. Отметим, что многие функции выполняются государственными органами законодательной, исполнительной власти. Как отмечает И.В. Мерзлякова, важной функцией социальной культуры является «формирование такого социального устройства жизни общества, такого жизненного пространства, которое способно обеспечить полноценное становление, развитие, поддержку и защиту жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности человека... деятельного существования личности, реализации ее материальных и духовных интересов» [3, с. 99]. Таким образом, социальная культура служит основой социального благополучия человека и общества.

Социальное образование и социальная культура выступают неизбежными составляющими процесса инклюзии. Ценность человека не зависит от его способностей и достижений. В данном случае важным является понятие и принятие инвалида в обществе. Именно в социальном пространстве и в социальное время становятся значимыми основные характеристики человеческого бытия.

Для того чтобы индивид смог стать причастным к ценностям, а также и сам стал истинно ценным, он должен преодолевать свои эмпирические ценности и признавать интересы других индивидов, интересы своего истинного «я».

Инклюзия направлена против одиночества как дискриминирующего фактора, полностью исключаящего или тормозящего развитие [6, с. 100]. Основной задачей инклюзии, таким образом, является активное приспособление среды и общества к потребностям людей с инвалидностью, предполагающее создание и внедрение системы физического и информационного доступа ко всем необходимым источникам полноценного жизнеобеспечения.

Внедрение принципов инклюзии на всех уровнях жизнеобеспечения индивида должно предполагать наличие механизмов, стимулирующих полноценную деятельность людей с ограниченными возможностями здоровья под влиянием аспектов организационной культуры учреждений, объектов, расположенных в регионе и стране в целом. К факторам социальной интеграции можно отнести и ряд институциональных барьеров, которые опосредуют развитие межкультурных и международных компонентов поставленной цели, что, по сути, отражает инклюзию глобальную и локальную.

Регулируя социальные отношения, социальное государство с помощью инклюзии обеспечивает выполнение социальных прав. Многообразие инвалидности, наличие различных степеней ограничения жизнедеятельности людей заставляет социальные институты вырабатывать новые практики инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья, а также представителей разных социальных групп. Сам принцип инклюзии подразумевает основу солидарности, «которая основывается на принадлежности индивидуума к одной и только одной группе» [4, с. 176]. Это означает, что именно в социальной инклюзии заключается возможность государства проводить политику социальной интеграции, которая является фундаментом социального государства. При этом мы понимаем, что исключительно бюрократическим путем реализация инклюзии невозможна. Необходимо вовлечение в целом всего общества в формирование условий и правил сосуществования, что связано и с ценностными преобразованиями, которые, как известно, всегда требуют времени и усилий.

Список литературы

1. Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 02.06.2016). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693 (дата обращения: 10.09.17).
2. Григорьев С.И., Гусякова Л.Г. Культуроцентричность университетского образования (стратегические направления модернизации социального образования в системе «школа-вуз» в современной России): моногр. — Барнаул, 2004. — С. 44.
3. Мерзлякова И.В. Социальная культура как основа социального благополучия человека и общества // Ученые записки Забайкальского государственного университета. — 2009. — №4. — С. 99.
4. Сизова И.Л. Социальное государство в современном обществе и динамика российской композиции социальной политики // Личность. Культура. Общество. — 2006. — Вып. 3(31). — С. 172–193.
5. Солдатова Л.А. Социологические подходы к изучению социальной инклюзии старшего поколения в местное сообщество // Социальная политика и социология. — 2009 — № 1(43). — С. 20–34.
6. Суворов А.В. Проблема внутренней и внешней личностной инклюзии // Психологическая наука и образование. — 2013. — №3. — С. 99–103.
7. Ярская В.Н. Инклюзия — новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии. Саратов: Научная книга, ЦСПГИ, 2008. — С. 11–16.
8. Ярская В.Н. Экзистенциальные смыслы и гражданские перспективы социального образования // Журнал исследований социальной политики. — 2004. — т. 2. — № 3. — С. 347–362.
9. Ярская В.Н. Миссия социального образования в социальном государстве // Ученые записки. — 2007. — С. 28–36.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ПОДХОДЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ЭКСПЛИКАЦИИ

FOLKLORE CULTURAL FORMS IN THE CONTEXT OF MODERNITY: APPROACHES AND POSSIBLE EXPLICATIONS

АЛБАКОВА Фатима Юсуповна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философской антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: hetrova@yandex.ru)

ALBAKOVA Fatima Yusupovna — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophical Anthropology of Moscow State University (e-mail: hetrova@yandex.ru)

Аннотация. В современных условиях глобализации, урбанизации и стандартизации наблюдается размывание и унификация народных (этнонациональных) форм культуры. Данные тенденции уравниваются на уровне фольклора сохранением этнокультурных инвариантов, традиционного духовного творчества различных фольклорных жанров: устно-поэтическом, музыкальном, танцевальном и др.

Философско-антропологический, этнологический подходы исследования фольклорных формы культуры позволили выявить специфические характеристики народной («малой» или «низовой») и доминантной культуры («высокой», «профессиональной») их взаимосоотнесенность, а также реконструировать фольклорные формы, связанные с архаическими паттернами миропонимания, что способствует более глубокому изучению ценностных смыслов того или иного общества.

Ключевые слова: фольклор, архаические символы, «малая» культура, «высокая» культура, идентитет, социокультурный кризис, глобализируемые социумы, мифологичность, идеологемы.

Abstract. In modern conditions of globalization, urbanization and standardization, the erosion and unification of folk (ethnonational) forms of culture are observed. These trends are balanced at the level of folklore by preserving ethnocultural invariants, traditional spiritual creativity of various folklore genres: oral-poetic, musical, dance, etc.

The philosophical-anthropological and ethnological approaches to the study of the folkloric forms of culture made it possible to reveal the specific characteristics of the popular («small» or «low») and dominant culture («high», «professional»), their interdependence, and also to reconstruct the folklore forms associated with the archaic patterns of the worldview, which contributes to a deeper study of the value meanings of a particular society.

Keywords: folklore, archaic symbols, «small» culture, «high» culture, identity, socio-cultural crisis, globalized societies, mythology, ideologems.

Современность всегда переживается человеком как дихотомическая целостность, которая структурируется посредством важнейших мировоззренческих матриц, в том числе фиксирующих специфику взаимодействия природы и общества, общества и индивида, индивида и природы.

Значение традиционных культурных форм (мифология, фольклор, ритуал, обычаи) в которых мировоззренческие матрицы наиболее устойчивы, возрастает в контексте глобализации, выполняя важнейшую компенсаторную функцию. При этом значение фольклорных форм культуры, в которых данные матрицы сохраняются почти в неизменном виде, не нивелируется, но возрастает, обеспечивая социокультурный идентитет индивида в ситуации мировоззренческих или социальных кризисов. Именно поэтому динамика фольклорных форм культуры в рамках глобализируемых социумов привлекает внимание исследователей.

Отечественная философско-антропологическая и социально-политическая мысль XIX в. сосредоточила свое внимание на исследовании психологических, мировоззренческих оснований народной культуры. Сложный полиэтнический состав государства актуализировал определенные знания, проведение антропологических и этнографических изысканий в области культуры и истории народов, входящих в состав Российской империи.

В рамках господствовавшего в этот период субъективизма и позитивизма народ рассматривался как пассивный объект манипуляций, легко откликающихся на любые просветительские инициативы имперской правящей элиты. «Кроме того, в рамках российской традиции народ изучался чаще всего с позиций европоцентризма. Данная методологическая и мировоззренческая акцентировка влекла за собой преувеличение культуртрегерских, аккультурационных установок по отношению к тем или иным народам, этносам России. При анализе живых фольклорных культурных форм использовались преимущественно объяснительные модели, созданные в иных социально-исторических условиях и малоподходящие для познания российской мультикультурной действительности» [1, с. 8].

На современном этапе потребности в глубоком понимании ценностей традиционных народных культур связаны в первую очередь с процессами модернизации, глобализации и их неоднозначными последствиями.

На основании философско-антропологического и этнологического подходов в статье исследуются фольклорные формы культуры как практики, пронизывающей социально-психологическую, культурную, духовную, политическую, хозяйственную и другие сферы существования человека и этнокультурных обществ [13, 17]. Структурно-функциональный анализ динамики фольклорных форм определил специфику функционирования фольклора в этнокультурном пространстве, его место, возможные экспликации в контексте кризисных ситуаций.

Народная культура, связанная с многочисленными и разнообразными народными практиками, всегда рассматривалась как культура социальных «низов». С одной стороны, исторически фольклорные формы культуры утверждались как сакральные, наделенные символической самодостаточностью, не сопряженные с элитарными формами культурных регуляций, а часто — и противостоящие им. С другой стороны, народная культура рассматривалась как «подчиненная» доминирующим формам «большой» культуры, как один из структурных элементов культурной иерархии.

«Инаковость» народной культуры по сравнению с культурой элит выражается в первую очередь в означивании субординации таких важных мировоззренческих модусов, как «искусственное» и «естественное». Примитивизм, натуроцентризм народной культуры, с точки зрения представителей элитарной культуры, свидетельствует о ее «ограниченности», «несовременности», «традиционности», что в конечном счете способствует снижению ее цивилизационного значения.

Однако по мнению многих специалистов, усиливающаяся диверсификация современной культуры порождает новое бытование ее элементов, новые онтологические смыслы и значения, новые иерархии ценностей и идентитетов [5, 6, 9, 16].

В этих условиях фольклорные формы культуры — обычаи, обряды, пищевые предпочтения, этические и эстетические традиции, старинный танец, эпос, предания, сказки и т.д. — становятся источником формирования новых стилей жизни, новых образцов поведения, новых форм искусства и коммуникативных практик.

Народная культура называлась «низовой» еще и в силу своей относимости к социальным, утилитарным аспектам жизни, к рутинной трудовой деятельности. Современный взгляд на феномены «низовой» культуры переосмысливает эту традицию. Сегодня формы бытования малых и больших групп людей, различных слоев общества свидетельствуют о существовании независимой от условия культурной иерархии «высокая» — «низовая». Культурные иерархии контекстуально зависимы и определяются спецификой культурно-исторических традиций, профессиональными и субкультурными характеристиками, динамикой социокультурного бытия. В условиях урбанизированных сред формируются новые формы «низовых» культур (многообразие субкультур), вобравшие в себя элементы фольклора, практики которых демонстрируют противоположные «высокой» культуре смыслы и значения.

Вместе с тем традиционная народная культура взаимодействует с «высокой» (элитарной) культурой как две семиотические системы, где взаимная перекодировка и ассимиляция неизбежны и осуществляются в строго соответствующих формах: мифологемах, образах, символах, идеологемах.

Перекодировка создает объяснительные схемы, придает определенную логику и нормативную эксплицитность фольклорным смыслам и символам. Она «... делает вещи простыми, ясными, коммуникабельными, она делает возможным контролируемый консенсус, обеспечивает придание словам единого смысла» [8, с. 127].

Процесс перекодировки чрезвычайно важен, его нарушение (например, трансгенерационный разрыв) приводит к социальной напряженности, к оценке традиции и религиозно-обрядовых представлений народной культуры как «отсталых». Поэтому особый интерес вызывает исследование феноменов народной культуры в сложные, кризисные эпохи. «Фольклорное мировосприятие, базирующееся на традициях народной экзистенции, продуцирует универсальную картину мира, которая наполняется определенными знаково-символическими транскрипциями. Фольклорные формы культуры обладают повышенной воспроизводимостью и инерционностью, они располагают специфическими каналами обратного воздействия на народное сознание, порождая определенные установки, мотивации, ожидания и соответствующие им формы и способы деятельности» [2, с. 10].

В фольклорных практиках в обрядово-символической форме аккумулированы опыт и знания народа и свойственные им иррациональность, аполитичность, архаичность, мифологичность, универсальность. Данный опыт (устная передача знаний, обычаи, нормы и установки) ретранслируется из поколения в поколение, оказывает влияние на мотивацию и модели поведения, отношение к окружающей социальной и природной среде, фиксирует баланс личностных и коллективных интересов, сохраняя определенный приоритет общественных интересов над индивидуальными.

Фольклор содержит символы и мифологемы посредством которых осуществляется мифологическое восполнение жизни, преобразование существующих паттернов в соответствии с идеалами настоящего времени. «Фольклорное мировосприятие, базирующееся на традициях народной экзистенции, продуцирует универсальную картину мира, которая наполняется определенными знаково-символическими транскрипциями. Фольклорные формы культуры обладают повышенной воспроизводимостью и инерционностью, они располагают специфическими каналами обратного воздействия на народное сознание, порождая определенные установки, мотивации, ожидания и соответствующие им способы деятельности» [3, с. 10].

Ценностные ориентации, как известно, могут принадлежать «большой» и «малой» традиции. При этом каждая из традиций порождает специфическую иерархию ценностей, своих субъектов-носителей, которых отождествляют с народной, фольклорной традицией. Не смотря на неоднородность представлений о фольклоре, многообразие его проявлений, соотносимость с «низовой» культурой, с понятиями «народное», «непрофессиональное», фольклор нередко опосредует отношения с феноменами высокого уровня, такими как идеология, религия, профессиональное искусство, литература, философия.

«Малая» традиция тесно связана с этнокультурными элементами, определяющими ее самобытность и инерционность. Последнее качество способствует преодолению разрушающих привычный образ жизни явлений социального и природного характера.

Коллективные испытания, связанные с аккультурацией, войнами, социальными катаклизмами, модернизацией, колонизацией, актуализируют архаические паттерны и мифологемы, определяющие образ жизни в условиях негативного опыта переживания жизни. В народных формах культуры заключены адаптационные механизмы — ценностные ориентации, нормы, стереотипы, способы восприятия пространства и времени. Эти адаптационные механизмы выполняют важные функции в формировании представлений, ожиданий и ситуационных моделей поведения. Они выступают как квинтэссенция коллективного опыта, который аккумулируется в системе нормативных поведенческих и ценностных кодов, отражающих систему социокультурных идеалов и ожиданий этноса.

Например, история кавказских народов последних столетий демонстрирует, как создаваемая народной культурой картина мира вступает в противоречие с социально-политическими идеалами российской государственности (затяжные войны, жесткие формы аккультурации, депортации, вооруженные конфликты первой половины XIX — середины и конца XX вв.). Социально-политические катаклизмы порождают критические условия существования, в которых реанимируются традиционные формы народной культуры, выпол-

няющие интегрирующие и консолидирующие функции с целью сохранения целостности этноса.

Периодическое разрушение сложившихся жизненных оснований ведет народ к частому обращению к архаическим культурным традициям, символам и ценностям, к архетипам традиционного сознания. Каждый раз сложные кризисные социально-политические явления, с которыми сталкивался народ, приводили, как отмечают А.С. Каргин и Н.А. Хренов, к тому, что «архаические и традиционные пласты культуры претендовали на роль доминанты» [11, с. 16].

Реверсивное развитие культуры связано с проблемами организации и мобилизации коллективного сознания. В условиях кризиса происходит перераспределение в иерархии культурных слоев, когда доминирующее место начинают занимать архаические формы народной культуры, а традиционные идеалы, ценности социальной и культурной жизни приобретают адекватные значения.

Жесткие формы аккультурации и доминирования официальной культуры вытесняют народную культуру «на обочину», где она приобретает статус «неофициальной». «Оттеснение по тем или иным причинам народной культуры на периферию ведет не только к консервации ее традиционных символов и значений, идеалов и мифологем, но и к постоянному воспроизведению ее скрытой оппозиционности по отношению к господствующей официальной культуре. Актуализация этих оппозиционных настроений может осуществляться в разных формах и способствовать формированию резко отрицательного отношения к ценностным иерархиям «большой» культуры» [4, с. 12].

Осмысление исторических явлений в соответствии с традиционными фольклорными формами А.Я. Гуревич охарактеризовал как «фольклоризация идеологии, идеологизация фольклора». Рецепция социально-политических проблем на уровне коллективного восприятия «... по законам фольклорного сознания..., подгоняется под привычные клише» [10, с. 32].

Длительная искусственная изоляция определенных территорий задерживает развитие населяющих ее народов, препятствует естественным диффузным процессам в пространстве единого социокультурного универсума. Изоляция приводит не только к консервации традиционно-архаических форм бытия, но и к укоренённости упрощенных механизмов развития этнических культур, а в периоды социальных кризисов — к феномену «варваризации» жизненного уклада. В этом отношении северокавказский регион является территорией, переживающей не только «естественную изоляцию» по причине природно-ландшафтной специфики, но и затяжные периоды социокультурных изоляций.

Социум, переживающий затяжной социокультурный кризис, может сохранять неприятие политических принципов государства. Воспроизводимость отчуждения «... сопровождается и протестом против самой культуры, развивающейся в контексте этой государственности... Смысл протеста заключается в реабилитации казавшихся изжитыми, преодоленными и архаическими целых пластов искусства и культуры» [12, с. 34]. Реанимация архаических пластов культуры, ремифологизация общественного сознания оправдывается в этом случае «обещанием» компенсировать ценностные значения утраченного мира.

Знаково-символические «тексты» объяснения и овладения миром нацелены на сохранение коллективных, родовых ценностей, обеспечивающих единство общности. Посредством фольклорных форм пережитые социальные, политические и культурные события укореняются в традиции и приобретают значимость

социально-исторического опыта. Фольклор не только продуцирует жизненные смыслы, максимально приближенные к реальности, ее интересам и целям, но и фиксирует их в коллективной памяти.

Исследование фольклорных форм культуры дает возможность акцентировать несколько значимых моментов.

Прежде всего, народная культура является источником самоорганизации. Она хранит и ретранслирует социально-историческую память, включая и такие формы культуры как пиктографическое письмо, орнаментальные и иные знаково-символические архетипические образы. Например, в современных народных орнаментальных символах Северного Кавказа содержатся элементы, восходящие к неолиту, к скифской культуре, имеющей аналоги в восточнославянских культурах, которые уже в контексте сегодняшнего времени подвергаются вторичному означиванию [7, с. 353–354].

Фольклорная культура содержит культурно-адаптивные механизмы, которые в кризисные периоды участвует в «пересборке» идентификационных оснований, выступают как защитный механизм, снимающий чувство опасности со стороны внешнего мира, внутренних деструктивных процессов. В этих условиях консолидирующие общество идентитеты сохраняют функциональность благодаря их включению в систему древнейших смыслов и значений, в «комплексы более или менее абстрактных предпочтений, которые можно определить, как ценностные ориентации, отличающие культуру данного сообщества» [12, с. 58]. Именно в системе ценностных ориентаций заключены жизненно важные значения и смыслы, составляющие базовые основания национальной идентичности.

Элитарная (профессиональная) культура — литература, профессиональная музыка, хореография, живопись, зодчество — связанная с фольклорными источниками, оказывает в свою очередь воздействие на фольклор, на формирование современных фольклорных жанров. В современных условиях глобализации, урбанизации и стандартизации наблюдается размывание и унификация народных (этнонациональных) форм культуры. Дисперсные тенденции народной культуры уравниваются на уровне фольклора сохранением этнокультурных инвариантов, традиционного духовного творчества различных фольклорных жанров: устно-поэтическом, музыкальном, танцевальном, в религиозных и светских ритуалах, художественных приемах прикладного искусства.

Список литературы

1. Албакова Ф.Ю. Символ и традиционные фольклорные формы культуры. — М.: Диалог-МГУ, 1999. — С. 8.
2. Там же. — С. 10.
3. Там же. — С. 10.
4. Там же. — С. 12.
5. Белик А. Личность, культура, этнос. Современная психологическая антропология. — М.: Смысл, 2001. — 206 с.
6. Богданов К. Повседневность и мифология. Исследования по семиотике фольклорной действительности. — СПб., 2001.
7. Бромлей Ю., Подольный Р. Человечество — это народы. — М., 1990. — С. 353–354.

8. *Бурдьё П.* Начала / Пьер Бурдьё; пер. с фр. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 127.
9. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. — М.: Весь мир, 2004. — 120 с.
10. *Гуревич А.П.* Проблемы средневековой народной культуры. — М.: Искусство, 1981. — С. 32.
11. *Каргин А.С., Хренов Н.А.* Фольклор и кризис общества. — М.: Гос. центр русского фольклора, 1993. — С. 16.
12. Там же. — С. 34.
13. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / пер. с фр.: Вяч. Вс. Иванов. — М.: Эксмо-Пресс, 2001. — 512 с.
14. Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. — М.: ИЭА РАН, 2016. — 458 с.
15. *Флиер А.* Культурогенез. — М.: Российский институт культурологии, 1994. — С.58.
16. *Фридман Т.Л.* Lexus и олива. Понимая глобализацию / пер. с англ.: Ольховская М.В., Смолина М.Ю. — Спб.: Весь, 2003. — 438 с.
17. *Щепанская Т.Б.* Система: тексты и традиции субкультуры / Т.Б. Щепанская. — М.: ОГИ, 2004. — 286 с.

Л.М. Аллахвердиева, М.К. Султанова

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ФИНАНСЫ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

ALTERNATIVE FINANCE: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR ECONOMIC SYSTEM

АЛЛАХВЕРДИЕВА Л.М. — доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента организации МГГЭУ (e-mail: leila26uz@mail.ru)

СУЛТАНОВА М.К. — кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита МГГЭУ (e-mail: darmuz@mail.ru)

ALLAKHVERDIYEVA L.M. — Doctor of Economics, Professor of the Organization Management Department MGGEU (e-mail: leila26uz@mail.ru)

SULTANOVA M.K. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Accounting, Analysis and Audit Department, MGGEU (e-mail: darmuz@mail.ru)

Аннотация. Количество и острота противоречий, накопленных за всю историю человечества, особенно за последние несколько десятилетий, ставят современный глобальный мир перед необходимостью смены парадигмы традиционной финансовой модели экономики. Авторы в качестве альтернативы традиционной модели рассматривают цифровые финансовые технологии и финансовую модель, основанную на исламском мировоззрении. Представляя собственный взгляд на современные социально-экономические проблемы общества, авторы приходят к выводу об особой актуальности и необходимости развития исламских финансовых институтов в России.

Ключевые слова: финансовализация, геофинансы, альтернатива, цифровые финансовые технологии, криптовалюты, исламские финансы, исламский банкинг, процент, риск.

Abstract. Due to the number and severity of the contradictions accumulated in the entire history of mankind, especially over the last few decades, the modern global world is faced with the necessity of change of paradigm of economic development. A financial model based on the concept of an Islamic world view as an alternative to the conventional neoclassical model is considered in the present article. Presenting his own point of view of contemporary financial problems, the author comes to the conclusion about the special relevance and necessity of development of Islamic financial institutions in Russia.

Keywords: financialization, geofinance, alternative, digital, financial technology, cryptocurrencies, Islamic Finance, Islamic banking, interest, risk.

Достижение стадии зрелости и выход товарных и финансовых рынков за пределы национальных границ привело к интернационализации капитала, с од-

ной стороны, и смене доминирующих сил в экономических и финансовых отношениях, с другой стороны.

Эти процессы происходят одновременно с либерализацией законодательного регулирования и современной институциональной структуры денежно-кредитной системы и финансового сектора. Во-первых, право коммерческих банков создавать кредитные деньги, во много раз превосходящие размеры их резервов, делает предложение денежных и финансовых активов гораздо более динамичным, чем позволяют внутренние накопления экономики. Во-вторых, финансовый капитал, подпитывая себя не только привлечением сбережений населения и накоплений промышленников, но и различными производными инструментами, основанными на спекулятивных операциях, доминирует над реальным сектором экономики.

На начальных стадиях капитализма неоклассическое представление о роли банков и других финансовых институтов в переработке накоплений в денежный капитал для производственных инвестиций было верным. Но в эпоху развитых товарно-сырьевых и фондовых рынков усиление мобильности капитала и независимости финансовых институтов фактически привели к переходу на качественно иной уровень воздействия мировых финансовых систем на поведение трансграничных потоков в экономике отдельно взятого государства.

Вместе с тем экономический глобализм, диктуя необходимость расширения и ускорения применения информационно-коммуникативных технологий, в значительной степени способствует виртуализации экономик.

Изменение традиционных представлений о границах и возможностях организационной и функциональной структуры мировой финансовой системы в сочетании с новыми информационно-цифровыми технологиями обусловили дематериализацию хозяйственной жизни общества, вызвав невиданные ранее масштабы финансиализации экономики.

Можно утверждать, что основной причиной происходящего является низкая норма прибыли в промышленности и, как следствие, непривлекательность инвестирования в реальный сектор экономики. Но статистика показывает, что даже в периоды устойчивого роста реального сектора многих стран Запада, и в первую очередь США, с 1983 по 2013 гг. продолжалось активное внедрение новых финансовых технологий в экономику.

Происходящие в последние годы глобальные экономические кризисы и финансовые трансформации заставляют задуматься об эффективности традиционной модели организации финансово-экономических институтов, подталкивают к исследованию природы качественно новых, альтернативных способов финансирования и новых финансовых технологий.

В связи с этим в научных и общественных кругах все больше обсуждается особая роль финансовой составляющей современной экономики, которая посредством владения и распоряжения мировыми деньгами, управления финансовыми потоками, способствует формированию нового пространства, которое принято называть геофинансами.

По определению Ш. Голдфингера, геофинансы — это новое экономическое пространство с соответствующей ему системой финансовых отношений, которые, игнорируя законы времени и пространства, стирают национальные границы для свободного движения финансового капитала, технологий, рабочей силы и т.п. [6].

Геофинансы, по сути, представляют собой синтез современных мировых денег и виртуальных финансовых рынков с функционирующими на них участниками, финансовыми атрибутами, продуктов, отношений и финансовых инноваций.

Разработка и использование необходимого понятийного аппарата и научной методологии геофинансов связаны в первую очередь с исследованием проблем электронных и виртуальных денег, изучением различных видов платежных технологий и т.д.

Все это придает серьезный импульс развитию и раскрытию специфических областей экономической науки, связанных со стратегией преобразования финансовой архитектуры в условиях противоречивых современных тенденций. В частности, продолжающаяся дискуссия среди различных научных школ о содержательной сущности, функциях и взаимосвязи денег и финансов в условиях виртуализации экономики, приводит к серьезным практическим проблемам.

Расхождение во мнениях явно свидетельствует о том, что при обсуждении проблем виртуальных денег и виртуальных финансовых технологий следует отделять одно от другого.

Объем рынка виртуальных платежных средств крайне мал даже в межстрановом сравнении. Кроме того, возможности их использования в качестве средства обращения, накопления и меры стоимости крайне ограничены. Поэтому распространение виртуальных средств не может влиять на фидуциарные деньги, но может нести серьезную угрозу дестабилизации мировых финансов и политической ситуации с точки зрения налогообложения, проблем отмывания денег и финансирования незаконных операций, включая деятельность преступных группировок и т.п.

Однако появление виртуальных (цифровых) технологий свидетельствует о существовании определенных запросов в обществе, и их развитие сулит возможность получения высоких результатов в деле оптимизации финансовых расчетов.

В частности, сегодня, в контексте реформирования мировой финансовой системы остро востребованы криптотехнологии с их гибкостью, мобильностью, отсутствием привязки к каким-либо инструментам ликвидности и валютным стандартам и базовым принципом, заложенным в их эмиссию, который выступает как естественный барьер перед инфляцией. Криптовалюты в большей степени, чем любое другое существующее платежное средство, составляют серьезную альтернативу долларовому стандарту.

Вместе с тем развитие криптотехнологий в глобальном масштабе создает вызовы территориально-экономической целостности государств, т.к. современные денежные ресурсы не имеют национальной принадлежности, они перемещаются, как правило, в те юрисдикции, где им предоставляется наиболее благоприятный режим с точки зрения капитализации, рисков и налогообложения. Кроме того, анонимность транзакций и неограниченность круга эмитентов делают криптовалюты привлекательным платежным средством для нелегальных операций.

Поскольку современные финансовые потоки преимущественно трансграничны, бурное развитие криптотехнологий также будет трансграничным по отношению к привычным технологиям любых национальных финансовых систем и экономик. Соответственно, последствия легализации инноваций в одних странах и юрисдикциях будет создавать вызовы другим странам, в которых не

будет проводиться соответствующее регулирование финансовых инноваций, их нормативное сопряжение и встраивание в институциональные рамки финансовых механизмов.

Фундаментальный инновационный и экономический потенциал криптотехнологий и основанных на них продуктов представляют собой довольно привлекательный международный эксперимент, который ломает парадигму валютной эмиссии, и эти технологии следует исследовать и правильно регулировать.

В целом указанные процессы привели к переосмыслению традиционных теоретических концепций, формированию новых аспектов финансовой науки, способствовали появлению новых научных школ и направлений. В этом плане, как альтернатива традиционной финансово-кредитной системе с начала 70-х гг. прошлого века стали активно развиваться исламские финансы. С точки зрения регулирования хозяйственной жизни общества, основной целью ислама выступает обеспечение социальной справедливости при распределении имеющихся и создаваемых в обществе благ [3].

В настоящее время в мире насчитывается более 300 действующих исламских банков, общие активы которых превышают 500 000 млн долл. Их среднегодовой прирост по данным швейцарского банка UBS составляет около 15%. Надзором за их деятельностью занимается специализированное подразделение центрального или национального банка соответствующего государства. За все время существования активы исламского финансового сектора к началу 2017 г. выросли до 1600 млрд долл. [8].

Об успешности исламской модели финансов говорит тот факт, что такие формы взаимоотношений в рамках развития финансовой инфраструктуры и роста самосознания уже утвердились не только в мусульманских странах, но и в России и многих европейских странах.

Несмотря на значительный потенциал и бурный интерес у ученых и практиков, исламские финансы остаются малоизученной сферой экономики, во многом в силу своей специфичности, заключающейся в наличии этического начала в любом виде бизнеса, и особенно в банковском деле.

Ислам, не отрицая рыночные отношения и частную собственность, дает стимул к получению добавленной стоимости, но ставит определенные морально-этические ограничения на экономическую деятельность, в отличие от капиталистической экономической концепции. Именно из-за такого несоответствия общепринятым финансовым представлениям исламские финансы остаются недостаточно изученными, их специфика остается непонятой и недооцененной как в научном, так и в практическом аспекте.

К тому же среди мусульманских правоведов по многим ключевым вопросам нет единства мнений, и разные религиозные школы по-своему трактуют принципы, касающиеся исламской концепции финансовой экономики. Тем не менее финансовые отношения в исламе основаны на общих принципах, которые неоспоримы никем и не при каких обстоятельствах [3].

Исламские финансы можно определить как совокупность специфических финансовых активов и способов управления ими, основанных на принципах шариата [1].

Нормы и принципы, стоящие в основе концепции исламских финансов, имеют четкую социальную направленность и берут свое начало в постулатах священного для мусульман Корана:

- полное исключение процентной ставки и запрет на операции, где объектом купли-продажи выступают деньги;
- консерватизм, более достоверное определение источников, средств и цели участия каждого партнера в реализации намеченного проекта, иными словами — активный мониторинг бизнес процессов;
- финансирование реальных активов и реальных проектов;
- идентификация рисков и разделение возможных убытков между участниками сделки или проекта;
- установление нормы прибыли в разумных пределах, без нанесения ущерба интересам нуждающихся;
- истинное партнерство между банком и его клиентом, — открытость, честность, этичность и взаимопомощь.

Следует заметить, что такие принципы, как отсутствие гарантированного фиксированного дохода в виде процентной ставки и необходимость солидарного несения убытков делает исламские финансовые учреждения более консервативными в отборе проектов.

Кроме того, запрет на инвестирование в социально вредные проекты, прямо или косвенно связанные с производством алкоголя и табака, оборотом оружия, азартными играми, короткими продажами для спекулятивных операций и т.п., вовлекает участников финансовых операций в активный мониторинг бизнес процессов.

Исламские законы требуют полного раскрытия всей информации о возможных рисках, а чрезмерные риски в связи с неопределенностью не допускаются. Также запрещены продажи того, чем не владеет субъект в момент заключения сделки. Понятно, что такие правила исключают инвестиции в деривативы, требующие хеджирования в зависимости от рисков, что в свою очередь предотвращает появление мыльных пузырей и участие в рискованных проектах.

Многие экономисты сходятся во мнении, что в силу именно этих обстоятельств исламская финансовая индустрия менее болезненно реагирует на финансово-экономические кризисы. По оценкам экспертов, избежать краха многим исламским банкам удалось благодаря тому, что их капитал в основном вложен в реальные активы.

Основные отличия исламской и капиталистической концепции финансов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика исламской и капиталистической модели организации финансов*

Категория	Капиталистическая концепция	Исламская концепция
Деньги	Могут быть не только средством, но и предметом купли-продажи как специфический товар	Не могут быть предметом сделки купли-продажи, в том числе отсроченной без участия в рисках, их необходимо зарабатывать, создавая труд

Продолжение табл. 1

Категория	Капиталистическая концепция	Исламская концепция
Процентная ставка	Основной источник в банковских операциях	Как источник дохода полностью исключается
Кредитный риск	В основном несет заемщик банка	Делится между банком и клиентом
Объект вложения капитала	Как реальные, так и финансовые активы	Преимущественно реальные активы
Доходность операции	Участники сделки стремятся к максимальной доходности	Доходность участников сделки должна быть умеренной
Гарантия доходности	Обеспечивается законодательно, банкам полностью, вкладчикам — частично	Зависит от степени участия сторон в проекте

*Составлена авторами.

Господствующая капиталистическая концепция считает необходимым продавать и покупать все, что имеет ценность, в том числе деньги и монетарные обязательства, в обороте которых активная роль принадлежит традиционной банковской системе. При этом кредитные операции коммерческих банков создают и умножают денежную массу, намного превосходящую объем реального товарооборота, и этот разрыв, девальвируя денежные единицы, усиливает инфляцию. Более того, участникам финансовых операций не обязательно участвовать в реальном производстве, поскольку законодательство гарантирует им возврат средств.

С этих точек зрения, ислам не признает деньги как предмет, имеющий ценность, а рассматривает их как средство обращения, как эквивалент обмениваемых товаров и услуг. Прибыль же, полученная от долговой или любой финансовой операции с деньгами или их эквивалентами, является добавленной стоимостью, основанной не на реальных активах, а значит запретной [4].

Ввиду того, что исламские финансовые структуры должны всю свою деятельность строить на принципах шариата, есть ряд операций, имеющих одинаковую цель и содержание (табл. 2).

Таблица 2

Основные продукты исламской финансовой индустрии

Продукт	Характеристика
Кард-уль-Хасан — беспроцентная ссуда	Это благотворительный беспроцентный кредит (субсидия) на конкретную хозяйственную деятельность. Клиент может выплатить банку по своему желанию определенную сумму в виде добровольных премиальных (хиба). Банк никогда не требует премиальных. Это взаимоотношения, основанные на доверии нуждающимся лицам, как физическим, так и юридическим

Продукт	Характеристика
Мурабаха — перепродажа с торговой наценкой	Форма финансирования банком коммерческой операции по договору между банком и его клиентом по согласованной цене, включающей прибыль от реализации товара по спецификации клиента. Банк от имени клиента за свой счет покупает товар. Впоследствии перепродает ему же, по договорной цене
Мушарака — партнерство	Гибкое соглашение о совместном с клиентом финансировании проекта, где особенности партнерства заранее могут быть согласованы. Согласно договору одна часть прибыли отчисляется клиенту за его предпринимательскую деятельность, другая часть делится между ним и банком в соответствии с их долями финансирования. При этом убытки также распределены между сторонами пропорционально их долям
Мудараба — участие в прибылях и убытках	Специальное партнерство между банком и клиентом. Предусматривает соглашение, когда одна сторона — владелец средств доверяет свой капитал для их эффективного использования в проекте, а другая, имеющая опыт, возможности и репутацию — занимается управлением проектом в качестве мударриба (предпринимателя). Доход распределяется в соответствии с заключенным соглашением о долях. Убытки несет обладатель средств, а мудариб в таком случае не получает вознаграждения за свою деятельность и усилия. Банк не вмешивается в повседневное управление проектом. Вклад по такой программе являются не просто депозитом, а инвестициями
Иджара — лизинг	Соглашение, по которому банк продает право пользования своим имуществом и доходами от него клиенту. Для этого банк покупает и сдает в аренду оборудование по требованию клиента, на согласованных сторонами условиях
Иджара Тумма Аль Бай	Аренда с правом выкупа — аналог финансовой аренды. Соглашение между сторонами о том, что к концу арендного срока клиент выкупит имущество по цене, согласованной с банком, куда включается выплачиваемая до этого клиентом арендная плата и частично стоимость арендуемого имущества
Сукук — исламские ценные бумаги	Истисна (фьючерсы) — соглашения на срок для финансирования капиталоемких проектов. Расчеты производятся по детальному графику выполнения работ и платежей по фиксированной цене. Стороны могут договориться между собой о сроках оплаты. Клиент имеет право назначить субподрядчика — третью сторону

Источник: [4; 5]

Таким образом, исламские финансы основаны на сотрудничестве и совместном участии сторон в прибыли и рисках реализуемых проектов. Они фактиче-

ски участвуют в производстве, и их основная функция состоит в перераспределении как прибыли, так и убытков. Иными словами, финансово-кредитное учреждение делит полученную прибыль от инвестиций заемщика; также делятся и убытки от предпринимательской деятельности последнего. Аналогами такой схемы в традиционной банковской системе являются доверительное управление, долевое кредитование, акционирование и т.п.

Несмотря на то, что деятельность исламских финансовых учреждений регулируется многочисленными запретами и ограничениями, они выполняют те же функции, что и традиционные финансовые структуры, в том числе и посреднические функции.

Однако их деятельность в сфере финансового посредничества имеет свою специфику. Осуществляемые ими операции в основном являются инвестиционными. В частности, вместо назначения цены денег в виде ссудного процента и получения гарантированного дохода, банк получает вознаграждение в виде предпринимательской прибыли.

Выведа полностью из экономического оборота процентную ставку, они производят такие продукты, которые направлены на возвратную материальную помощь нуждающимся, на финансирование значительных и продолжительных проектов, на предоставление беспроцентной ссуды для хозяйственной деятельности компаний, часто являющихся партнером банка [9].

В исламе экономические взаимоотношения, в том числе посреднические, относятся к сфере «муомалат» и предполагают отсутствие каких либо процентов, что на первый взгляд может показаться абсурдным. Однако банки, оказывая посреднические финансовые услуги своим клиентам и предпринимательству, имеют соответствующие источники дохода (см. рис.1).

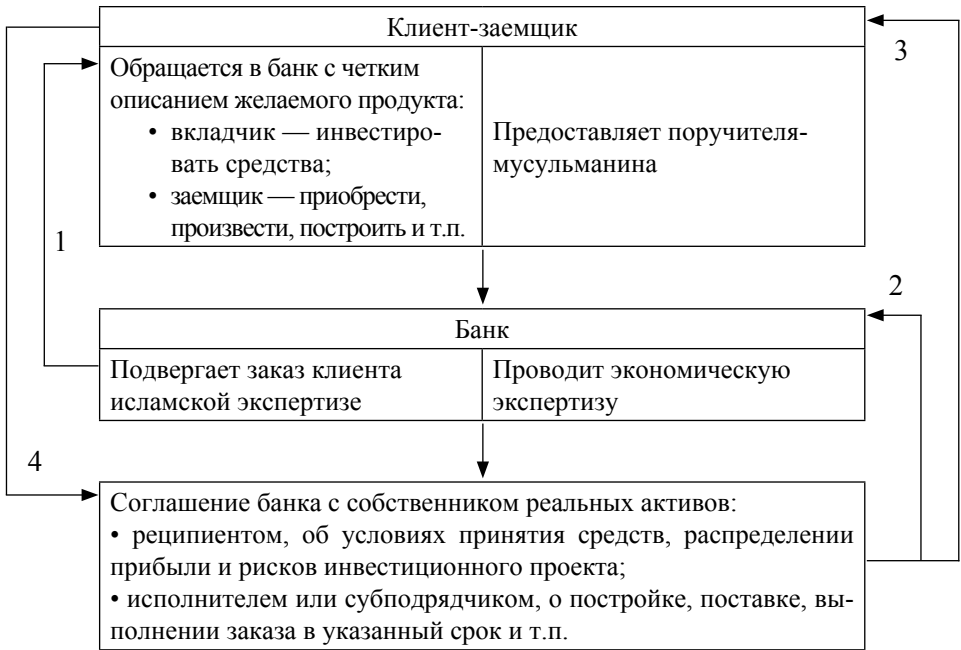

Рис. 1. Взаимоотношения исламского банка с клиентом и реальным предпринимательством*

*Подготовлен авторами.

Как видно из рисунка, у вкладчиков исламского банка есть несколько вариантов вложения средств. Например, открытие текущего или инвестиционного счета. Текущий счет, кроме индексации средств во вкладах в зависимости от темпов инфляции, никакого дохода не приносит. Но, инвестируя свои средства, вкладчик может иметь долю в прибыли банка от того или иного инвестиционного проекта (1).

Если банк одобряет заказ клиента-заемщика, то вступает в соглашение с предпринимателем — представителем реального сектора экономики, который в случае соглашения с условиями сделки, в указанный срок передает результаты работы банку (2) или клиенту банка (3). Последний оплачивает услуги банка (4) в соответствии с договоренностью.

Важно учесть, что исламский капитал, безусловно, не является абсолютно бесплатным, как это может показаться на первый взгляд, и в части оказания финансовых услуг работает по общим правилам. Например, как и в случае традиционного банкинга, исламские финансовые учреждения оказывают услуги по обслуживанию кредитных карт с льготным периодом обслуживания и имеют соответствующие доходы:

- за оформление, выпуск и годовое обслуживание кредитной карты;
- небольшой процент, начисляемый торговыми сетями от каждой операции, совершенной по эмитированной банком карточке;
- комиссию за снятие наличных в банкомате в размере до 2,5%;
- уплачиваемые держателями кредитных карт проценты после истечения льготного периода (как правило, проценты высокие).

Справедливости ради следует отметить, что, в общем, эти услуги стоят дороже, чем услуги традиционных банков. Одной из причин этого является то, что деятельность исламских банков должна соответствовать не только требованиям шариата, но и международным стандартам *Basel III*.

Поскольку часто приходится работать с европейскими финансовыми учреждениями и клиентами, исламские банки достаточно нейтральны к убеждениям и принадлежности клиентов к той или иной религии. Но обязательным элементом этих взаимоотношений является исламская экспертиза, предусматривающая разрешение нюансов различных финансовых систем с точки зрения тонкостей шариата (рис 1).

Помимо привлечения инвестиций из мусульманских стран и обеспечения капитализации реальных активов, исламские финансовые институты способны приносить и моральный стимул обществу. Во-первых, принцип умеренности в получении выгоды, а значит и в потреблении, создает основу для обуздания нездоровых человеческих инстинктов, эксплуатируемых монополиями для получения сверхприбыли.

Во-вторых, заботясь о глобальной справедливости и естественном функционировании рыночных сил, ислам считает получение дохода без создания труда и без участия в рисках элементом эксплуатации. Это гарантирует, что оборот финансового капитала не приводит к искусственно раздутым ценам на активы, что, в свою очередь, дополняет и усиливает реальный сектор экономики.

С учетом вышесказанного, следует отметить, что в России альтернативные финансовые инструменты, основанные на реальных активах, в процессе использования которых образуется реальная заработанная добавленная стоимость, могут дополнять традиционную финансовую систему и вносить существенный вклад в его оздоровление.

В условиях нарастающих противоречий в области геофинансов и геоинформации в связи с их сверхоперативным развитием, такие сдерживающие факторы, как отсутствие адаптированного правового поля и достоверной статистики, настороженное отношение российского бизнеса к исламским финансам из-за слабого представления о нем, являются вопросом времени, и они вполне преодолимы.

Список литературы

1. Гордеева О.Е., Львова Н.А. Исламская финансовая система // Вестник СПбУ. — Сер 5. — 2009. — Вып. 3. — С. 124–133.
2. Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ: ключевые вызовы для мирового сообщества. — М.: Альпина Паблишер [и др.], 2016. — С. 39.
3. Заринов И.А. Исламские финансы как стратегический ориентир развития России // Вестник финансового университета. — 2016. — №1. — С. 96–108.
4. Основы этических (исламских) финансов / под ред. Е.А. Байдаулет. — Павлодар, 2014. — 325 с.
5. Судин Харон. Исламские финансы и банковская система: философия, принципы и практика / Судин Харон, Ван Нурсофиза Ван Азми; пер. с англ.: А. Кадикова, А. Файзрахман. — Казань: Линова-Медиа, 2012. — 510 с.
6. Goldfinger Ch. Innovation in Financial Services // Communications & Strategies. — 2002. — No. 48. — 4-th quarter. — Pp. 139–160.
7. Ислам сегодня [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический федеральный портал. Режим доступа: <http://xn--q1a4c.islam-today.ru> (дата обращения: 14.06.2017).
8. Islamic Financial Market [Электронный ресурс] // IslamicFinance.com. Режим доступа: www.islamicfinance.com/islamic-finance (дата обращения: 02.06.2017).
9. UBS Russia [Электронный ресурс] // UBS. Режим доступа: <https://www.ubs.com/ru/en.html> (дата обращения: 24.05. 2017).

**ОЦЕНКА ФОРМ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА
ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЕГО РАЗВИТИЯ**

**ASSESSMENT OF THE AGRICULTURE DEVELOPMENT
AND ITS FINANCIAL SUPPORT**

ЛАПТЕВ Сергей Вениаминович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансового менеджмента ФГБОУ РЭУ им. Г.В. Плеханова (e-mail: laptev5552@mail.ru)

ФИЛИНА Фаина Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита МГЭУ (e-mail: filinafv5552@mail.ru)

LAPTEV Sergey Veniaminovich — Doctor of Economics, Professor, Professor of Financial Management Department, Plekhanov Russian University of Economics (e-mail: laptev5552@mail.ru)

FILINA Faina Valentinovna — Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Accounting, Analysis and Audit Department, MGGEU (e-mail: filinafv5552@mail.ru)

Аннотация. Несмотря на наличие ряда благоприятных факторов, современная форма хозяйствования в агропромышленном комплексе не обеспечивает его динамичного развития. В исследовании предпринята попытка анализа динамики показателей, характеризующих доходность, фондовооруженность сельского хозяйства, а также уровень занятости в аграрной сфере. В результате авторы пришли к выводу о неэффективности прямой ценовой поддержки сельского хозяйства, преобладающей в настоящее время в России. Авторы аргументируют необходимость изменения акцента в политике поддержки сельского хозяйства на повышение его конкурентоспособности. Показаны преимущества такого способа поддержки с целью уменьшения бюджетных расходов и повышения их результативности.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, формы финансовой поддержки, конкурентоспособность сельского хозяйства.

Abstract. The conclusion about the ineffectiveness of direct price support for agriculture prevailing at the present time in Russia is made on the basis of the analysis of dynamics of indicators characterizing the profitability, capital-agriculture and employment in the agricultural sector. The conclusion about the need to change the focus of agricultural support policies to increase its competitiveness is argued. The advantages of this method of support to reduce budgetary expenditures and improve their effectiveness are identified.

Keywords: agro-industrial complex, forms of financial support, competitiveness of agriculture.

Сложившаяся в последние десятилетия организация хозяйствования в АПК не обеспечивает его достаточно динамичного развития, несмотря на наличие целого ряда благоприятных факторов:

- низкие издержки на оплату труда;
- высокая — в силу бедности значительной части населения — доля спроса на продовольственные продукты по отношению к ее номинальным доходам;
- ограничение притока импортного продовольствия на российские рынки в силу действующих ограничительных санкций;
- расширение возможностей экспорта российской аграрной продукции вследствие существенного падения курса рубля за последние три года и т.д.

Результаты финансово-хозяйственной деятельности сельского хозяйства как главной сферы АПК можно выразить относительно небольшим количеством показателей, на базе которых возможно оценить конкурентоспособность этой сферы. Показатель валовой добавленной стоимости (ВДС) отражает вклад живого труда в увеличение стоимости в той или иной сфере экономической деятельности. Следовательно, при справедливом распределении добавленной стоимости в каждой сфере экономической деятельности она должна быть примерно пропорциональной количеству живого труда, то есть количеству работающих.

Межотраслевой перелив капитала при совершенной конкуренции, как показал К. Маркс, приводит к перераспределению прибыли пропорционально всему вложенному капиталу. В период СССР административное регулирование цен сдерживало перераспределение доходов внутри АПК, а также в межотраслевом обмене АПК с другими сферами экономической деятельности. Либерализация цен начала 90-х гг. запустила механизм межотраслевого перераспределения доходов. А так как степень монополизации отраслей, обслуживающих сельское хозяйство в новых экономических условиях, оказалась очень высокой, во времени это только усиливало неравномерность и несправедливость межотраслевого обмена в силу отсутствия реальных противовесов монопольному диктату смежников. Результат этого монопольного диктата смежников можно наблюдать на основе динамики показателя «добавленная стоимость в расчете на одного занятого» (см. табл. 1):

- в 2005 г. в сельском хозяйстве величина этого показателя составила 41,55% по отношению к среднероссийской величине добавленной стоимости в расчете на одного работника;
- в 2010 г. только 36,75%;
- в 2013 г. — 38,29%.

То есть налицо тенденция к снижению величины добавленной стоимости в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве по отношению к средним значениям в целом по экономике. Эта тенденция свидетельствует о том, что в основном прямая по своей форме финансовая поддержка государства не может приостановить или хотя бы существенно замедлить процессы перераспределения доходов, создаваемых в сельском хозяйстве, в пользу смежников по АПК. Более того, на самом деле ситуация в общественном секторе сельского хозяйства еще хуже, поскольку в совокупную величину добавленной стоимости в сельском хозяйстве включена доля государственного управления и доля добавленной стоимости, создаваемой домашними хозяйствами, которая превышает долю общественных хозяйств.

*Таблица 1***Валовая добавленная стоимость в отдельных сферах экономической деятельности в расчете на одного занятого, тыс. руб.***

Сферы экономической деятельности	2005	2010	2013
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	115,39	219,19	320,80
В % к средней величине по экономике	41,55	36,75	38,29
Добыча полезных ископаемых	1839,82	3645,93	5482,72
Обрабатывающие производства	281,33	578,4	853,34
Строительство	81,99	479,3	699,29
Транспорт и связь	360,51	686,37	940,77
Финансовая деятельность	2050,30	1582,08	2175,20
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	367,23	912,08	1179,70
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	327,09	664,37	796,86
Государственное управление и обеспечение военной безопасности	284,85	621,26	1022,47
В среднем по экономике	277,70	596,49	837,92

*Источник: рассчитано авторами по данным Федеральной службы государственной статистики [9] путем деления показателей валовой добавленной стоимости видов экономической деятельности на численность занятых

Одновременно это свидетельствует о том, что и без того низкая способность аграрных предприятий перемещать капиталы и рабочую силу в сферы их потенциально более выгодного применения уменьшается. Это в свою очередь означает, что без разработки и осуществления государством стратегического плана модернизации экономики, ускорения темпов экономического роста, разработки и осуществления программ переподготовки и дополнительной занятости высвобождаемых из сельского хозяйства работников, само сельское хозяйство обречено на длительный застой и экстенсивное развитие.

Очевидно, что в настоящее время в России действует мощнейший механизм перераспределения доходов из сельского хозяйства, где они создаются, в пользу смежников из других отраслей. Если бы ВДС в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве была на уровне среднего показателя по экономике, она была бы в 2,61 раза больше, чем в настоящее время ($100\% : 38,29\% = 2,61$). Тогда никакая финансовая помощь государства сельскому хозяйству просто не потребовалась бы.

Прямая государственная финансовая помощь сельскому хозяйству в виде дотаций, субсидий цен, процентных ставок и иных форм прямой финансовой поддержки в настоящее время в России является доминирующей формой поддержки. В свете этого интересен анализ эффекта от применяющихся на практике в разных странах форм прямой финансовой поддержки, который позволил выявить следующее. Так, по данным ОЭСР $\frac{3}{4}$ государственной прямой поддержки достается смежным с сельским хозяйством сферам экономической

деятельности: поставщикам сельскохозяйственной техники и других средств производства, предприятиям, занятым транспортировкой, хранением, переработкой аграрного сырья, реализацией потребителям готовой продукции [4, с. 7]. То есть на долю сельского хозяйства в экономически развитых странах приходится примерно 25% этой поддержки, при доле сельского хозяйства в структуре занятых в АПК примерно 15–20%. Это значит, что на долю одного занятого в сельском хозяйстве приходится от 167% до 192% поддержки от ее среднего значения по АПК, принятого за 100%.

Следовательно, в экономически развитых странах прямая финансовая поддержка, не являющаяся основной формой финансовой поддержки, несмотря на ее невысокую эффективность, все-таки способствует увеличению показателя «ВДС в сельском хозяйстве в расчете на одного занятого».

В России нет официальных данных о том, какая доля прямой финансовой поддержки сельского хозяйства достается аграрным производителям. Однако можно произвести примерные подсчеты.

Доля сельского хозяйства в валовой продукции АПК — 50%, в совокупной занятости в АПК — 65%. Соответственно, доля обслуживающих и перерабатывающих отраслей в валовой продукции — 50%, в совокупной занятости — 35% [12]. «Наряду с этим доля сельских товаропроизводителей в конечных потребительских ценах на продовольствие должна, согласно расчетам и оправданному опыту, составлять около 60% (если стоимость распределять пропорционально количеству занятых). А фактически в последние годы в цене муки в среднем она составила 24%, при том, что доля перерабатывающей промышленности составила 28%, а оптовой и розничной торговли — 48%. С некоторыми вариациями такая картина характерна и для других видов продовольствия» [1].

Это значит, что валовая продукция в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве составляет 36,9% от среднего показателя по АПК, принятого за 100%. В обслуживающих же и перерабатывающих отраслях он составляет соответственно 217%. Получается, что в обслуживающих и перерабатывающих отраслях показатель «валовая продукция в расчете на одного занятого» примерно в 5,9 раза больше, чем в сельском хозяйстве.

Прямая финансово-экономическая поддержка государством сельского хозяйства призвана обеспечить хотя бы минимальную рентабельность продукции, капитала. Если бы показатели рентабельности в сельском хозяйстве в среднем за ряд лет с учетом поддержки не менялись, это означало бы, что средства поддержки в расчете на одного занятого распределялись бы в такой же пропорции, как и валовая продукция между сельским хозяйством и прочими отраслями АПК, то есть примерно 36,9% от среднего показателя по АПК в расчете на одного занятого получало бы сельское хозяйство и 217% от среднего показателя в расчете на одного занятого получали бы прочие отрасли АПК.

Но средние показатели рентабельности сельского хозяйства, как мы увидим ниже, постоянно уменьшаются, при том что доля сельского хозяйства в валовом продукте АПК остается при некотором уменьшении, но все же относительно стабильной. Это означает: средства прямой государственной поддержки, которые призваны регулировать рентабельность в сельском хозяйстве и предоставляются государством стабильно, перераспределяются через механизмы неэквивалентного обмена в АПК еще более неравномерно чем валовые доходы, валовая продукция, и сельскому хозяйству в расчете на одного занятого достается существенно

меньше, чем 36,9% средств поддержки от среднего показателя по АПК. Согласно нашим приведенным расчетам *на каждый рубль поддержки, доставшийся в расчете на одного занятого собственно в сельском хозяйстве, приходится более чем 5,9 рублей в расчете на одного занятого в прочих отраслях АПК.*

В итоге возникают естественные вопросы: кому на самом деле помогает государство в АПК и целесообразно ли сохранять такой механизм помощи? Ответ очевиден — применяемые в настоящее время механизмы прямой финансовой поддержки сельского хозяйства крайне неэффективны. Они неспособны даже приостановить вымывание доходов из сельского хозяйства через механизмы неэквивалентного обмена, при котором основная часть помощи в итоге достается смежникам сельского хозяйства по АПК, то есть основным инициаторам и реализаторам практики неэквивалентного обмена.

Таким образом, в странах ОЭСР, в отличие от России, эффект перераспределения добавленной стоимости, созданной в сельском хозяйстве, в пользу других отраслей в совокупности с эффектом избирательной непрямой поддержки сельского хозяйства приводит не к углублению отставания сельского хозяйства от других отраслей АПК по показателям «валовая продукция на одного занятого» и «ВДС на одного занятого», а к опережающему росту этих показателей относительно средних значений этих же показателей в АПК.

Попытаемся разобраться, почему так происходит. Как известно из экономической теории, рост производительности труда в сельском хозяйстве сопровождается абсолютным и относительным сокращением численности занятых в нем по отношению к общей численности занятых. Чем выше производительность в сельском хозяйстве той или иной страны, тем меньше в ней абсолютная и относительная численность занятых в сельском хозяйстве, тем меньше доля сельского хозяйства в ВВП этой страны.

Так, доля сельского хозяйства в ВВП России составляет 4,2% (2014 г.), в то время как в Германии она составляет 0,9%, в Японии — 1,1%, во Франции — 1,8%, в США — 1,2%, в Канаде — 2% [11]. Доля же занятых в сельском хозяйстве по отношению к общей численности занятых в этих странах существенно меньше, чем доля сельского хозяйства в ВВП соответствующих стран, именно потому, что производительность труда и фондовооруженность труда в сельском хозяйстве там существенно выше, чем в среднем по экономике и продолжает расти.

За счет опережающего сокращения доли занятых в сельском хозяйстве по сравнению с уменьшающейся долей сельского хозяйства в ВВП передовых стран резко растут показатели фондовооруженности и капиталовооруженности труда, что является дополнительным фактором повышения производительности труда. Причем именно вследствие сокращения доли и численности занятых в сельском хозяйстве фондовооруженность и капиталовооруженность труда в этой отрасли *могут расти быстрее* темпов роста общей суммы инвестиций в основной капитал. Такая модель роста для общества очень выгодна, поскольку позволяет экономить капитал и иные ресурсы и высвобождать рабочую силу из сельского хозяйства для других отраслей народного хозяйства, где она может быть существенно более производительной.

В экономически развитых странах с относительно небольшой долей занятых в сельском хозяйстве социальную проблему трудоустройства высвобождаемых из сельского хозяйства работников решить относительно несложно. В странах же с экстенсивно развивающимся сельским хозяйством, где его доля существен-

но меньше доли сельского хозяйства в общем количестве занятых, решить проблему интенсификации сельского хозяйства труднее, поскольку это затрагивает существенно большую часть населения и создает риски усиления социальной напряженности.

Возможные варианты решения:

- 1) постепенный, но в силу большого количества занятых и огромной потребности в капиталовложениях в расчете на всех занятых медленный рост капиталовооруженности при медленном сокращении численности занятых, так что сельское хозяйство долгое время будет оставаться неинтенсивным, малопроизводительным по сравнению с другими странами. При этом подходе малоэффективные предприятия будут находиться под угрозой разорения, а государство — под угрозой социального взрыва основную долю помощи будет направлять неэффективным хозяйствам. Только когда доля занятых в сельском хозяйстве значительно сократится, так что высвобождаемые работники смогут находить другую работу в иных сферах занятости, только тогда интенсификация сельского хозяйства пойдет значительно быстрее, а помощь государства станет направляться уже на эффективные предприятия;
- 2) интенсифицировать, увеличить темпы роста всей экономики на основе программы и стратегического плана по ее модернизации. Одновременно разработать государственную программу по массовой переподготовке и обеспечению занятости в иных сферах экономики работников, высвобождаемых из сельского хозяйства. При этом сместить акцент поддержки на предоставление помощи только перспективным и жизнеспособным аграрным предприятиям.

В таком случае процесс модернизации и интенсификации самого сельского хозяйства, общего сокращения численности занятых пойдет значительно быстрее. Он потребует меньше времени и ресурсов, но большей четкости и согласованности в решении вопросов модернизации экономики, повышения темпов ее роста и увеличения спроса на рабочую силу в быстро развивающихся сферах экономической деятельности, а также переподготовки высвобождающихся работников, оказании им помощи при перемещении на новые места работы.

В России в соответствии с общемировой тенденцией доля занятых в сельском хозяйстве по отношению к общему количеству занятых в экономике постепенно сокращается. Так, в 2000 г. эта доля составляла 13,94%, в 2005 г. — 11,23%, в 2010 г. — 9,81%, а в 2014 г. — 9,2% [9]. Однако даже в 2014 г. эта доля превышала в 4,5–10 раз соответствующий показатель в группе экономически развитых стран. При этом в России основная часть занятых в АПК работает собственно в сельском хозяйстве, в экономически развитых странах основная доля занятых в АПК приходится на сферы хранения, переработки, транспортировки, реализации продукции из сельскохозяйственного сырья (3 сфера АПК). Например, в США доля занятых в сельском хозяйстве — 13–15%, а в третьей сфере АПК — примерно 70% [7].

Поэтому, в случае дальнейшего изменения структуры занятых в АПК России в соответствии с мировыми тенденциями, значительную часть высвобождаемых из сельского хозяйства работников можно и нужно будет занять в сферах хранения, переработки сельскохозяйственного сырья, закупки техники и других средств производства для нужд сельского хозяйства, при условии, что доста-

точно быстро будет создана соответствующая инфраструктура для расширения указанных сфер деятельности.

В России, как мы видели, отставание сельского хозяйства по уровню доходности от других отраслей АПК по показателю ВДС в расчете на одного занятого в ходе экономического развития не сокращается, а возрастает. В силу недостаточности доходов, капитал и рабочая сила из сельского хозяйства в другие отрасли АПК переливаются незначительно, а темпы роста инвестиций в основной капитал низкие. Поэтому, несмотря на финансовую поддержку государства и существенное сокращение численности занятых, в сельском хозяйстве фондовооруженность труда растет медленнее, чем в среднем по экономике (см. табл. 2).

Отметим и тот факт, что в то время как фондовооруженность труда в сельском хозяйстве в экономически развитых странах превышает средний показатель по экономике, в России этот показатель существенно ниже: 28,82% от среднего значения по экономике.

Таблица 2

**Динамика фондовооруженности труда в экономике России
и в сельском хозяйстве***

Показатели	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Фондовооруженность труда в российской экономике, тыс. руб.	622,25	1380,6	1620,6	1784,2	1966,4	2158
Фондовооруженность труда в сельском хозяйстве, тыс. руб.	192,29	431,88	476,3	515,70	576,97	622,13
Фондовооруженность труда в сельском хозяйстве в % от среднего показателя по экономике	30,9	31,28	29,39	28,90	29,34	28,82

*Источник: рассчитано авторами по данным Росстата [9].

Среди экономически развитых стран с высоким уровнем национального дохода на душу населения выделяется особая группа стран с самыми высокими значениями индекса капиталовооруженности. Индекс показывает, во сколько раз показатель капиталовооруженности страны превосходит среднемировой показатель капиталовооруженности. Страны с самыми высокими значениями индекса капиталовооруженности, например, по данным за 2010 г.: Северная Америка — 60,3; Австралия — 62,4; Новая Зеландия — 77, Япония — 47,7. Россия отстает от передовых стран на целый порядок по этому показателю, который составляет всего 6,3 [13]. Если же рассчитать показатель на основе современного курса доллара, то его значение составит 2,4–2,7.

Современный этап «зеленой революции», сопровождающийся взрывным ростом производительности, продуктивности сельского хозяйства, развивается наиболее последовательно в странах с высокими значениями индекса капиталовооруженности, среднее значение которого в 2013 г. по группе передовых

стран было выше 50. Здесь преобладают технологии «точного земледелия», обеспечивающие сочетание роста продуктивности биологических факторов, отдачи вещественного капитала и снижения трудоемкости производства при существенном сокращении количества занятых в сельском хозяйстве. Характерная динамика показателей для этой группы стран — снижение их доли в совокупном капитале, занятом в аграрной сфере при опережающем сокращении доли численности занятых в сельском хозяйстве [8].

Ключевое условие достижения именно такой динамики, позволяющей экономить ресурсы и чрезвычайно выгодной для экономического развития, — обеспечение возможности гибкого перелива высвобождаемой рабочей силы из сельского хозяйства в другие отрасли экономики. При этом общее количество занятых в сельском хозяйстве должно быть относительно невелико в сравнении с масштабами экономики, либо стратегический план перемещения и трудоустройства высвобождаемых из сельского хозяйства работников должен быть очень эффективен.

Но способность самих аграрных предприятий перемещать капитал и рабочую силу в более выгодные и перспективные сферы деятельности или увеличивать инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве зависит от уровня их доходности, которую можно измерить показателем «ВДС в расчете на одного занятого». Как мы видели ранее (табл. 1), показатель ВДС на одного занятого в сельском хозяйстве снижается по отношению к средней величине этого показателя по экономике. Это означает снижение способности сельского хозяйства обеспечивать рост капиталовооруженности несмотря на прямую (ценовую) поддержку государства. Напрашивается вывод о том, что краткосрочное распределение дополнительных вливаний (выше обычных средних текущих вливаний) будет давать краткосрочное увеличение показателя ВДС в сельском хозяйстве в расчете на одного занятого. Однако долгосрочный результат такой поддержки будет стремиться к некоторой устойчивой величине, которая определяется соотношением сил в межотраслевой конкуренции внутри АПК, а оно, как известно, не в пользу собственно аграриев.

Россия — страна с открытой экономикой, поэтому поддержка государством сельского хозяйства обусловлена в том числе и слабостью позиций российского сельского хозяйства в условиях международной конкуренции. Сельское хозяйство и сейчас, после многих лет реформирования экономики страны, является технически отсталым даже по общероссийским меркам, что, в частности, мы иллюстрировали соотношением показателей фондовооруженности труда в среднем по экономике и в сельском хозяйстве.

Одним из необходимых условий улучшения позиций российского сельского хозяйства в международной конкуренции является повышение технико-технологического уровня аграрного производства. Сделать это без государственной поддержки вряд ли возможно.

Вопрос, однако в том, применение каких форм государственной поддержки предпочтительно? Полагаем, что традиционные для России прямые формы государственной поддержки просто бесперспективны в силу малой доли сельского хозяйства в ВДС сферы АПК, неспособности аграрного сектора самостоятельно противостоять неэквивалентному межотраслевому обмену. Поэтому в долгосрочном периоде применение этих форм приводит к сокращению участия сельского хозяйства в ВДС, создаваемой в АПК. Эффект падения предель-

ной эффективности прямой финансовой поддержки сельского хозяйства можно подтвердить характерным примером (табл. 3).

Общий уровень финансовой поддержки государства за указанный период оставался примерно одинаковым. При этом очевидно неуклонное снижение общего уровня рентабельности сельского хозяйства. Причем в конце анализируемого периода, в 2013 г., общий уровень рентабельности сельского хозяйства с учетом субсидий государства в 9,3% вплотную приблизился к уровню рентабельности сельского хозяйства без учета субсидий государства в начале периода — в 2007 г. (7,9%).

Таблица 3

**Динамика рентабельности сельскохозяйственных организаций России
в 2007–2013 гг.***

Показатели	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Удельный вес убыточных организаций к общему числу, %	25	22	28	29	21,8	20,3	18
Уровень рентабельности по всей деятельности, с учетом субсидий государства, %	16,7	14,8	9,4	8,3	11,8	20,3	9,3
Уровень рентабельности по всей деятельности без учета субсидий государства, %	7,9	2,2	–3,2	–5,4	–0,4	–4,8	–1,7

*Источник: составлено авторами по данным Росстата [9,10].

С 2009 г. общий уровень рентабельности сельского хозяйства без учета финансовой поддержки государства стал отрицательным. При этом со всей уверенностью можно утверждать, что за те же самые шесть лет смежники сельского хозяйства по АПК полностью адаптировались к новому уровню финансовой поддержки государством сельского хозяйства, выводя из аграрных предприятий столько доходов, чтобы оставшихся едва хватало для обеспечения их текущего функционирования. О неэффективности прямой финансовой поддержки сельского хозяйства России в более ранний период — до 2007 г. мы писали в другой статье [3].

В данном случае имеет место эффект институциональной ловушки: чем больше прямых вливаний государства в сельское хозяйство, тем быстрее через механизм ножниц цен доходы из сельского хозяйства перекачиваются к смежникам по АПК, тем меньшая часть этих доходов остается в самом сельском хозяйстве, тем более сильная зависимость возникает для организации воспроизводственного процесса в сельскохозяйственных предприятиях от бюджетных вливаний государства независимо от реальной эффективности аграрных предприятий.

В условиях высокой степени зависимости внутренней рентабельности аграрных предприятий от их конкурентоспособности стратегия государственной поддержки сельского хозяйства должна учитывать складывающуюся динамику международной конкурентоспособности российского сельского хозяйства. Но даже с учетом государственной финансовой помощи темпы роста основных фондов в сельском хозяйстве недостаточны не только для того, чтобы посте-

пенно повышать уровень международной конкурентоспособности российского сельского хозяйства, но даже для того, чтобы постепенно преодолевалась техническую отсталость сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями российской экономики (см. табл. 4).

Таблица 4

Темпы роста основных фондов в сельском хозяйстве и в экономике России в целом, в %*

Показатели, %	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Темпы роста основных фондов сельского хозяйства по сравнению с предыдущим годом	97,9	101,2	101,8	101,6	102,2	101,9
Темпы роста основных фондов в российской экономике по сравнению с предыдущим годом	101,9	103,0	104,0	104,3	104,1	103,8
Темп отставания роста основных фондов в сельском хозяйстве по сравнению со всей экономикой	96,1	98,3	97,9	97,6	98,2	98,2

*Источник: рассчитано авторами по данным Росстата [9].

На протяжении десяти лет темпы роста основных фондов в сельском хозяйстве постоянно были ниже, чем в среднем по экономике. При таком соотношении анализируемых показателей техническую отсталость сельского хозяйства в России даже в среднесрочной перспективе преодолеть невозможно, и разрыв в уровне международной конкурентоспособности сельского хозяйства России по сравнению с конкурентоспособностью сельского хозяйства экономически развитых стран будет не сокращаться, а только увеличиваться.

Поэтому у российского государства есть две основных альтернативы:

- либо продолжать наращивать поддержку сельского хозяйства в тех формах, которые существуют ныне и которые не дают ощутимых и, главное, ожидаемых результатов;
- либо постепенно отказаться от поддержки ввиду недостатка ресурсов, поскольку сейчас средств этой государственной поддержки не хватает даже для того, чтобы обеспечить нормальное текущее функционирование организаций. Этот вариант, по сути, невозможен из соображений необходимости обеспечения продовольственной безопасности страны. Поддержка отрасли необходима, как это имеет место во всех странах и во все времена, включая и современный период. Но при этом важно понять, что модель неэффективной финансовой поддержки, которая не достигает своих главных целей, тоже не нужна.

Выводы принципиального характера относительно концепции обоснования необходимых и экономически рациональных форм государственной финансовой поддержки сельского хозяйства состоят в следующем:

- во-первых, ключевым *ориентиром* в этой концепции выбора реализуемых на практике форм государственной финансовой поддержки сельскохозяйственной отрасли должна стать их *эффективность*;

- во-вторых, *конечной целью* применяемых форм государственной поддержки должно стать не достижение текущей сбалансированности доходов и расходов на аграрных предприятиях, а *обеспечение конкурентоспособности отечественного сельского хозяйства на внутреннем и международных рынках*. К тому же не прямые методы поддержки не подпадают под ограничения, регламентируемые в рамках ВТО [3];
- в-третьих, стратегические и текущие цели развития экономики различаются, и иногда очень существенно [6]. Поэтому, чтобы с выгодой для общества использовать тенденцию к сокращению численности занятых в сельском хозяйстве и, совместив ее с повышением конкурентоспособности аграрной сферы экономики на внутреннем и международных рынках, добиться опережающего роста производительности труда и эффективности сельского хозяйства, необходимы в рамках развития стратегического управления экономикой и АПК [2] разработка и осуществление целого ряда государственных программ: модернизации экономики и сельского хозяйства, структурного преобразования АПК, переподготовки высвобождаемых аграрных работников и их трудоустройства в других сферах экономической деятельности на селе.

Одновременное решение всех названных задач очень непросто в условиях реальных бюджетных ограничений. Но, с одной стороны, акцентирование экономической политики в сельском хозяйстве на повышении его конкурентоспособности призвано увеличить потоки доходов сельского хозяйства внутри АПК, что будет постепенно сокращать необходимые суммы бюджетной поддержки. С другой стороны, при повышении конкурентоспособности сельского хозяйства постепенно будет увеличиваться доля помощи, которая достается самому сельскому хозяйству. И, наконец, рост сельского хозяйства, который должен последовать в случае осуществления этих программ, увеличит потоки налоговых доходов от самого сельского хозяйства и создаст дополнительные мультипликационные эффекты занятости и инвестиций для многих отраслей российской экономики.

Список литературы

1. Кундиус В.А., Кальней М.А. Механизм выравнивания паритетности доходов сельскохозяйственных организаций как участников агропродуктового рынка // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. — 2008. — № 11(49). — С. 92–94.
2. Лантев С.В., Филина Ф.В. Проблемы развития стратегического управления аграрным сектором АПК / Агропромышленный комплекс современной России: проблемы, приоритеты развития: сборник статей Международной научно-практической конференции, 10 апреля 2015 г. / ГБОУ ВПО «Воронежский гос. ун-т», Экономический фак., ФГБНУ Науч.-исслед. ин-т экономики и орг. агропромышленного комплекса Центрально-Черноземного р-на Российской Федерации; [редкол.: Т. Н. Гоголева и др.]. — Воронеж: Науч. кн., 2015. — С. 120–126.
3. Лантев С.В., Филина Ф.В. Пути совершенствования государственной поддержки аграрных предприятий в сфере АПК // Terra Economicus. — 2007. — Т. 5. — № 2–3. — С. 194–199.

4. Мелюхина О.Г. Почему поддержка российского АПК достаточна, но не эффективна // *Агроинвестор*. — 2013. — № 2. — С. 22–24.

5. Система государственной поддержки сельского хозяйства в условиях членства России в ВТО: монография [Киселев С.В., Петриков А.В., Гатаулина Е.А., Узун В.Я. и др.]; ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова (Экономический факультет)». — М., 2016. — 176 с.

6. Филина Ф.В. О стратегических целях государственной поддержки аграрного сектора экономики // *Перспективы развития науки и образования: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 8 ч.* — АР-Консалт, 2015. — С. 63–66.

7. АПК: функции и структура [Электронный ресурс] // *Econominfo.ru*. Режим доступа: <http://econominfo.ru/view-article.php?id=281> (дата обращения: 30.06.2017).

8. Кадалинцев В.Г. Социально-технологическая модель сельского хозяйства стран Востока [Электронный ресурс] // *Cyberleninka.ru*. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-tehnologicheskaya-model-selskogo-hozyaystva-stran-vostoka> (дата обращения: 01.07.2017).

9. Федеральная служба государственной статистики. Российский статистический ежегодник 2015 г. [Электронный ресурс] // *Gsk.ru*. Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 10.05.2017).

10. Федеральная служба государственной статистики. Сборники «Основные показатели сельского хозяйства в России – 2008, 2010, 2012, 2014» [Электронный ресурс] // *Gsk.ru*. Режим доступа: <http://www.gks.ru>. (дата обращения: 10.07.2017).

11. Экономика России, цифры и факты. Часть 2. Сельское хозяйство [Электронный ресурс] // *Utmagazine.ru*. Режим доступа: <https://utmagazine.ru/posts/10086-ekonomika-rossii-cifry-i-fakty-chast-2-selskoe-hozyaystvo> (дата обращения: 30.06.2017).

12. Экономическая география России. [Электронный ресурс] // Библиотекарь.Ру. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-geografia> (дата обращения: 16.07.2017).

13. The state of Food and Agriculture: investing in agriculture for a better future. Food and agriculture organization of the United Nations, 2012. Rome [Электронный ресурс] // *FAO*. Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/017/i3028e/i3028e.pdf>.

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В СФЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА РФ

THE SALARY LEVEL RESEARCH IN THE FIELD OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

ПИНЬКОВЕЦКАЯ Юлия Семеновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления УлГУ (e-mail: judy54@yandex.ru)

PINKOVETSKAIA Julia Semenovna — Candidate of Economic Sciences, Associated Professor of the Department «Economical Analysis and State Management» Ulsu (e-mail: judy54@yandex.ru)

Аннотация. Развитие малого и среднего предпринимательства в России требует понимания закономерностей функционирования предприятий этого сектора национальной экономики, в том числе сложившихся уровней заработной платы работников по основным видам экономической деятельности, а также соотношений между значениями среднемесячной заработной платы и прожиточного минимума в каждом из регионов страны. В настоящей статье рассмотрены итоги оценки уровня заработной платы работников малых и средних предприятий на основе экономико-математических моделей, представляющих собой функции плотности нормального распределения. Приведены перечни субъектов страны с низкими значениями заработной платы работников малых и средних предприятий. Полученные результаты имеют теоретическое и прикладное значение как для предпринимателей, так и для сотрудников органов управления, связанных с регулированием и поддержкой предпринимательства в регионах и муниципальных образованиях.

Ключевые слова: виды экономической деятельности, средние и малые предприятия, заработная плата работников, прожиточный минимум, субъекты федерации.

Abstract. The development of small and medium business in Russia requires the understanding of laws of enterprises functioning in this sector of the national economy, including the current salary levels of employees of main economic activities, as well as correlations between the average monthly wage and the subsistence minimum for each region of the country. This paper describes the results of the assessment of the current level of small and medium business employees salary on the basis of the development of economic and mathematical models that represent the density function of the normal distribution. The list of subjects of the Russian Federation with low salary value is given. The obtained results are of certain theoretical and practical value both for entrepreneurs and for employees of business regulation and support authorities in regions and municipalities.

Keywords: types of economic activities, medium and small enterprises; employees salary, subsistence level, subject of the country.

Федеральной стратегией развития малого и среднего предпринимательства [2] предусматривается дальнейший ускоренный рост показателей этого сектора национальной экономики. К 2030 г. намечено достижение следующих базовых индикаторов по сравнению с 2014 г.: увеличение в 2,5 раза оборота малых и средних предприятий; увеличение в 2 раза производительности труда; прирост на 4250 тыс. единиц высокопроизводительных рабочих мест; увеличение доли занятого населения в секторе малого и среднего предпринимательства в общей численности занятого населения до 35%. Возрастание роли малых и средних предприятий в экономике страны и ее регионов выдвигает в число актуальных проблему исследования сложившихся закономерностей оплаты труда работников, занятых на этих предприятиях. Данные о средних значениях заработной платы работников малых и средних предприятий по основным видам экономической деятельности, на которых специализируются такие предприятия, а также по регионам страны необходимы для обоснования показателей развития предпринимательства, формирования соответствующих планов и программ.

В последние годы опубликован ряд работ отечественных авторов, посвященных исследованию проблем, связанных с оплатой труда. Важное теоретическое значение имеет выполненный Р.И. Капелюшниковым [9] критический обзор результатов исследований, посвященных таким аспектам проблемы неравенства заработной платы, как динамика, тенденции и тренды этого явления в последние годы, соотношения уровней оплаты труда руководящего состава и работников в корпорациях, связей такого неравенства с конкуренцией и экономическим ростом. Рассмотрены последствия указанного явления, причем сделан вывод, что ряд предположений о причинах неравенства и его росте не основываются на эмпирических данных, и в целом проблеме неравенства уделяется несколько преувеличенное внимание. Наибольший интерес среди публикаций, посвященных исследованию вопросов формирования заработной платы работников в российской экономике, представляют перечисленные далее статьи. Статья Е.Е. Уваровой [18] посвящена исследованию заработной платы как экономической категории, определяющей уровень жизни населения и социальное равновесие в обществе. В ней сделан вывод, что адекватной оценки затрат и результатов труда можно достичь, если руководствоваться идеями синтеза трудовой теории стоимости и теории предельной полезности. При этом основой воспроизводства рабочей силы является заработная плата, обеспечивающая получение и потребление работниками и членами их семей различных материальных и духовных благ. Л.С. Ржаницына [15] рассматривает взаимосвязь производительности труда и заработной платы и делает вывод о заниженной цене рабочей силы в России. В статье Р.И. Капелюшникова и А.Ю. Ощепкова [10] рассматривается поведение рынка труда в период затухающих темпов роста экономики и делается заключение, что в последние годы рабочая сила обходилась промышленным предприятиям не дороже (в относительном выражении), чем она обходилась им в середине двухтысячных годов.

В работе А.И. Татаркина и Е.В. Чисовой [17] представлен региональный анализ доходов населения России и влияние экономической ситуации в субъектах страны на номинальную и реальную заработную плату работников. Приведены тенденции в дифференциации уровня заработной платы по федеральным округам. А.В. Шарунина в своей статье [20] привела итоги анализа оплаты тру-

да работников бюджетного и небюджетного секторов. Рассмотрены различия этих показателей за период с 2005 по 2013 гг. по каждому из регионов России.

В статьях Л.Н. Федоровой [19], Е.В. Потехиной и М.В. Фаминской [14] анализируются факторы, определяющие величину заработной платы и специфический характер дифференциации уровня заработной платы в российской экономике. Делается вывод о преимущественном влиянии институциональных факторов на соответствующие процессы. Указывается, что среди таких факторов наибольшее влияние на величину заработной платы, кроме эффективности производства, оказывает прожиточный минимум.

Работы В.Е. Гимпельсона, М.П. Декиной, Е.В. Кабашовой [4, 5, 8] посвящены влиянию отраслевого деления на неравенство в заработной плате по крупным и средним предприятиям. Указывается, что степень межотраслевой дифференциации заработной платы работников достаточно высока. Вместе с тем в последние годы (2005–2014) отмечается ее снижение в экономике нашей страны. Аналогичное исследование по результатам статистического анализа динамики и дифференциации доходов населения Алтайского края и Красноярского края, а также регионов Сибирского федерального округа описано в статьях Е.В. Поклоновой, П.В. Захаренко, А.М. Сергиенко [13, 16]. Вопросы межрегиональной неравномерности заработной платы работников отражены в работах М.А. Еремеева, М.Ю. Малкиной [6, 11]. В статьях отмечается, что вследствие низкой производительности труда подавляющее большинство трудоспособного населения России занято на предприятиях с относительно низким уровнем заработной платы. А.Е. Ильин и А.Р. Самойлов в своей работе [7] обращают внимание на то, что дифференциация уровня заработной платы приводит к негативным последствиям, поскольку вызывает социальное неравенство и повышает социальную напряженность.

Все указанные выше статьи посвящены вопросам формирования номинальной начисленной заработной платы работников по полному кругу организаций как в целом по стране, так и по ее регионам, а также отдельным отраслям экономики. При этом анализу сложившейся заработной платы работников малых и средних предприятий до настоящего времени не уделялось достаточного внимания. Можно отметить только работу А.Д. Бурыкина и Е.И. Воеводиной [3], в которой рассмотрены современные подходы к организации оплаты труда на малых и средних предприятиях, исходя из специфических особенностей управления такими предприятиями. В целом можно констатировать, что макроэкономическим и мезоэкономическим аспектам формирования заработной платы в предпринимательском секторе до настоящего времени не уделяется достаточного внимания, хотя, как отмечалось выше, соответствующие исследования представляются актуальными.

Целью исследования, итоги которого приведены в настоящей статье, являлось определение закономерностей, характерных для сложившегося уровня заработной платы работников малых и средних предприятий в России. При этом были решены следующие задачи: оценены показатели, характеризующие среднемесячную заработную плату работников по совокупностям указанных предприятий, относящимся к различным видам экономической деятельности; установлены соотношения между среднемесячной заработной платой работников совокупностей малых и средних предприятий и прожиточным минимумом во всех субъектах страны.

К субъектам малого и среднего предпринимательства (далее в статье называемым предпринимательские структуры, или кратко МСП), в соответствии с действующим законодательством [1] относятся юридические лица и предприниматели с численностью работников до 250 человек. Количество работников в малых предприятиях не должно превышать 100 человек, а для средних предприятий их количество должно находиться в диапазоне от 101 до 250 человек. Среди малых предприятий выделяются микропредприятия с количеством работников до пятнадцати человек.

Количество предпринимательских структур в национальной экономике очень велико. Описание показателей по каждому отдельному предприятию с последующим их агрегированием представляет очень сложный и трудоемкий процесс. Поэтому логичным представляется анализ деятельности совокупности предпринимательских структур, основанный на рассмотрении общих показателей по совокупности в целом. Необходимость рассмотрения совокупностей предпринимательских структур, функционирующих в субъектах страны (республиках, краях, областях и городах федерального значения) обусловлена существенной дифференциацией значений показателей, характеризующих деятельность малых и средних предприятий в этих территориальных единицах. Становление предпринимательства происходило неравномерно, что было связано с неоднократным изменением законодательной и нормативной базы, а также с особенностями развития субъектов страны. Показатели деятельности совокупностей МСП в конкретных территориях определялись большим количеством как объективных, так и субъективных факторов.

Методика исследований основана на рассмотрении таких удельных показателей, как среднемесячные номинальные заработные платы работников по совокупностям малых и средних предприятий, а также соотношений между заработной платой этих работников и прожиточным минимумом. Использование удельных показателей позволяет проводить сравнительный анализ различных совокупностей предприятий. Совокупности малых и средних предприятий формируются по двум признакам: отраслевому и территориальному. При этом выделяются соответственно предприятия, специализирующиеся на различных видах экономической деятельности и расположенные в разных субъектах России.

Наряду с выявлением закономерностей, характерных для значений среднемесячных номинальных заработных плат работников по совокупностям малых и средних предприятий, проводилось сравнение сложившихся значений заработной платы работников по совокупностям МСП, специализированных на различных видах экономической деятельности по субъектам страны, с величинами прожиточного минимума для трудоспособного населения в этих субъектах. Как известно, прожиточный минимум устанавливается законодательно в каждом из субъектов России и характеризует объем средств, необходимых для удовлетворения минимального уровня потребностей человека в жилище, питании, одежде и обуви, услугах транспорта, предметах гигиены и санитарии. Эта величина обуславливается особенностями социально-экономического положения в конкретных территориях.

Как было показано в работе автора [12], моделирование распределения значений удельных показателей, характеризующих деятельность совокупностей предприятий, сформированных по территориальному признаку, целесообразно проводить с использованием функций плотности нормального распределения.

В указанной работе приведена методика и инструменты оценки параметров таких функций, а также требования, предъявляемые к исходным данным, которые используются в процессе моделирования.

Основными этапами работы являлись:

- сбор и обработка статистических данных, характеризующих среднемесячную заработную плату, начисленную в расчете на одно замещенное рабочее место по малым и средним предприятиям, специализированным на различных видах экономической деятельности по субъектам Российской Федерации;
- сбор статистических данных, характеризующих среднемесячную заработную плату, начисленную в расчете на одно замещенное рабочее место по полному кругу предприятий и организаций;
- сбор данных по законодательно установленным в субъектах страны значениям прожиточного минимума для трудоспособного населения;
- формирование массивов информации, описывающих среднемесячную заработную плату работников по указанным выше совокупностям малых и средних предприятий;
- разработка функций плотности нормального распределения, аппроксимирующих значения заработной платы по совокупностям малых и средних предприятий;
- расчет соотношений заработной платой работников совокупностей малых и средних предприятий в субъектах страны и величин прожиточного минимума в этих субъектах. Разработка функций плотности нормального распределения, описывающих указанные соотношения заработной платы и прожиточного минимума по каждому из субъектов страны;
- анализ закономерностей, характерных для сложившегося уровня заработной платой работников совокупностей малых и средних предприятий.

Исследование основывалось на официальной информации Федеральной службы государственной статистики, отражающей предварительные итоги сплошного наблюдения за деятельностью малого и среднего бизнеса за 2015 г. [23]. Необходимо отметить, что данные сплошных обследований, проводимых в соответствии с действующим законодательством один раз в пять лет, обеспечивают более точную информацию по сравнению с выборочными обследованиями, которые проводятся ежегодно. Кроме того, при проведении исследования использовались статистические данные, приведенные в Российском статистическом ежегоднике по полному кругу предприятий и организаций [22] и информация о законодательно установленных в субъектах России величинах прожиточного минимума [21]. При этом учитывались данные, характеризующие рассматриваемые показатели за 2015 г. по 82 субъектам России, среди которых 22 республики, 9 краев, 46 областей, 1 автономная область, 1 автономный округ и 3 города федерального значения. Для исключения двойного счета не рассматривались данные по автономным округам, входящим в более крупные субъекты страны.

В процессе исследования использовались методы логического, экономико-математического анализа, статистики. Для решения поставленных задач и обработки информации применены компьютерные программы «Statistica», «Microsoft Excel», «Mathcad».

Анализ статистических данных показал, что малые и средние предприятия специализируются на шести основных видах экономической деятельности, на

которые в 2015 г. приходилось 94,7% общей выручки по юридическим лицам. К ним относятся оптовая и розничная торговля (54,4%), строительство (12,1%), обрабатывающие производства (11,0%), операции с недвижимым имуществом (10,2%), транспорт и связь (5,0%), а также сельское хозяйство (2,0%). С учетом этого, моделирование дифференциации значений заработной платы работников по совокупностям малых и средних предприятий, а также соотношений между заработной платой этих работников и прожиточным минимумом проводилось по указанным шести видам деятельности.

В процессе вычислительного эксперимента были разработаны модели, описывающие сложившуюся дифференциацию значений распределения среднемесячной начисленной заработной платы работников совокупностей МСП, расположенных во всех субъектах России за 2015 г. Модели, представляющие собой функции плотности нормального распределения, были разработаны по каждому из указанных основных видов экономической деятельности.

Разработанные функции плотности нормального распределения y , описывающие среднемесячную заработную плату работников (x , руб.) по совокупностям МСП, специализированных на различных видах экономической деятельности по субъектам страны, приведены далее:

— по совокупности предприятий сельского хозяйства:

$$y_1(x_1) = \frac{288000}{4942 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_1 - 15530)^2}{2 \times 4942 \times 4942}}; \quad (1)$$

— по совокупности предприятий обрабатывающих производств:

$$y_2(x_2) = \frac{304571}{3948 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_2 - 17130)^2}{2 \times 3948 \times 3948}}; \quad (2)$$

— по совокупности предприятий строительства:

$$y_3(x_3) = \frac{351429}{4268 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_3 - 17237)^2}{2 \times 4268 \times 4268}}; \quad (3)$$

— по совокупности предприятий оптовой и розничной торговли:

$$y_4(x_4) = \frac{328000}{4042 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{\frac{-(x_4 - 14482)^2}{2 \times 4042 \times 4042}}; \quad (4)$$

— по совокупности предприятий транспорта и связи:

$$y_5(x_5) = \frac{389500}{5148 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_5 - 16828)^2}{2 \times 5148 \times 5148}}; \quad (5)$$

— по совокупности предприятий, специализированных на операциях с недвижимым имуществом:

$$y_6(x_6) = \frac{374857}{4785 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_6 - 17025)^2}{2 \times 4785 \times 4785}}. \quad (6)$$

Аналогичные функции были разработаны по данным, описывающим распределение соотношений значений заработной платы работников совокупностей МСП различных отраслей, расположенных в каждом из субъектов страны и величин прожиточного минимума по этим субъектам. Соответствующие функции представлены ниже:

— по совокупности предприятий сельского хозяйства:

$$y_7(x_7) = \frac{36,00}{0,55 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_7 - 1,82)^2}{2 \times 0,55 \times 0,55}}; \quad (7)$$

— по совокупности предприятий обрабатывающих производств:

$$y_8(x_8) = \frac{19,56}{0,42 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_8 - 2,02)^2}{2 \times 0,42 \times 0,42}}; \quad (8)$$

— по совокупности предприятий строительства:

$$y_9(x_9) = \frac{40,00}{0,45 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{-(x_9 - 2,01)^2}{2 \times 0,45 \times 0,45}}; \quad (9)$$

— по совокупности предприятий оптовой и розничной торговли:

$$y_{10}(x_{10}) = \frac{29,71}{0,38 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{-(x_{10} - 1,67)^2}{2 \times 0,38 \times 0,38}}; \quad (10)$$

— по совокупности предприятий транспорта и связи:

$$y_{11}(x_{11}) = \frac{24,89}{0,43 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_{11} - 1,95)^2}{2 \times 0,43 \times 0,43}}; \quad (11)$$

— по совокупности предприятий, специализированных на операциях с недвижимым имуществом:

$$y_{12}(x_{12}) = \frac{26,67}{0,41 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_{12}-1,98)^2}{2 \times 0,41 \times 0,41}}. \tag{12}$$

Качество разработанных моделей проверялось по критериям Колмогорова — Смирнова, Пирсона и Шапиро — Вилка. В табл. 1 приведены соответствующие расчетные значения основных статистик.

Таблица 1

Расчетные значения статистик

Номер функции	Расчетное значение по критерию качества		
	Колмогорова — Смирнова	Пирсона	Шапиро — Вилка
(1)	0,05	2,85	0,97
(2)	0,07	4,88	0,96
(3)	0,06	4,05	0,95
(4)	0,08	4,94	0,95
(5)	0,09	4,06	0,94
(6)	0,08	4,94	0,95
(7)	0,05	3,85	0,96
(8)	0,08	3,85	0,95
(9)	0,05	2,88	0,97
(10)	0,06	2,36	0,97
(11)	0,05	2,76	0,97
(12)	0,03	1,72	0,98

Расчетные значения статистик по критерию Колмогорова — Смирнова (приведенные в столбце 2) меньше табличной величины, которая при уровне значимости 0,05 составляет 0,152. Аналогично сравнение расчетных значений (приведенных в столбце 3) с табличной величиной критерия Пирсона, равной 9,49, показало, что все они меньше табличного значения критерия. Статистики по критерию Шапиро — Вилка (приведенные в столбце 4) близки к единице и превышают табличное значение, составляющее 0,93 при уровне значимости 0,01. Кроме того, проводился логический анализ разработанных функций, который показал, что они хорошо аппроксимируют исходные данные на всем диапазоне их изменения. В целом можно сделать вывод, что по всем рассмотренным критериям разработанные модели обладают высоким качеством и хорошо описывают исследуемые закономерности.

Функции плотности нормального распределения позволяют определять средние значения сложившейся заработной платы по совокупностям МСП и их соотношения с прожиточным минимумом. Соответствующие показатели приведены в табл. 2 и табл. 3. В этих же таблицах представлены интервалы изменения рассматриваемых показателей (столбцы 3), характерные для большинства (68%) субъектов страны. Интервалы рассчитываются исходя из

средних значений показателей и величин стандартных отклонений. При этом для расчета границ интервала к среднему значению показателя соответственно прибавляется и вычитается указанное отклонение. Средние значения и интервалы изменения показателей в указанных таблицах соответствуют функциям плотности нормального распределения (1) – (12).

Таблица 2

**Характеристика среднемесячной заработной платы работников
МСП в 2015 г., руб.**

Совокупности МСП	Среднее значение	Интервал изменения
1	2	3
Совокупность предприятий сельского хозяйства	15530	10588–20472
Совокупность предприятий обрабатывающих производств	17130	13182–21078
Совокупность предприятий строительства	17236	12968–21504
Совокупности предприятий оптовой и розничной торговли	14482	10440–18524
Совокупности предприятий транспорта и связи	16828	11680–21976
Совокупности предприятий, специализированных на операциях с недвижимым имуществом	17025	12240–21810

Анализ данных, приведенных в табл. 2 показывает, что сложившаяся среднемесячная заработная плата работников предпринимательского сектора экономики различается в зависимости от специализации предприятий на различных видах экономической деятельности. Она выше в совокупностях предприятий в строительстве. Наименьшие значения средней заработной платы отмечались в сфере торговли. По отношению к заработной плате работников в строительстве, соответствующие показатели составляют: по обрабатывающим производствам — 99,4%, по предприятиям, специализированным на операциях с недвижимым имуществом — 98,8%, предприятиям транспорта и связи — 97,6%, сельскохозяйственным предприятиям — 90,1%, предприятиям оптовой и розничной торговли — 84,0%. При этом сложившееся неравенство средних зарплат работников по отраслям не превышает 16%, то есть не очень велико. Отставание значений отмечается в сельском хозяйстве и торговле, что представляется логичным. В небольших торговых точках производительность труда не высока. Аналогичное положение в малых сельскохозяйственных предприятиях.

Средние значения заработной платы работников совокупностей МСП существенно отстают от аналогичного показателя по полному кругу всех предприятий и организаций страны (который в 2015 г. составлял 34 030 рублей в месяц). Как видно из данных, приведенных в табл. 2, заработная плата работников, занятых в предпринимательском секторе большинством основных

видов деятельности, меньше почти в два раза. Такое большое отставание связано, на наш взгляд, с низким уровнем технической и технологической оснащенности, особенно малых предприятий. Для этих предприятий характерен низкий уровень инвестиций в основные фонды. Кроме того, существенное значение имеет структура производства в предпринимательском секторе экономики, где преобладает сфера услуг (87,29%). При оказании услуг во многих случаях возможности использования высокопроизводительных технологий ограничены. Необходимо отметить также такой фактор, как отсутствие высококвалифицированных работников, подготовка которых для малого бизнеса в нашей стране централизовано почти не ведется.

Установленная закономерность отставания значений заработной платы работников малых и средних предприятий от аналогичного показателя по полному кругу всех предприятий и организаций страны оказывает двойственное влияние на развитие предпринимательства. С одной стороны, относительно низкие значения заработной платы, а также соответствующие им налоги и страховые взносы во внебюджетные фонды обеспечивают снижение расходов МСП на производство товаров и оказание услуг по сравнению с предприятиями, не относящимися к предпринимательскому сектору. Это дает малым и средним предприятиям потенциальные преимущества в конкуренции на рынках. С другой стороны, низкий уровень заработной платы работников снижает их интерес к работе именно в предпринимательском секторе. Особенно это касается высококвалифицированных работников. Поэтому в ряде регионов страны развитие МСП тормозится именно из-за низкого уровня заработной платы. Для определения регионов с относительно небольшими значениями средней заработной платы по совокупностям МСП были использованы данные, приведенные в 3 столбце табл. 2.

Исходя из минимальных значений, соответствующих нижним границам интервалов, были определены субъекты страны, в которых значения сложившейся заработной платы работников предпринимательского сектора малы. Так, по совокупностям сельскохозяйственных предприятий, меньше нижней границы указанного в столбце 3 интервала, находятся значения по таким субъектам страны, как Астраханская область, Республика Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия — Алания, Дагестан, Алтай, Тыва, Кабардино-Балкария, Забайкальский край. По совокупностям предприятий, относящихся к обрабатывающим производствам, значения заработной платы работников меньше нижней границы интервала отмечались в Ивановской области, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестане, Северной Осетии — Алании, Карачаево-Черкесии, Тыве, Крыму, Алтае, Калмыкии, городе Севастополе. По совокупностям предприятий строительства низкие значения заработной платы работников были в Саратовской, Оренбургской, Ивановской и Псковской областях, Ингушетии, Дагестане, Северной Осетии — Алании, Карачаево-Черкесии, Алтае, Тыве, Кабардино-Балкарии. По совокупностям предприятий оптовой торговли меньше нижней границы указанного в столбце 3 интервала находятся значения по таким субъектам страны, как Ивановская и Костромская области, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Калмыкия, Северная Осетия — Алания, Кабардино-Балкария, Дагестан, Крым, город Севастополь. По совокупностям предприятий, относящихся к транспорту и связи, значения заработной платы работников меньше нижней границы

интервала отмечались в Ивановской области, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Дагестане, Адыгее, городе Севастополе. По совокупностям предприятий, специализированных на операциях с недвижимым имуществом, низкие значения заработной платы работников были в Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии — Алании, Дагестане, Крыму, Алтае и Кабардино-Балкарии, а также городе Севастополе.

Таблица 3

**Характеристика соотношений заработной платы работников
МСП и прожиточного минимума в 2015 г.**

Совокупности МСП	Среднее значение	Интервал изменения
Совокупность предприятий сельского хозяйства	1,82	1,27–2,37
Совокупность предприятий обрабатывающих производств	2,02	1,60–2,44
Совокупность предприятий строительства	2,01	1,56–2,46
Совокупности предприятий оптовой и розничной торговли	1,67	1,29–2,05
Совокупности предприятий транспорта и связи	1,96	1,53–2,39
Совокупности предприятий, специализированных на операциях с недвижимым имуществом	1,98	1,57–2,39

Данные, представленные в столбце 2, описывают средние значения соотношений между заработной платой, сложившейся в совокупностях предприятий основных видов экономической деятельности, и величинами прожиточного минимума. По четырем видам деятельности значения этих соотношений схожи и находятся в диапазоне от 1,96 до 2,02. Только по совокупности предприятий оптовой и розничной торговли рассматриваемое соотношение существенно ниже, что обусловлено причинами, упомянутыми ранее. Вместе с тем, средние значения соотношений по всем отраслям существенно ниже, чем аналогичный показатель по всему кругу организаций по стране, который в 2015 г. составил 3,27.

В ряде субъектов страны соотношения между заработной платой работников, сложившейся в совокупностях МСП, и величинами прожиточного минимума меньше, чем нижние границы интервалов, указанные в столбце 3. По совокупностям сельскохозяйственных предприятий значения соотношений меньше, чем нижняя граница интервала (1,27) имели место в 2015 г. в следующих субъектах страны: Забайкальский край, Тыва, Северная Осетия — Алания, Саха (Якутия), Алтай, Кабардино-Балкария, Крым, Еврейская автономная область, а также Красноярский край. При этом по первым четырем перечисленным субъектам страны заработная плата в 2015 г. была меньше прожиточного минимума. По совокупностям предприятий обрабатывающих производств меньше нижней границы интервала (1,60), находились значения по таким субъектам страны, как

Ивановская область, Алтай, Крым, Кабардино-Балкария, Северная Осетия — Алаания, Карачаево-Черкесия, Тыва, Чеченская Республика, Хабаровский край, Еврейская автономная область и город Севастополь. Аналогичное положение отмечается по совокупностям строительных предприятий в следующих субъектах страны: Псковская и Ивановская области, Тыва, Крым, Алтай, Северная Осетия — Алаания, Чеченская Республика. По совокупностям предприятий оптовой и розничной торговли значения соотношений меньшие, чем нижняя граница интервала (1,29) имели место в 2015 г. в следующих субъектах страны: Ивановская и Костромская области, Тыва, Кабардино-Балкария, Крым, Северная Осетия — Алаания, Карачаево-Черкесия, Калмыкия, Еврейская автономная область. Кроме того, в городе Севастополе среднемесячная заработная плата работников МСП была меньше прожиточного минимума. По совокупностям предприятий транспорта и связи меньше нижней границы интервала (1,53) находились значения по таким субъектам страны, как Ивановская, Псковская и Смоленская области, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Крым, Красноярский край, Еврейская автономная область и город Севастополь. Аналогичное положение отмечается по совокупностям предприятий, специализирующихся на операциях с недвижимым имуществом, в следующих субъектах страны: Псковская, Ивановская, Смоленская области, Северная Осетия — Алаания, Крым, Чеченская, Карачаево-Черкесия, Алтай и город Севастополь.

К результатам исследования, содержащим научную новизну, относятся следующие:

- выявлены закономерности, характерные для сложившихся в 2015 г. значений заработной платы работников совокупностей малых и средних предприятий, относящихся к шести основным видам экономической деятельности, расположенных в 82 субъектах страны;
- определены средние значения заработной платы работников совокупностей малых и средних предприятий, относящихся к шести основным видам экономической деятельности. Доказано, что эти значения находятся в пределах от 14,5 тысяч рублей в сфере торговли до 17,2 тысяч рублей в строительстве;
- установлены соотношения заработной платы работников МСП, относящихся к шести основным видам экономической деятельности, и прожиточного минимума. Доказано, что эти соотношения находятся в пределах от 1,67 в сфере торговли до 2,02 на предприятиях обрабатывающих производств;
- показано, что среднемесячная заработная плата работников совокупностей малых и средних предприятий существенно меньше, чем аналогичные показатели по полному кругу предприятий и организаций;
- подтверждена возможность анализа имеющей место дифференциации значений заработной платы работников совокупностей малых и средних предприятий, расположенных в разных субъектах страны с использованием функций плотности нормального распределения. Доказано наличие существенной дифференциации в значениях заработной платы работников этих совокупностей предприятий;
- подтверждена возможность анализа имеющей место неравномерности соотношений заработной платы работников и прожиточного минимума с использованием функций плотности нормального распределения;

- доказано, что разработанные функции плотности нормального распределения хорошо аппроксимируют исходные данные по совокупностям МСП;
- установлены интервалы изменения заработной платы работников по совокупностям малых и средних предприятий, расположенным в большинстве субъектов страны;
- определены перечни регионов, в которых отмечались низкие значения заработной платы работников по каждому из основных видов деятельности;
- определены перечни регионов, в которых отмечались низкие значения соотношений заработной платы работников и величин прожиточного минимума по каждому из основных видов деятельности.

Дальнейшее развитие малого и среднего предпринимательства в России выдвигает насущную потребность в решении задач повышения уровня заработной платы в этом секторе национальной экономики на основе увеличения количества высокопроизводительных рабочих мест, механизации и автоматизации производственных процессов, широкого внедрения инноваций. Необходимо особое внимание уделить проблеме выравнивания уровней заработной платы в предпринимательском секторе и национальной экономике.

Полученные результаты имеют определенное теоретическое значение, в частности, при проведении научных исследований, связанных с обоснованием предполагаемой заработной платы разных по численности работников предприятий, формированием мероприятий по повышению эффективности деятельности предпринимательского сектора. Приведенные в статье функции плотности нормального распределения могут использоваться при обосновании концепций, планов и программ развития малого и среднего предпринимательства в регионах и муниципальных образованиях.

Практическая значимость результатов исследований связана с возможностью их использования непосредственно предпринимателями (особенно начинающими) при оценке возможностей создания предприятий и определения предполагаемой заработной платы работников в различных отраслях. Кроме того, результаты работы могут применяться подразделениями органов регионального и муниципального управления осуществляющими формирование проектов и программ развития предпринимательства, в том числе по развитию предпринимательства в тех регионах и муниципальных образованиях, где отмечается низкий уровень заработной платы работников МСП. Значения удельной выручки могут представлять интерес при мониторинге деятельности предпринимательского сектора.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.07.07 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Российская газета. — 2007. — № 4427.
2. Распоряжение Правительства от 2 июня 2016 г. № 1083-р «Об утверждении стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года / Собрание законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 24. — Ст. 3549.
3. Бурькин А.Д., Воеводина Е.И. Организация оплаты труда на малых предприятиях // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2016. — № 10. — Том 1. — С. 130–137.

4. Гимпельсон В.Е. Отраслевые сдвиги и межотраслевое неравенство // Журнал НЭА. — 2016. — № 3(31). — С. 186–197.
5. Декина М.П. Статистический анализ факторов дифференциации труда в Российской Федерации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2016. — № 1. — С. 98–102.
6. Еремеев М.А. Анализ динамики заработной платы в России: проблемы, пути решения / Стратегии устойчивого развития современного общества: экономические, социальные, философские, политические, правовые, тенденции и закономерности: материалы международной научно-практической конференции в 3 ч. / редкол.: Н.Н. Понарина, С.С. Чернов (отв. ред.) и др. — Новосибирск: Акад. упр., 2016. — Ч. 1. — С. 126–137.
7. Ильин А.Е., Самойлов А.Р. Современное состояние и уровень дифференциации оплаты труда в Российской Федерации // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. — 2015. — № 8. — С. 35–39.
8. Кабашова Е.В. Статистическое исследование межотраслевой дифференциации заработной платы // Теория и практика современной науки. — 2016. — № 28(14). — С. 145–148.
9. Капелюшников Р.И. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. — 2017. — № 4. — С. 117–139.
10. Капелюшников Р.И., Ощепков А.Ю. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. — 2014. — № 7. — С. 66–92.
11. Малкина М.Ю. Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации // Экономика региона. — 2014. — № 2. — С. 238–248.
12. Пиньковецкая Ю.С. Моделирование показателей деятельности малого и среднего предпринимательства в регионах с использованием функции плотности нормального распределения // Проблемы развития территории. — 2015. — № 6(80). — С. 93–107.
13. Поклонова Е.В., Захаренко П.В. Номинальная заработная плата в РФ: динамика и дифференциация размера по основным признакам // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. — 2016. — № 28-1. — С. 155–162.
14. Потехина Е.В., Фаминская М.В. Корреляционно-регрессионный анализ факторов, влияющих на заработную плату, по регионам Российской Федерации / Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях: сборник материалов III Международной научно-практической конференции: в 2 т. — Саратов: Саратовстат, 2017. — С. 145–148.
15. Ржаницына Л.С. Заработная плата как фактор экономического оживления // Труд и социальные отношения. — 2015. — Т. 26. — № 1. — С. 26–39.
16. Сергиенко А.М. Динамика и дифференциация доходов населения // Уровень жизни населения регионов России. — 2016. — № 1(199). — С. 194–205.
17. Татаркин А.И., Чистова Е.В. Региональные тенденции в денежных доходах населения России в период экономического спада // Вестник РГНФ. — 2016. — № 2. — С. 39–56.
18. Уварова Е.Е. Эволюция понятия заработной платы в экономической теории // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 4. — С. 37–46.

19. Федорова Л.Н. Экономическая власть и распределение доходов // Труд и социальные отношения. — 2016. — № 4. — С. 3–20.

20. Шарунина А.В. Где бюджетнику жить хорошо: анализ межсекторных различий в оплате труда в регионах России // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2016. — № 2(30). — С. 105–128.

21. Прожиточный минимум в 2015 году по регионам России [Электронный ресурс] // Деловая жизнь. Режим доступа: <http://bs-life.ru/makroekonomika/prozhitochnyi-minimum2015.html> (дата обращения: 29.04.2017).

22. Российский статистический ежегодник [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1 (дата обращения: 19.06.2017).

23. Сплошное наблюдение за деятельностью малого и среднего бизнеса за 2015 год [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/splosh.html (дата обращения: 01.06.2017).

МИРОВОЙ РЫНОК ИННОВАЦИЙ И ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ОЦЕНКА ПОЗИЦИИ РОССИИ

INNOVATION WORLD MARKET AND INNOVATIVE TECHNOLOGIES: THE ASSESSMENT OF RUSSIA'S POSITION

КИЯНОВА Лилия Дмитриевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления и экономики таможенного дела, Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону (e-mail: liliackgti@mail.ru)

ЛИТВИНЕНКО Инна Леонтьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления и предпринимательства МГГЭУ (e-mail: innalitvinenko@yandex.ru)

KIYANOVA Liliya Dmiyrievna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Department of Management and Economics of Customs Affairs, Rostov Branch of Russian Customs Academy, Rostov-on-Don (e-mail: liliackgti@mail.ru)

LITVINENKO Inna Leontievna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Department of Management and Entrepreneurship, MGGEU (e-mail: innalitvinenko@yandex.ru)

Аннотация. В статье проведен анализ дефиниций «инновация», «новшество», «инновационная деятельность», выявлены особенности мирового рынка инноваций. Рассматривается расстановка сил на мировом рынке инновационных технологий, определены основные его игроки. Проанализированы показатели, характеризующие позиции России на этом рынке, сделаны выводы о перспективах.

Ключевые слова: инновация, инновационная деятельность, инновационная технология, мировой рынок инноваций, инновационная система, научно-техническая политика.

Abstract. In the article the concepts «innovation», «improvement», «innovation activity» and the peculiarities of the world market of innovation are analyzed. The balance of power in the world market of innovative technologies and its main players are identified. The main indicators of Russia's position in this market are revealed as well. The authors made conclusions about the prospects.

Keywords: innovation, innovative activity, innovative technology, world market, innovation, innovative system, scientific-technical policy.

В условиях усиления конкуренции на мировых рынках каждая компания стремится привлечь внимание к своей продукции. Нововведения становятся главным оружием в конкурентной борьбе, которая охватила уже практически все области. В связи с этим многие производители проводят исследования и разработки, совершенствуют технологии производства, стремятся обеспечить выпуск новой продукции. Для достижения высоких темпов развития предприятиям необходимо постоянно внедрять те или иные инновации. Новые идеи формируют новационный портфель предприятия, который воплощается в но-

вейших товарах и процессах производства. Генерация новаторских идей должна происходить постоянно, в противном случае прекращение новационной деятельности в короткий период может обернуться потерей выгодной позиции в рамках рыночной системы.

Обеспечение конкурентоспособности экономик в условиях глобализации во многом зависит не только от эффективной деятельности компаний на национальном рынке новаций, но и от их способности выходить и закрепляться на мировом рынке новаторских технологий. Предприятия, которые успешно функционируют на глобальном рынке новшеств посредством внедрения новейших технологий для достижения результатов в конкурентной борьбе, становятся наиболее конкурентоспособными и в реализации отечественной экономической политики в области импортозамещения.

Для экономики России и ее регионов наиболее ценным является повышение конкурентоспособности в отраслях, которые относятся к несырьевым и высокотехнологичным секторам экономики в части производства новационной продукции [7, с. 50–51]. Следовательно, повышается актуальность рассматриваемой проблематики и формируется задача по исследованию современного состояния мирового рынка новаций и определения позиции и перспектив России в рамках данной системы.

Прежде чем провести анализ современного состояния мирового рынка новаций, определим сущность понятий «инновация» и «инновационная деятельность».

Наибольшее значение следует уделить правильному соотношению и разграничению дефиниции «инновация» и иных сопряженных с ним по смыслу терминов, таких как нововведение, новшество, новация, открытие, изобретение.

С экономической точки зрения одной из ключевых особенностей «инновации» как категории считается наличие ее источника, в качестве которого выступает научно-исследовательская активность. Ключевой критерий отличия новаторств, нововведений и новаций заключается в том, что под новаторством может быть определен новейший порядок, новейший метод, изобретение; нововведение подразумевает, что новаторство используется в практической деятельности. С начала коммерческой реализации новшество становится новацией. Указанные дефиниции «условно идентичны» (рис. 1).

Новшество	Новый порядок, новый метод, изобретение
Нововведение	Новшество используется практически
Инновация	Новшество принимается к распространению

Рис. 1. Соотношение дефиниций «новшество», «нововведение», «инновация»

Сфера новаций не ограничена рамками отраслей или областей деятельности, она не сводится исключительно к практическому воплощению научно-технических разработок и изобретений, но и включает изменения в товаре, бизнес-процессах, маркетинговой деятельности, изменения организационных условий. Классификация новаций представлена на рис. 2.

Рис. 2. Классификация инноваций¹

Из рис. 2 следует, что в основном инновации можно разделить на три группы: технологические, организационные и маркетинговые. Технологические инновации — это конечный результат инновационной деятельности, который воплощается в виде нового или усовершенствованного товара или услуги. Причем степень новизны может быть разной, как принципиально новый товар, так и товар, содержащий улучшенные качественные характеристики или новые способы применения. Организационные инновации — это внедрение какого-либо нового метода ведения бизнеса, управленческих технологий, организация новых рабочих мест и т.д. Маркетинговые новации — это применение новых методов стимулирования сбыта, организация системы продаж, реализация актуальных ценовых стратегий и т.д.

С точки зрения новизны выделяют три типа инноваций: базисные, улучшающие и псевдоинновации [4, с. 136] (см. рис. 3).

Инновационная деятельность охватывает создание и внедрение:

- новой продукции;
- новых технологических процессов и форм организации производства;
- нового рынка;

¹ Сост. по: [2].

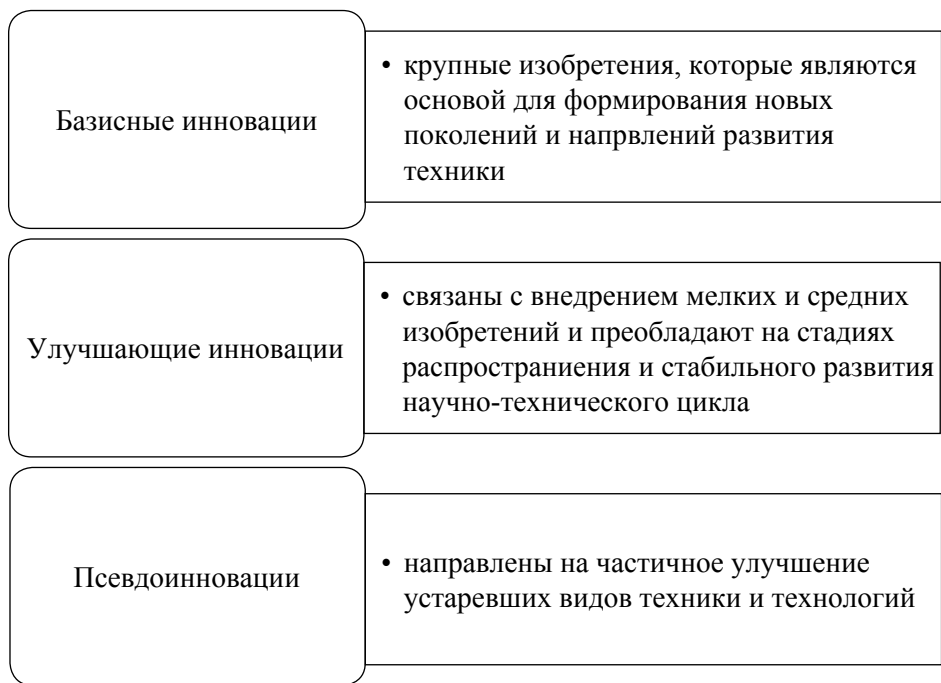

Рис. 3. Виды инноваций по степени новизны²

- новых процессов управления и решения социально-экономических задач, соответствующих им финансовых инструментов и организационных структур;
- новых предпочтений человека в духовной сфере.

При этом инновационная деятельность — это не конкретный вид деятельности, а совокупность действий по генерированию идей, разработке концепции новшества, внедрения его в практическую деятельность и масштабная реализация. Таким образом, инновационная деятельность включает в себя и научную деятельность, и организационную, и финансовую, и маркетинговую и др.

Процесс разработки и внедрения инноваций включает ряд этапов (табл. 1).

Таблица 1

Этапы инновационного процесса

Этап инновационного процесса	Содержание этапа
Разработка новшества	Формирование концепции и описание идеи
Принятие решения	1. Определение альтернатив. 2. Прогнозирование результатов и рисков для каждой альтернативы. 3. Определение критериев выбора альтернативы. 4. Выбор альтернативы, максимально соответствующей стандартам эффективности

² Сост. по: [19].

Этап инновационного процесса	Содержание этапа
Реализация решения	Преодоление сопротивления и рутинизация нововведения

По нашему мнению, рынок инноваций является основным инструментом, регулирующим инновационные процессы в экономике. Его функции проявляются через конъюнктурные колебания, выборочную поддержку идей, замыслов, инновационных разработок, проектов, коммерциализацию объектов интеллектуальной собственности и институты инновационной инфраструктуры. Под рынком инноваций понимается совокупность рыночных отношений, которые возникают в процессе генерации идей, создания, освоения, коммерциализации и использования инновационных технологий, товаров и услуг рыночной новизны. Рынок инноваций функционирует по общим рыночным законам, однако ему присущи определенные особенности, к которым можно отнести следующее:

- высокая интеллектуальная составляющая реализуемого на рынке продукта;
- особенности ценообразования: основными факторами, определяющими цену на рынке инноваций, выступают потребительская стоимость и спрос на инновации, затраты на создание инновации вторичны при ценообразовании;
- высокая степень неопределенности развития инноваций в связи с тем, что на его состояние оказывают влияние множество внешних факторов, которые очень сложно предсказать, в том числе политические и геоэкономические условия.

Мировой рынок инноваций в XXI в. характеризуется жесткой конкурентной борьбой. Все участники рынка понимают важность эффективного управления интеллектуальными ресурсами и его влияние на экономический рост. Лидерами мировых инноваций традиционно считаются США и Япония, однако некоторые тренды свидетельствуют о возникновении новых центров, которые могут составить им достойную конкуренцию.

Согласно «Глобальному рейтингу инноваций», который опубликован ведущей мировой школой бизнеса INSEAD и Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2016 г. лидирующую позицию среди стран, активно осуществляющих инновационную деятельность, заняла Швейцария.

Первая десятка определение стран-лидеров «Глобального укрепления рейтинга инноваций руководителем» выглядит следующим составлено образом:

- 1) Швейцария;
- 2) Швеция;
- 3) Сингапур;
- 4) Финляндия;
- 5) Соединенное Королевство;
- 6) Нидерланды;
- 7) Дания;
- 8) Гонконг (Китай);
- 9) Ирландия;
- 10) США.

Российская Федерация в 2016 г. прибавила в этом индексе 5 позиций и заняла 43-е место среди 128 государств.

Большой интерес вызывает ситуация со странами БРИКС: если Российская Федерация не показывает больших успехов, то, например, Китай входит в восьмерку лидеров Глобального индекса инноваций, опережая даже Соединенные Штаты Америки.

Согласно докладу ЮНЕСКО по науке, в мире в сферу НИОКР ежегодно направляется около 1,5 трлн долл. Почти треть общемировых расходов приходится на США, примерно по 1/5 — Китай и страны Европейского союза, на Японию примерно 10%. «На остальной мир, в котором живут две трети человечества, приходится менее четверти мирового научного бюджета» [20, с. 61].

В странах БРИКС инновационное финансирование осуществляется как за счет бюджетных средств, так и за счет капитала частных инвесторов (табл. 2).

Таблица 2

**Структура затрат на НИОКР по источникам финансирования
в странах БРИКС в 2015 году, %**

Источники средств	Китай	Бразилия	Россия	Индия	ЮАР
Средства иностранных источников	13	0,1	4,0	0,05	12,1
Средства предпринимательского сектора	73,9	45,4	27,2	33,9	42,5
Средства государства	21,7	52,7	67,8	66,1	44,4
Другие национальные средства	0,1	0,1	1,9	0,05	0,9

Источник: Дроздова Е.В. Исследование инновационного развития стран БРИКС на основе финансирования инвестиций в НИОКР // Инновации. — 2016. — №6(212). — С. 108.

Фундаментом инновационной сферы стран, входящих в число экономических лидеров, являются крупные компании, обладающие современными технологиями, мощной производственной инфраструктурой и серьезными финансовыми ресурсами, такие как Boeing, Samsung, IBM, Toyota, Intel и др., для которых разработка и внедрение инноваций — главное средство удержания лидирующих позиций на мировом рынке высокотехнологичной продукции. Инновационная активность подобных компаний, реализующих модель «экономики знаний» или «инновационной экономики», является движущей силой социально-экономического развития этих стран. Исследовательские центры этих компаний составляют «ядро сбалансированного и устойчиво развивающегося национального сектора исследований и разработок стран-лидеров мирового рынка. Неотъемлемой частью этого сектора является малый и средний наукоемкий бизнес и университетская наука при главенствующей роли ядра, который нацеливает эти структуры на решение наиболее важных для инновационной деятельности компаний-отраслей научных проблем» [4, с. 11].

Основное предназначение крупномасштабных инноваций — выход на глобальный рынок. В противном случае срок окупаемости таких инноваций будет очень длительным, что приведет к низкой рентабельности инновационной дея-

тельности, а, возможно, и ее убыточности. Товары всех международных компаний-лидеров ориентированы именно на глобальные рынки. Например, в 2015 г. компания Apple, продав 47,534 млн телефонов iPhone, 10,931 млн планшетов iPad и 7,496 млн компьютеров Mac, заработала почти 234 млрд долл., что на 20% выше результатов предыдущего года. Рекордные показатели, создавая основу для дальнейшего инновационного прогресса, позитивно повлияли на рост прибыли на акцию (этот показатель вырос на 38%) [18, с. 22]. Говоря о корпорациях-лидерах, надо помнить, что их успех на мировых рынках является и успехом государства. Соответственно, это предполагает необходимость всемерной государственной поддержки таких компаний, которая может выражаться в различных формах (меры экономической, финансовой поддержки, развитие науки, работа с талантливой молодежью, обеспечение определенного уровня доходов населения и др.). То есть в стране должна быть создана эффективная национальная инновационная система.

Инновационная деятельность мировых корпораций анализируется учеными и консультационными формами. Например, консультационная фирма Thomson Reuters ежегодно публикует свой рейтинг 100 самых инновационных компаний в мировой экономике. По данным за 2013 г., объем продаж этих компаний составил 4,5 трлн долл. В течение года они создали 266,2 тыс. рабочих мест, объем их затрат на научные исследования и разработки в 2013 г. был равен 223 млрд долл. Анализ показал, что инновациями занимаются в основном крупные компании, акции которых котируются на бирже, с численностью занятых 250 рабочих и более [10, с. 9].

Лидером по количеству наиболее инновационных компаний являются США, затем Япония, на третьем месте — Франция. Данный перечень формируется в зависимости от количества патентов, которые заявлены при Национальном институте промышленной документации или в Европейском патентном агентстве. «В рейтинге топ-100 патентозаявителей мира отмечается абсолютное доминирование транснациональных компаний. В целом, по мнению экспертов Всемирной организации интеллектуальной собственности, за последние 10 лет лидерство по патентной активности постепенно переходит от стран Европы и Северной Америки к странам Азии. Государственное ведомство КНР получило больше заявок в 2014 г., чем патентные ведомства США и Японии вместе взятые» [8, с. 49].

Конкуренцию на мировом рынке инноваций обостряют предприятия Японии и других стран Юго-Восточной Азии, в частности фирмы новых индустриальных стран — Республики Корея, Тайвань, Сянган, Сингапура. Эти страны смогли интегрироваться в систему высокодоходных рынков и стать на них значимыми игроками. Выход на мировые рынки обеспечил «странам-тиграм» рост всех основных показателей социально-экономического развития.

Как уже говорилось ранее, инновационная деятельность компаний-лидеров инноваций регулярно исследуется различными агентствами. Согласно ежегодному рейтингу консалтинговой компании The Boston Consulting Group в 2015 г. в первую десятку самых инновационных компаний мира вошли корпорации из Соединенных Штатов Америки, Германии, Южной Кореи и Японии (табл. 3). Компании из РФ в число самых инновационных не вошли. Нет их и в списке топ-50.

Топ-50 самых инновационных компаний мира

Место в рейтинге	Название компании	Краткая справка о компании
1	Apple	Финансовый оборот компании в 2015 г. составил около 230 млрд долл., а чистая прибыль — почти 50 млрд долларов. Компании принадлежат более 7000 патентов, в число которых входят изобретения и дизайнерские проекты
2	Google	Американский транснациональный гигант, работающий на рынках поиска информации в глобальной сети, интернет-сервисов различной направленности и технологий интернет-рекламы. Годовой оборот компании в 2015 г.: 66 млрд долл., а чистая прибыль — 15 млрд
3	Tesla Motors	В компании трудятся примерно 6000 специалистов, большая часть которых ведет научно-исследовательскую деятельность в области энергетики и разработки новейших экологичных технологий производства
4	Microsoft	Крупнейший производитель программного обеспечения. Кроме того, компания производит игровые приставки и аксессуары для компьютеров, планшетные компьютеры, а также аудио- и видеоаппаратуру. Финансовый оборот компании в 2015 г. составил примерно 94 млрд долл., чистая прибыль — 12 млрд
5	Samsung	Корейский конгломерат, имеющий несколько подразделений: Samsung Electronics (производитель электроники); Samsung Life Insurance и Samsung Investment Trust Management (финансовые услуги и страхование); Samsung Total Petrochemicals и Samsung BP Chemicals (химическая промышленность); Samsung Heavy Industries и Samsung Techwin (тяжелая промышленность). И всюду компания внедряет инновации, начиная от решений для мобильной печати, заканчивая судостроительными разработками
6	Toyota	Ведущий японский автопроизводитель, мировой лидер в области технологических инноваций. Под брендом Toyota ежегодно выпускается более 7 миллионов автомобилей. За последние несколько лет японский автогигант запатентовал более 7000 новых технологий, половина из которых является инновационными решениями в области двигателестроения

Место в рейтинге	Название компании	Краткая справка о компании
7	BMW	Крупнейший в Европе производитель транспортных средств, от велосипедов и мотоциклов до грузовых автомобилей и спортивных болидов. Активно занимается разработкой и внедрением в производство инновационных технологий. Каждая новая модель немецкого производителя предлагает те или иные новейшие решения в разных областях: от увеличения мощностей силового агрегата до системы управления боковыми зеркалами
8	Gilead Sciences, Inc.	Крупнейшая американская биофармацевтическая компания, ведущая разработки и исследования в области медицинских препаратов и осуществляющая серийное производство инновационных лекарств. Компания имеет сравнительно небольшое количество сотрудников (на конец 2015 г. 7900 человек) при довольно крупном финансовом обороте (за тот же год почти 25 млрд долл.)
9	Amazon	Лидер среди интернет-магазинов по объемам продаж. Компания не просто разрабатывает технологические новинки, а закладывает мировые тенденции. Одна из известнейших инноваций — складские роботы-сортировщики, способные найти нужный товар, захватить его со стеллажа и доставить в пункт обработки. Еще одна техническая инновация Amazon — дроны, которые используются для автоматической доставки малогабаритных товаров по воздуху
10	Daimler AG	Немецкий автомобилестроительный гигант, инновации в автомобилестроении которого являются важнейшей составляющей деятельности. Ежегодно корпорация продает 2–2,5 млн машин, ее деятельность представлена почти в каждой стране мира

Источник: Топ-50 инновационных компаний мира [Электронный ресурс] // TMN. Деловой журнал. Режим доступа: <http://1tmn.ru/ratings/world-ratings/top-50-innovationnykh-kompanij-mira-4140006.html> (дата обращения: 22.08.2017).

Согласно выводам аналитиков Европейской комиссии, лидирующие в мире по инвестициям в НИОКР сферы экономики — фармацевтика и биотехнологии; технологии машин и оборудования; автомобили и запчасти; компьютеры и компьютерные услуги; электроника и электронное оборудование (причем первые три области по объему инвестиций значительно опережают всех остальных). Эксперты ЮНИДО, проанализировав среднесрочные национальные и региональные исследовательские стратегии Европейского Союза, Германии, Великобритании, Дании, Швеции, Китая, США, Канады, Австралии, Республики Ко-

рея и Бразилии, выделили следующие технологические области, которые будут играть особо значимую роль в средне- и долгосрочной перспективе: фотоника, биотехнологии, нанотехнологии, микротехнологии, информационные и коммуникационные технологии в производственных системах, уникальные материалы и сплавы, в том числе на основе редкоземельных металлов [16, с. 39].

С учетом растущего спроса на сырьевые ресурсы усилится экологическая направленность развития: ресурсо- и энергосбережение, применение «зеленых» технологий, производство и использование принципиально новых материалов (на основе нано- и биотехнологий). Растущие потребности в высокотехнологичных товарах будут по-прежнему стимулировать прогресс инновационных технологий, что в свою очередь (в условиях усиления глобальной конкуренции), остается фактором развития международных цепочек добавленной стоимости с учетом соответствующих вкладов от конкурентных преимуществ конкурентных стран [14, с. 39].

В России строительство национальной инновационной системы началось в начале 2000-х гг., когда наше государство в результате проведенных реформ значительно отставало от стран-лидеров в сфере инноваций. В этот период крупнейшие компании России «по объему продаж многократно отставали от своих зарубежных конкурентов: металлургия — в 19 раз, химия — в 20 раз, автомобилестроение — в 44 раза, пищевая промышленность — в 40 раз. Объем прибыли всего радиоэлектронного комплекса России, включающего более 500 предприятий, в 2005 г. составлял всего 4 млрд руб. Для сравнения — в 2006 г. объем продаж компании IBM составил более 90 млрд долл. Из высокотехнологичных отраслей реального сектора в России в этот период только энергетический комплекс Минатома (около 30% мирового рынка АЭС, 17% мирового рынка топлива для АЭС, 40% мирового рынка низкообогащенного урана), Роскосмоса (11% мирового рынка космических услуг) и отдельные предприятия ОПК (более 20% мирового рынка вооружений) удерживали заметную долю соответствующих высокотехнологических ниш мирового рынка и, в большей или меньшей степени, сохранили потенциал исследований и разработок» [4, с. 10].

В последние годы инновационная политика России была подвергнута существенным изменениям. Инновации стали центральной темой политической повестки дня: были созданы ключевые стратегические документы, а также сеть институтов развития, которые обеспечивают «инновационный лифт» для российского бизнеса. Формирование национальной инновационной системы стало важнейшей задачей экономической политики.

В России с начала 2000-х реализовался ряд стратегических документов, направленных на переход к инновационному пути развития:

- 2005 г.: «Основные направления политики России в области развития инновационной системы на период до 2020 г.»;
- 2006 г.: «Стратегия развития науки и инноваций до 2015 г.»;
- 2008 г.: «Концепция социально-экономического развития России до 2020 г.»;
- и др.

«В настоящее время основополагающими документами, определяющими содержание инновационной политики РФ, являются (см. табл. 4): “Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.”, “Стратегия инновационного развития Российской Федера-

ции на период до 2020 г.” и государственная программа “Экономическое развитие и инновационная экономика”» [3].

Таблица 4

**Стратегическое управление инновационным развитием России
(современное состояние)**

Стратегический документ	Основные положения в области инноваций
Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.	Определены целевые ориентиры инновационного развития, а также его основные макроэкономические параметры
Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.	Рассмотрены альтернативы инновационного развития, определены этапы реализации, раскрыто содержание национальной инновационной политики
Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика»	Определены основные мероприятия по созданию условий для формирования национальной инновационной системы

Источник: составлено авторами.

В «Концепции 2020» определены целевые ориентиры, этапы инновационного развития, а также основные макроэкономические параметры инновационного развития [2]. В «Стратегии 2020» рассмотрены варианты инновационного развития, определены этапы реализации, раскрыто содержание национальной инновационной политики, большое внимание уделено вопросам формирования компетенций инновационной деятельности, а также основным направлениям и мероприятиям по ее реализации [3]. «Госпрограммой предусматриваются формирование благоприятной инвестиционной среды, развитие малого и среднего предпринимательства, создание условий для развития рынка недвижимости, совершенствование государственного и муниципального управления, стимулирование инноваций, совершенствование системы государственного стратегического управления, создание и развитие инновационного центра «Сколково» и другие важнейшие стратегические мероприятия» [3].

За период с 2010 по 2015 г. сумма внутренних затрат на исследования и разработки увеличилась с 400 803,8 млн руб. до 1 200 363,8 млн руб. (рис. 4). При этом объем отгруженных инновационных товаров, работ и услуг вырос с 1 243 712,5 до 3 579 923,8 млн руб. Положительное соотношение в динамике этих показателей привело к росту затратоотдачи с 2,38 руб. в 2011 г. до 4,22 руб. в 2015 г.

В промышленно развитых западноевропейских странах финансирование инновационной деятельности осуществляется главным образом за счет средств предпринимательского сектора. Что касается рынка нашей страны, то можно сделать вывод о крайне низком спросе на инновационные технологии и иннова-

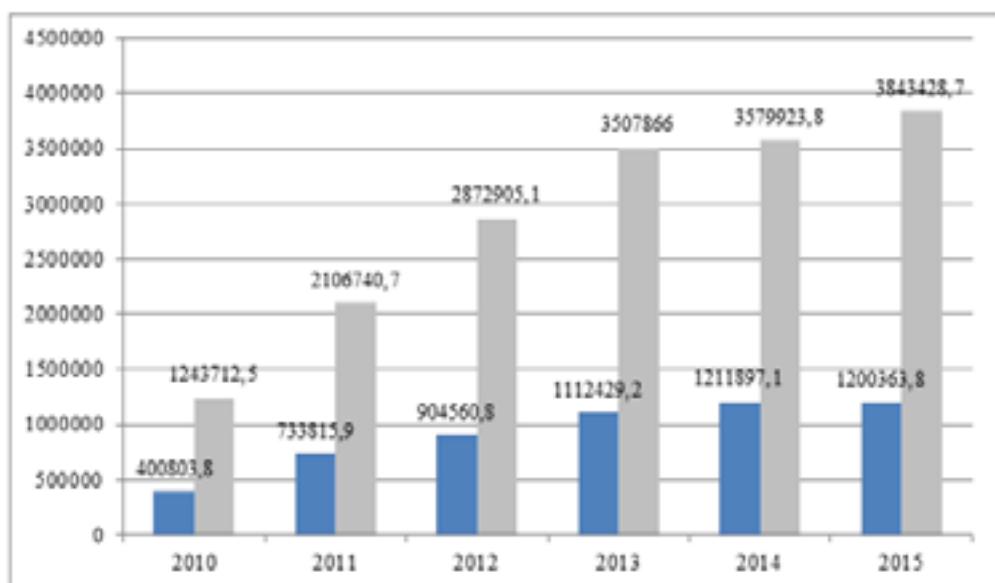

Рис. 4. Внутренние затраты на исследования и разработки и объем отгруженных инновационных товаров и услуг в 2010 – 2015 гг., млн руб.³

ционные разработки, вследствие чего государство вынуждено постоянно инвестировать средства в разработки, изобретательство, рационализаторство.

Если в странах Западной Европы в среднем наукоемкость валового внутреннего продукта составляет около 2,13%, а, например, в Швеции, Финляндии, Японии достигает уровня 3,95%, 3,48%, 3,15%, соответственно [20, с. 21], то в российской экономике данный показатель не превышает 1,14% [20]. Данный факт свидетельствует об относительно низком уровне затрат на исследования и разработки.

Были приняты и запущены крупномасштабные целевые программы развития университетской науки, создания малых инновационных предприятий при вузах, запущена система стимулирования инновационной деятельности в государственных корпорациях, действует система налогового стимулирования инновационной деятельности.

Однако предпринятые меры не способствовали повышению степени влияния инновационных технологий на экономический рост и качество жизни населения в стране. В настоящее время инновационная активность в народном хозяйстве РФ, по-прежнему, довольно ограничена. Россия находится на 8-й позиции в мире по объему затрат на научные исследования. При этом доля России на рынке высокотехнологической продукции составляет всего 0,3% [9, с. 21].

По нашему мнению, основная проблема состоит в том, что программа действий по формированию инновационной системы имеет во многом декларативный, формальный характер. В общественном сознании понимание необходимости инноваций в полной мере не укрепилось. Российские вузы и предприятия зачастую занимаются «инновациями ради инноваций», т.е. эффективность инновационного процесса крайне низка.

³ Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики [20].

Экспертами отмечаются некоторые сильные стороны российской инновационной системы. Так, данные «Глобального индекса инноваций» свидетельствуют о том, что РФ стабильно улучшает свои позиции по субиндексу ресурсов инноваций (44 место). Но по эффективности инновационной деятельности позиции страны заметно слабее (69 место).

Таблица 5

Позиции России «Глобальном индексе инноваций» в 2014–2016 гг.

	2014	2015	2016
Позиция в глобальном индексе инноваций	49	48	43
Субиндекс результаты инноваций	45	49	47
Субиндекс ресурсы инноваций	56	52	44
Субиндекс эффективность инноваций	49	60	69

Источник: составлено авторами на основе данных The Global Innovation Index [21].

Из данных приведенных в табл. 6 видно, что в первую очередь преимущества национальной инновационной системы, согласно данным, относятся к системе образования (занятость женщин с высшим образованием, число выпускников вузов по научным и инженерным специальностям, соотношение ученики/преподаватель в среднем образовании). Что касается недостатков, то в инновационной сфере РФ наблюдаются те же проблемы, что и в целом в социально-экономической системе страны: верховенство закона, качество регулирования, слабые инновационные связи, недостаток инвестиций и т.д.

Таблица 6

Преимущества и недостатки инновационной системы РФ согласно «Глобальному индексу инноваций»

Преимущества	Недостатки
Занятость женщин с высшим образованием (2 место из 128 стран)	ВВП на единицу использования энергии (114)
Размер внутреннего рынка (6)	Инновационные связи (112)
Валовой коэффициент охвата высшим образованием (18)	Инвестиции (107)
Соотношение ученики/преподаватель в среднем образовании (16)	Верховенство закона (104)
Платежи за использование объектов интеллектуальной собственности (14)	Уровень развития кластеров (101)
Экспорт культурных и творческих услуг (11)	Качество регулирования (97)

Преимущества	Недостатки
Выпускники вузов по научным и инженерным специальностям (11)	Сделки с использованием венчурного капитала (67)
	Исследования и разработки, финансируемые из зарубежных источников (76)
	ИКТ и создание бизнес-моделей (94)

Источник: составлено авторами на основе данных The Global Innovation Index [21].

«Ситуацию с инновационной активностью наглядно характеризует число патентов, ежегодно выдаваемых в стране. Лидером здесь является Китай (1 млн 300 тыс.), США (500 тыс.). В советское время граждане СССР получали в среднем в год 300 тыс. патентов. Изобретательству, рационализаторским предложениям в СССР уделяли большое внимание, функционировали клубы юных техников, выходили журналы такого профиля, была разработана теория рационализаторства и изобретательства (ТРИЗ), получившая широкое признание и преподаваемая во многих учебных заведениях Запад и Востока.

Сейчас ситуация в России совершенно другая — ежегодно выдается около 29 тыс. патентов. По итогам 2014 г. Российская Федерация заняла 11-е место в мире по количеству заявок на патентование изобретений с учетом заявок резидентов и зарубежных заявителей, 7-е место по количеству заявок на изобретения, поданных резидентами, 16-е место по количеству поданных патентных заявок на душу населения» [8, с. 50].

Таким образом, Россия, как страна, не вошедшая в число стран-лидеров научно-технического прогресса, стоит перед выбором дальнейшего пути развития. С начала 2000-х гг. экспертным сообществом говорится о том, что «ресурсным донором» России может быть недолго, о необходимости избавляться от «голландской болезни» (хотя некоторые наши руководители утверждают, что Россия уже излечилась). Уповать на иностранные инвестиции не приходится по разным причинам: географические условия, политическая ситуация, коррупция и др. При этом всем очевидно, что экономический рост, производительность труда, уровень рентабельности производства во многом определяются результативностью научной, научно-технической и инновационной деятельности. В связи с этим именно развитие инновационной деятельности является естественным выбором России, инструментом для новой индустриализации. В настоящее время для России приоритетной целью инновационной политики должна быть не только ориентация на поддержку традиционных для российской экономики отраслей (энергетика, машиностроение, авиация и др.), но и курс на развертывание масштабных инновационных проектов в области нанотехнологий, фармацевтики, биотехнологий и т.п.

Список литературы

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 «316 (ред. от 26.12.2015) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» [Электронный ресурс]

// КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162191/ (дата обращения: 17.09.2017).

2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/fcp/rasp_2008_N1662_red_08.08.2009 (дата обращения: 10.09.2017).

3. Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 №2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123444/ (дата обращения: 18.09.2017).

4. Бетелин В.Б. Итоги научно-технологического и инновационного развития экономики России в 2006–2016 гг. // Инновации. — 2016. — № 6(212). — С. 10.

5. Гольдштейн Г.Я. Основы менеджмента: учеб. пособие. — Мн.: Наука, 2011.

6. Дроздова Е.В. Исследование инновационного развития стран БРИКС на основе финансирования инвестиций в НИОКР // Инновации. — 2016. — № 6(212). — С. 108.

7. Карачаев И.А., Сатир Е.В. Кластерная политика как инструмент повышения международной конкурентоспособности региона // Российский внешне-экономический вестник. — 2014. — № 8. — С. 50–51.

8. Куракова Н.Г., Зинов В.Г. Оценка перспектив завоевания глобального технологического лидерства РФ в проекции мирового патентного ландшафта // Инновации. — 2016. — № 6(212). — С. 50.

9. Малинецкий Г.Г. Стратегии разгрома // Инновации. — 2016. — № 6(212). — С. 21.

10. Марков А.К. Последовательность этапов корпоративной инновационной деятельности // Российский внешнеэкономический вестник. — 2013. — № 12. — С. 4–12.

11. Морева Е.Л. Внешнеэкономические источники инновационного развития // Экономика, статистика, информатика. — Вестник УМО. — 2010. — № 1. — С. 20–26.

12. Наука в долларах // Русский репортер. — 2016. — 17–31 марта.

13. Полещенко К.Н. Малые инновационные предприятия: особенности, классификация, институализация / К.Н. Полещенко, Е.В. Верхогляд // Вестник Омского университета. — 2011. — № 3. — С. 21–30.

14. Ткачук С.П. От ТС — ЕЭП к собственно ЕАЭС: по поводу согласованной промышленной политики стран-участниц (концептуальные соображения) // Российский экономический журнал. — 2015. — № 6. — С.25–29.

15. Фототов А.Г. Стратегии-2035. Желаемое. Возможное. Достижимое. // Инновации. — 2016. — № 6(212). — С. 21–29.

16. Щурина С.В., Прокофьева Е.В. Инновационная активность компаний-участниц ВТО: сравнительный анализ // Российский внешнеэкономический вестник. — 2013. — № 9. — С. 15–23.

17. *Freeman C.* Technology Policy and Economic Performance. — London: Pinter Publishers, 1987.

18. The 41 Edition Investment Yearbook 2015–2016. Auckland: Investment Research Group Ltd., 2015. — P. 273.

19. *Азарков С.А., Кузнецова Е.С., Грязнова М.О.* Инновационный менеджмент и государственная инновационная политика [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. Режим доступа: <http://www.rae.ru/monographs/112-3767> (дата обращения: 28.08.2017).

20. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 22.08.2017).

21. Официальный сайт [Электронный ресурс] // The Global Innovation Index. Режим доступа: www.globalinnovationindex.org/ (дата обращения: 24.08.2017).

22. Топ-50 инновационных компаний мира [Электронный ресурс] // TMN. Деловой журнал. Режим доступа: <http://1tmn.ru/ratings/world-ratings/top-50-innovacionnykh-kompanijj-mira-4140006.html> (дата обращения: 22.08.2017).

Е.В. Александрова, О.В. Шерченкова, Е.В. Збаразская

**ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ РАЗВИТИЯ
ДВИГАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ У ПОДРОСТКОВ
С НАРУШЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО
АППАРАТА¹**

**INNOVATIVE METHODS OF MOTOR ABILITIES
DEVELOPMENT OF ADOLESCENTS WITH
MUSCULOSKELETAL SYSTEM DISORDERS**

АЛЕКСАНДРОВА Екатерина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ (e-mail: silaeva@mggeu.ru)

ШЕРЧЕНКОВА Ольга Владимировна — старший преподаватель кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ (e-mail: sherchenkova@mggeu.ru)

ЗБАРАЗСКАЯ Екатерина Витальевна — старший преподаватель кафедры адаптивной физической культуры МГГЭУ (e-mail: zbarazskaya@mggeu.ru)

ALEKSANDROVA Ekaterina Viktorovna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Adapted Physical Education Department, MGGEU (e-mail: silaeva@mggeu.ru)

SHERCHENKOVA Olga Vladimirovna — Senior Lecturer of the Adapted Physical Education Department, MGGEU (e-mail: sherchenkova@mggeu.ru)

ZBARAZSKAYA Ekaterina Vitalievna — Senior Lecturer of the Adapted Physical Education Department, MGGEU (e-mail: zbarazskaya@mggeu.ru)

Аннотация. Сохранение и укрепление здоровья детей и подростков — одна из важнейших задач современного физического воспитания. Особого внимания требует организация занятий физической культурой у детей и подростков, имеющих нарушения опорно-двигательного аппарата (ОДА). Традиционные методы адаптивного физического образования не всегда обладают достаточной эффективностью, поэтому возникает необходимость комплексных мер, направленных на информирование лиц с нарушениями ОДА о физическом здоровье, а также сохранение и использование имеющихся телесно-двигательных навыков и развитие их специальных возможностей. В статье приводятся результаты экспериментальной работы, в основе которой использовалась комплексная терапия, направленная на физическое развитие лиц с нарушениями

¹ Статья подготовлена в рамках инновационного проекта «От адаптивной физической культуры — к эффективной инклюзии», реализуемого за счет средств гранта Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (договор № 01-02-109п-2016. 12/77 от 09 августа 2016 г.).

ОДА посредством футбол-гимнастики, коррекционных упражнений на тренажерах и сеансов биологической обратной связи (БОС).

Ключевые слова: комплексная терапия, здоровье, биологическая обратная связь (БОС), опорно-двигательный аппарат (ОДА), адаптивная физическая культура (АФК), коррекция.

Abstract. Preserving and strengthening the health of children and adolescents is one of the most important tasks of modern physical education. Especial attention is drawn to organization of physical education for children and adolescents with some musculoskeletal disorders. Traditional methods of adapted physical education do not always have the necessary efficiency, so there is a need for comprehensive measures aimed at informing people with some ODA disorders about physical health, as well as maintaining and using the remaining physical and motor skills and developing their own special abilities. The results of the experimental work based on complex therapy aimed at the physical development of persons with ODA disorders through fitball-gymnastics, corrective exercises on fitness machine and neurofeedback sessions are presented in the given paper.

Keywords: complex therapy, health, biological feedback, musculoskeletal system, adaptive physical training, correction.

Одной из важнейших тенденций современного образовательного процесса является создание равных возможностей для лиц, имеющих отклонения в состоянии здоровья. Идея инклюзивного образования для людей с ограниченными возможностями родилась в рамках широкомасштабных изменений в концепции прав человека. Трансформация статуса инвалидов и создание благоприятной для них образовательной и социальной среды — один из первых признаков культурных изменений в обществе в отношении лиц, имеющих инвалидность.

Разумеется, для детей различных нозологических групп жизненно важно организовать условия для занятий физической культурой. Систематические физические нагрузки, подобранные согласно половозрастным характеристикам с учетом физиологических показателей, благоприятно влияют на физическое и психологическое состояние учащихся. Для лиц с нарушениями ОДА правильный расчет физических нагрузок — еще более актуальная задача, без решения которой зачастую невозможна их полноценная социализация [4].

Адаптивная физическая культура (АФК) является сегодня одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений физической культуры, способствующим решению задач по формированию и развитию социальной активности лиц с отклонениями в состоянии здоровья [5]. На базе МГГЭУ действует кабинет БОС-коррекции для активного внедрения данного метода в занятия АФК. По нашим наблюдениям, дополнение занятия АФК процедурами БОС дает хороший эффект. Психофизиологический метод биологической обратной связи позволяет учитывать индивидуальные особенности личности, дозировано подбирать каждому студенту нагрузку для тренировки и контролировать эффективность ее выполнения в ходе коррекции [1].

Анализ научных данных, полученных с помощью аналогичных технологий, подтверждает положительное влияние БОС на учащихся с нарушениями ОДА. Так, Дуйбанова Н.В. приводит данные об эффективности применения процедуры БОС в лечении такого распространенного нарушения ОДА, как плоскостопие [3]. В статье Грехова Р.А. отмечается, что применение БОС «дает инстру-

мент раскрытия и использования резервов организма, органично вписывается в любую схему улучшения качества жизни и повышения уровня здоровья» [2].

В рамках реализации проекта «От адаптивной физической культуры — к эффективной инклюзии» на базе МГГЭУ была проведена экспериментальная работа по коррекции двигательных возможностей учащихся с нарушениями ОДА посредством инновационных методов, включающих фитбол-гимнастику, коррекционные упражнения на тренажерах и сеансы БОС.

Гипотезой исследования стало предположение о том, что методы комплексной терапии: фитбол-гимнастика, коррекционные упражнения на тренажерах и сеансы БОС приводят к улучшению двигательных способностей и качественному изменению антропометрических показателей у исследуемых подростков, в отличие от традиционных методов АФК.

На первом этапе экспериментальной работы в октябре 2016 г. физическая подготовка детей была оценена по ряду антропометрических и физических показателей. В январе 2017 г. было проведено промежуточное тестирование, а заключительное — в мае 2017 г.

Большинство учащихся, принявших участие в исследовании — мужского пола (76% или 38 чел.), участников женского пола — только 24% (12 чел.). Средний рост девочек — 160,5 см, средний рост мальчиков — 167,6 см, что соответствует возрастной норме. Вес девочек в среднем составляет 48 кг, а подростков мужского пола — 60,7 кг, что также входит в рамки возрастных норм.

В исследовании приняли участие 50 человек, детей подросткового возраста (14–17 лет), обучающихся в различных образовательных учреждениях: центре по защите прав детей «Детство», специальной (коррекционной) общеобразовательной школе-интернате № 31, Московском государственном образовательном комплексе, колледже современных технологий имени Героя Советского Союза М.Ф. Панова и Сергиево-Посадском социально-экономическом техникуме. Эти дети имеют заболевания опорно-двигательного аппарата (сколиоз, ДЦП и т.д.).

Апробированный нами в ходе экспериментальной работы комплекс спортивных-оздоровительных процедур разработан посредством кропотливой аналитической работы и наблюдений за изменением антропометрических показателей учащихся с нарушениями ОДА. Занятия фитбол-гимнастикой успешно применялись для улучшения физической формы детей с ДЦП, поскольку сочетали в себе упражнения на снятие мышечного тонуса и облегчали нагрузку на позвоночник, а также вносили разнообразие в традиционные занятия. Было отмечено, что при оптимальной и систематической нагрузке эти упражнения создают сильный мышечный корсет и улучшают функции внутренних органов. В сочетании с дозированными нагрузками на других тренажерах в целом занятия дают положительный эффект.

Уровень функционального состояния организма и степень его приспособляемости, а также возможные отклонения оценивались с помощью специально подобранных функциональных проб и тестов с дозированной физической нагрузкой. К основным показателям физической подготовки детей были отнесены следующие:

- кистевая динамометрия;
- ортостатическая проба;
- количество приседаний за 1 минуту;
- количество отжиманий (от скамьи, от пола, на время и на выносливость);

- подвижность позвоночного столба;
- проба Ромберга.

Кистевая динамометрия (измерение силы мышц-сгибателей пальцев) — очень важный антропометрический показатель, позволяющий определить реальную силу руки как органа целенаправленного действия.

Возрастные нормы показателей силы правой кисти отражены в таблице ниже:

	Мальчики	Девочки
8–11 лет	13,0–18,5 кг	9,8–17,1 кг
12–15 лет	21,6–37,6 кг	19,9–28,3 кг
16–19 лет	45,9–51,0 кг	31,3–33,8 кг

Ортостатическая проба применялась для оценки деятельности сердца и производилась следующим образом: 5 мин. следует отдохнуть лежа на спине, затем подсчитать пульс в положении лежа за 1 мин., далее надо встать и отдохнуть стоя 1 мин. и подсчитать пульс в положении стоя за 1 мин.

Реакция сердечно-сосудистой системы на нагрузку при изменении положения тела определялась разницей между частотой пульса лежа и стоя, что позволило нам оценить функциональное состояние регуляторных механизмов и дать некоторое представление о тренированности организма.

Разница от 0 до 12 ударов свидетельствует о хорошей физической тренированности. У здорового нетренированного человека разница составляет 13–18 ударов. Разница 18–25 ударов — показатель отсутствия физической тренированности. Разница более 25 ударов свидетельствует о переутомлении или заболевании.

Подвижность позвоночного столба определялась в исходном положении стоя. При нормальной подвижности обследуемый в наклоне вперед, не сгибая ног в коленных суставах, должен был коснуться пола пальцами рук. О степени ограниченной подвижности судят по расстоянию между кончиками пальцев и полом.

Для определения подвижности позвоночного столба назад измерялось расстояние от седьмого шейного позвонка до начала межъягодичной складки в положении основной стойки и при максимальном наклоне назад. При нормальной подвижности разница измерений у подростков 12–16 лет составляет 4–6 см. Разница более 10–12 см свидетельствует о чрезмерной подвижности позвоночного столба.

Проба Ромберга — это одна из разновидностей неврологических тестов, с помощью которых специалисты оценивают статическую координацию конкретного человека, выявляя нарушения в организме, в том числе в опорно-двигательном аппарате. Наличие тремора в течение короткого времени удержания позиции подразумевает присутствие каких-либо нарушений в организме человека.

Сохранение позы без тремора 15 сек. — норма. Появление незначительных движений спустя более чем 15 сек. — удовлетворительно. Удержание позиции менее 15 сек. — неудовлетворительно.

В табл. 1 и 2 приведены сравнительные показатели физической тренированности, отражающие характер изменений в начале и в конце экспериментальной работы у мальчиков и девочек.

Таблица 1

**Качественные, количественные показатели физической
тренированности (мальчики)**

	Октябрь 2016	Май 2017	Сдвиг, %
Кистевая динамометрия (левая)	26,6	29,1	2,5
Кистевая динамометрия (правая)	25,3	27,35	2,05
Ортостатическая проба	5,5	3	-2,5
Количество приседаний за 1 минуту	32	38	6
Количество отжиманий от скамьи	8	16	8
Определение функциональной силы мышц-разгибателей позвоночника	27	39	12
Определение функциональной силы мышц живота	10,5	26	15,5
Подвижность позвоночного столба	-2	2	4
Проба Ромберга	11,5	20	8,5

Таблица 2

**Качественные, количественные показатели физической
тренированности (девочки)**

	Октябрь 2016	Май 2017	Сдвиг, %
Кистевая динамометрия (левая)	21,1	25,15	4,05
Кистевая динамометрия (правая)	20,75	22	1,25
Ортостатическая проба	11,5	8,5	-3,00
Количество приседаний за 1 минуту	31	45	14,00
Количество отжиманий от скамьи	5,5	10	4,50
Определение функциональной силы мышц-разгибателей позвоночника	43,5	66,5	23,00
Определение функциональной силы мышц живота	13,5	45	31,50
Подвижность позвоночного столба	3	2,5	-0,50
Проба Ромберга	17	35,5	18,50

Диаграммы 1 и 2 показывают, как изменялись антропометрические и физические показатели у мальчиков и девочек в начале и в конце экспериментальной работы.

Так, например, у мальчиков по сравнению с началом учебного года наблюдались значительные улучшения по ряду физических показателей, свидетельствующих о тренированности организма. Особенно значительными стали результаты по нормализации подвижности позвоночного столба: показатель увеличился в 10 раз, приблизившись к статистической норме.

Следует отметить улучшение результатов ортостатической пробы и у девочек. Результаты тестирования по Ромбергу, однако, показали незначительное улучшение по сравнению с результатами у мальчиков.

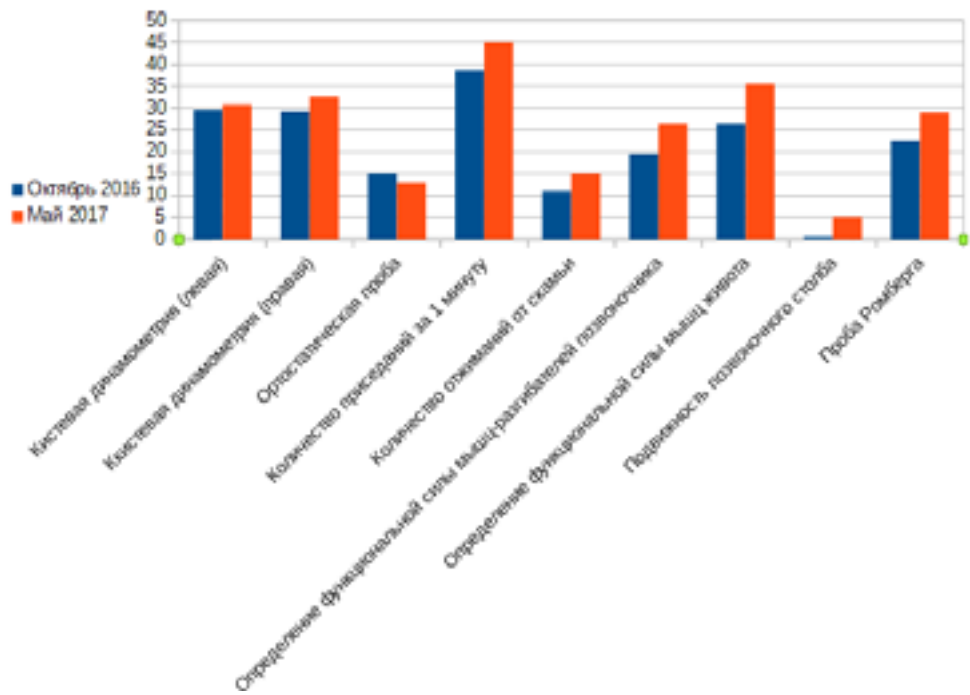

Рис 1. Динамика улучшения двигательных способностей: мальчики

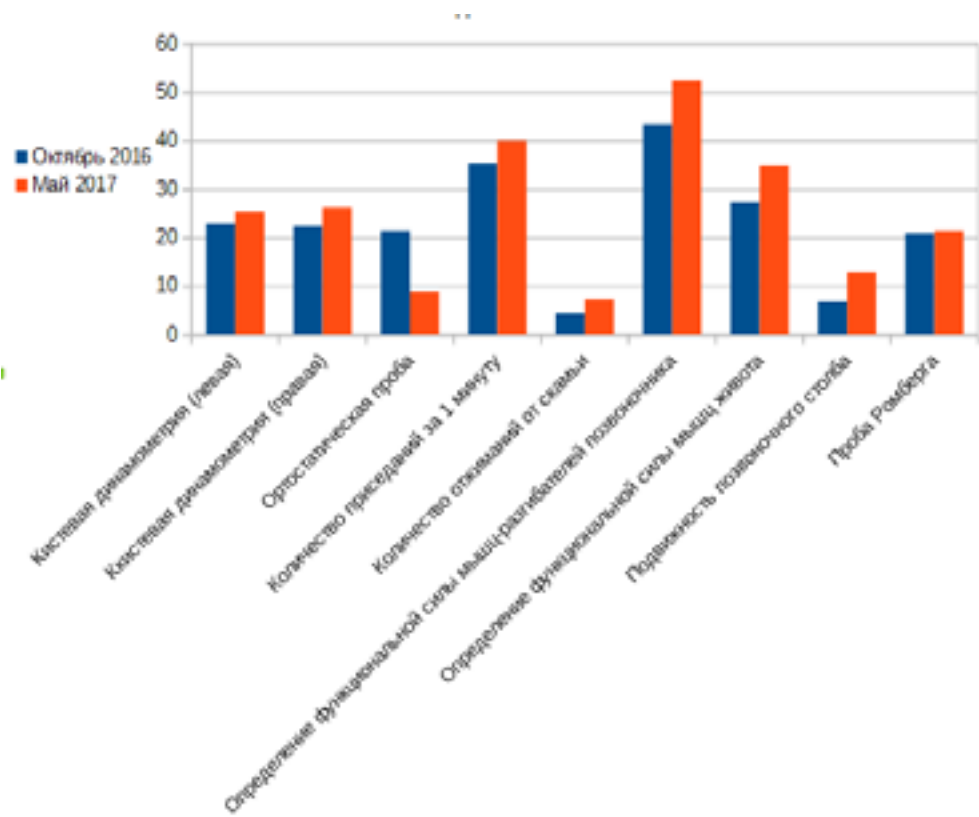

Рис 2. Динамика улучшения двигательных способностей: девочки

Таким образом, мы можем утверждать, что разработанная нами инновационная методика АФК, включающая в себя коррекционные упражнения на тренажерах, фитбол-гимнастику и сеансы БОС, благоприятно влияет на здоровье подростков с нарушениями ОДА, улучшая их физическую тренированность, повышая их двигательные способности в целом. Это в свою очередь подтверждает заявленную нами гипотезу исследования.

Список литературы

1. *Астахова А.И., Скоморохов А.А., Скоморохов Д.А.* Оценка эффективности проведения процедур БОС-тренинга // Известия Южного федерального университета. Технические науки. — 2004. — № 6. — С. 32–35.
2. *Грехов Р.А., Сулейманова Г.П., Харченко С.А., Адамович Е.И.* Психофизиологические основы применения лечебного метода биологической обратной связи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11. Естественные науки. — 2015. — № 3. — С. 87–96.
3. *Дуйбанова Н.В., Бальжирова Е.П., Краснояров Г.А., Бимбаев А.Б.-Ж.* Использование метода биологической обратной связи (БОС) по параметрам электромиограммы (ЭМГ) в восстановительном лечении детей и подростков с плоскостопием // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. — 2009. — № 2. — С. 244–245.
4. *Збаразская Е.В.* Фитнес в образовательных учреждениях для студентов III группы инвалидности // Человек. Общество. Инклюзия. — 2015. — № 4(24). — С. 148–153.
5. *Литош Н.Л.* Адаптивная физическая культура: психолого-педагогическая характеристика детей с нарушениями в развитии. М.: СпортАкадемПресс, 2002. — 140 с.

В.А. Кадымов, С.М. Думанский

**ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ
СИСТЕМ НА ОСНОВЕ АЛГОРИТМОВ КЛАСТЕРИЗАЦИИ
ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СКЛОННОСТИ АБИТУРИЕНТОВ
С ОВЗ ПРИ ВЫБОРЕ ИМИ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ**

**APPLICATION OF ANALYTICAL INFORMATION SYSTEMS
BASED ON USING CLUSTERING ALGORITHMS
FOR DETERMINING OF INCLINATION OF SCHOOL LEAVERS
WITH LIMITED HEALTH OPPORTUNITIES TO
PROFESSION**

КАДЫМОВ Вагид Ахмедович — доктор физико-математических наук, профессор кафедры математики МГГЭУ (e-mail: vkadymov@yandex.ru)

ДУМАНСКИЙ Сергей Митрофанович — кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной математики и информатики МГГЭУ (e-mail: dومان@yandex.ru)

KADYMOV Vagid — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of Applied Mathematics and Informatics Department, MGGEU (e-mail: vkadymov@yandex.ru)

DUMANSKY Sergey — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Applied Mathematics and Informatics Department, MGGEU (e-mail: dومان@yandex.ru)

Аннотация. В статье описан прототип информационно-аналитической системы (ИАС) с использованием алгоритмов кластеризации для определения специализации и склонности абитуриентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) при выборе ими будущей профессии. Приводятся структурные элементы ИАС и алгоритмов кластеризации. Разработанная модель позволяет по характерным признакам будущего студента с нарушением опорно-двигательного аппарата (НОДА) выдавать рекомендации, учитывающие его склонности к определенному виду деятельности. Данный прототип ИАС предлагается использовать в образовательных учреждениях, занимающихся обучением лиц с ОВЗ для помощи в профориентации.

Ключевые слова: информационно-аналитическая система, алгоритмы кластеризации, задачи распознавания образов, лица с ограниченными возможностями здоровья.

Abstract. The article describes a prototype of Information Analytical system (IAS) based on using clustering algorithms. Some structural elements of the IAS and clustering algorithms are presented. The current model can make recommendations for determining of inclination of school leavers with limited health abilities (LHA) for

their future profession. This prototype of IAS can be used in educational institutions engaged in training individuals with LHA to assist them in career counseling.

Keywords: *analytical information systems, clustering algorithms, pattern recognition, individuals with limited health abilities.*

Данная статья посвящена использованию высокоинтеллектуальных алгоритмов в исследовании лиц с ОВЗ, обучающихся на первом курсе ВУЗа на предмет обнаружения у них скрытых способностей к той или иной специализации (профессии) с тем, чтобы полученные данные в дальнейшем использовать для прогноза склонностей абитуриентов со сходным диагнозом и оказания им помощи в выборе подходящего факультета. С развитием вычислительной техники и программного обеспечения в настоящее время широкое распространение получили исследования предметных областей деятельности человека с применением информационно-аналитических систем (ИАС). В широком понимании ИАС представляет собой систему, состоящую из структурных элементов, каждый из которых выполняет последовательно следующие функции:

- сбор должным образом подготовленной информации;
- очистку, преобразование и передачу информации в хранилища данных;
- анализ данных при помощи соответствующе подобранных или разработанных алгоритмов, реализующих цель исследования;
- визуализация полученных результатов и доставка их конечным пользователям.

Предлагаемый прототип ИАС основывается на алгоритмах кластеризации, которые позволяют формировать группы элементов со сходными признаками в кластеры, позволяющие реализовывать задачи, относящиеся к классу распознавания образов. Задачи такого типа встречаются в различных областях деятельности: оценка масштабов рудоносности месторождений в геологии, определение нефтеносности пластов при нефтеразведке, диагностике заболеваний в медицине, определение перспективности развития территорий в экономике и т.д.

В общем виде задачу распознавания образов можно сформулировать нижеследующим образом. Имеется некоторая система P , которая в зависимости от значения признаков $\{x_1, x_2, x_3, \dots, x_n\}$, характеризующих ее, может принимать различные состояния L . Экспертным путем формируется обучающая матрица Tm, n, s , состоящая из значений признаков и состояний системы. Строки матрицы $Tm, n, s = \|a_{ij}\|$, $1 \leq i \leq m$, $1 \leq j \leq n$ называются эталонами, причем каждый эталон описывает определенное состояние системы P . Матрицу Tm, n, s можно поделить на s групп в зависимости от значений состояния системы. В l -ю группу входят только такие эталоны, которые описывает l -е состояние. Требуется найти решающее правило, которое по определенному набору значений признаков $\{x_1, x_2, x_3, \dots, x_n\}$, описывающих какое-либо состояние системы и необязательно принадлежащих множеству эталонов, определит состояние системы [4]. Существует большое число алгоритмов, позволяющих решать подобного рода задачи, но все они сложны в математическом плане и требуют значительных временных затрат [2]. Нами же предлагается один из наиболее простых и быстроедействующих алгоритмов, время реализации которого практически не зависит от числа строк обучающей матрицы. Это алгоритм кластеризации, основанный на масштабируемой максимизации ожидания, программно-реализованный корпорацией Microsoft.

Проблема, цель и предмет исследования, материалы и методы

В настоящее время существует проблема с подбором поступающих в ВУЗы учащихся с ОВЗ в группы по специальностям. Будущий студент ввиду его неопытности или неполного осознания своих склонностей к той или иной направленности (профессиональной ориентации) и обремененный сопутствующими заболеваниями, не может определиться с выбором будущей профессии. Выбрав ошибочно свою специализацию уже после прохождения определенного периода времени учебы в университете он осознаёт, что выбрал не ту профессию, которой хотел бы овладеть, что может спровоцировать у него депрессию и другие негативные явления, которые, бесспорно, повлияют как на его успеваемость, так и на дальнейшее раскрытие его способностей. Возникает проблема с повторным выбором специальности, переводом данного студента на другой факультет (кафедру) с целью продолжения его дальнейшего обучения. Поэтому на начальном этапе отбора абитуриентов и определения их склонности той или иной профессии, крайне важно учитывать наличие не только тех или иных нарушений опорно-двигательного аппарата, но и сопутствующих заболеваний. Для решения вышеуказанной проблемы предлагается провести анализ существующего контингента студентов по разным специальностям и сформировать на его основе *эталонную базу данных* (ЭБД). Эту ЭБД в дальнейшем планируется использовать в качестве обучающей выборки для математических моделей задач, относящихся к классу распознавания образов. Следует отметить, что на сегодняшний день отсутствуют исследования в области разработки и создания экспертных систем в сфере инклюзивного образования.

Целью исследования является демонстрация на примере разработанного прототипа ИАС потенциальных возможностей использования алгоритмов кластеризации для определения склонности абитуриентов с ОВЗ при выборе ими будущей профессии и оказании им при этом конкретной практической помощи в процессе профориентации. Для проведения исследования выбрана группа студентов первого курса ВУЗа, на основании которой сформирована эталонная матрица. Данные матрицы являются обучающей выборкой для модели Data Mining. В качестве метода исследования в работе выбран ЕМ-алгоритм кластеризации.

ЕМ-алгоритм относится к числу алгоритмов кластеризации, которые дают возможность эффективно исследовать задачи с большим объемом данных. Его название происходит от слов «expectation-maximization», что в переводе означает «ожидание-максимизация». При этом каждая итерация содержит два шага-вычисления математических ожиданий (expectation) и максимизацию (maximization). ЕМ-алгоритм предполагает, что исследуемое множество данных может быть смоделировано с помощью линейной комбинации многомерных нормальных распределений. ЕМ-алгоритм определяет кластеры как объединение признаков, внутри которых точки данных расположены «ближе друг к другу», чем к точкам других кластеров относительно некоторой функции расстояния.

Для реализации прототипа ИАС использовалось следующее программное обеспечение:

- Access 2013 и Excel 2013 как компоненты MS Office 2013;
- Windows Server 2012 R2 в качестве операционной системы;

- SQL Server 2012 Standard Edition с входящими в него службами SSIS (SQL Server Integration Services) и SSAS (SQL Server Analysis Services) для реализации алгоритма;
- Visual Studio 2010 для визуализации результатов алгоритма.

Для сбора данных и формирования базы данных (БД) первичной информации используется СУБД Access 2013 [3]. Форма ввода данных представлена на рис. 1. Значение каждого из показателей эталонной записи заносится при помощи раскрывающегося списка и из международной классификации болезней МКБ-10. Заполнив учебную матрицу Tm, n, s необходимым количеством эталонных строк (чем их больше, тем точнее будет прогноз склонности абитуриента), при помощи предварительно подготовленного проекта SSIS переносят таблицы БД Access в формат SQL Server. При этом производится проверка данных на точность, их очистка и преобразование. Следует учесть, что по мере накопления эталонных записей в БД Access (таких баз может быть несколько, в зависимости от разбросанности источников сбора), с привлечением SSIS их можно неоднократно переносить в хранилища данных [5], тем самым регулярно пополняя начальную базу данных.

Anketa

ФИО:

Код: Возраст: Пол:

Возраст: Рост:

Склонность: Распорядок:

Пит: Доставка:

Время: Питание:

Мотивация: Вкус:

Способность: Удовольствие:

Способность:

Код	Ситуация/Ситуация
0	Воспитание неуправляемый
1	Воспитание
2	Передовой автор других ситуаций

Рис. 1. Форма ввода исходной информации

Результаты и обсуждение

Реализация алгоритма, при помощи которого осуществляется анализ данных, происходит в модели Data Mining. Исходная информация загружается в хранилище данных для последующего использования в качестве источника данных.

После настройки модели (задание расчетного числа кластеров (в нашем случае 4 единицы), выбора метода кластеризации и т.д.) и ее развертывания на сервере в результате получаем вид, представленный на рис. 2. В данном случае мы имеем 5 закладок:

- структура интеллектуального анализа данных;
- модели интеллектуального анализа данных;
- средство просмотра моделей интеллектуального анализа данных;

Рис. 2. Представление развернутой на сервере модели кластеризации Data Mining

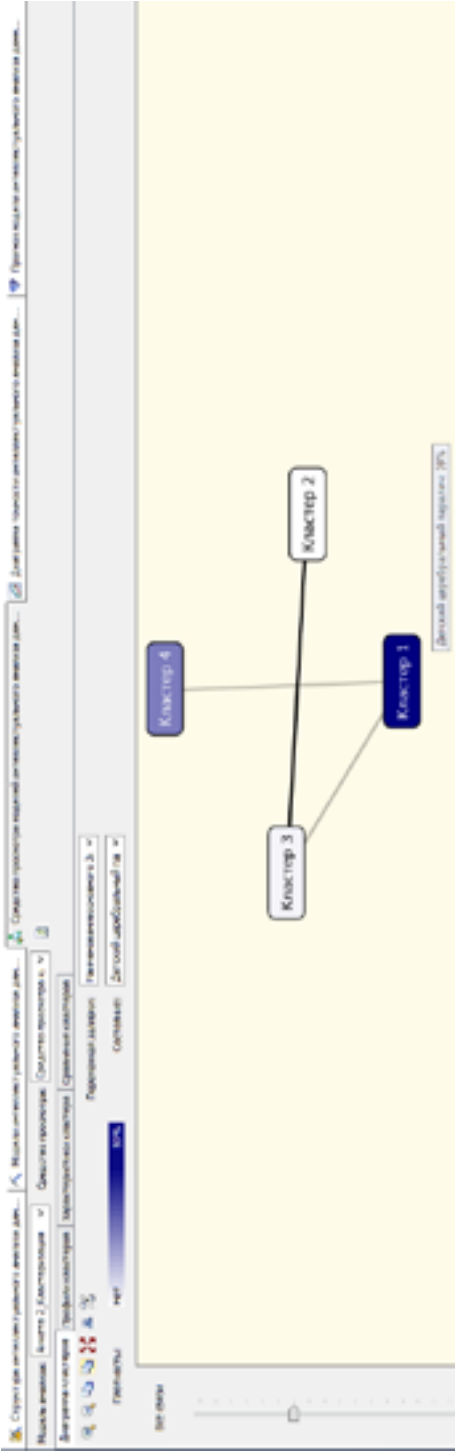

Рис. 3. Диаграмма кластеров

- диаграмма точности интеллектуального анализа данных;
- прогноз модели анализа данных.

На вкладке «Диаграмма кластеров» закладки «Средство просмотра моделей интеллектуального анализа данных» в раскрывающемся списке «Переменная заливки» установлено значение «Наименование основного заболевания» как показано на рис. 3, что отражает плотность насыщения кластеров элементами (детский церебральный паралич (ДЦП)). Так, например, кластер 1 (наиболее темный) содержит 59% элементов/отобранных студентов с диагнозом ДЦП, а кластеры 3, 4 и 2 — 3%, 30% и 0% соответственно. Линии между кластерами отражают устойчивость связей: наиболее крепкие связи наблюдаются между кластером 1 и 4, а также между 3 и 2. Выбирая из раскрывающегося списка «Переменная заливки» наименование той или иной категории, а в графе «Состояние» значение категории, кластеры окрашиваются различными тонами, показывая степень их заполнения. При этом при подводе курсора к какому-либо кластеру будут высвечиваться процентные соотношения для выбранных значений.

Выбрав вкладку «Профили кластеров», получим графическое изображение каждого кластера и всей выборки по наименованиям категорий и их значениям (рис. 4) с указанием числа элементов в каждом кластере. В графе «Переменные» перечисляются заданные для исследования наименования категорий, в графе «Состояния» указываются содержание и цветовая гамма для каждого из наименований категорий, в последующих графах показаны графические изображения для всей выборки и для каждого отдельного кластера по значениям категорий.

При щелчке правой кнопкой на пересечении категории и соответствующего кластера высвечивается контекстное содержание для выбранного элемента, как это показано на рис. 5 для категории «Посещаемость» для кластера 4.

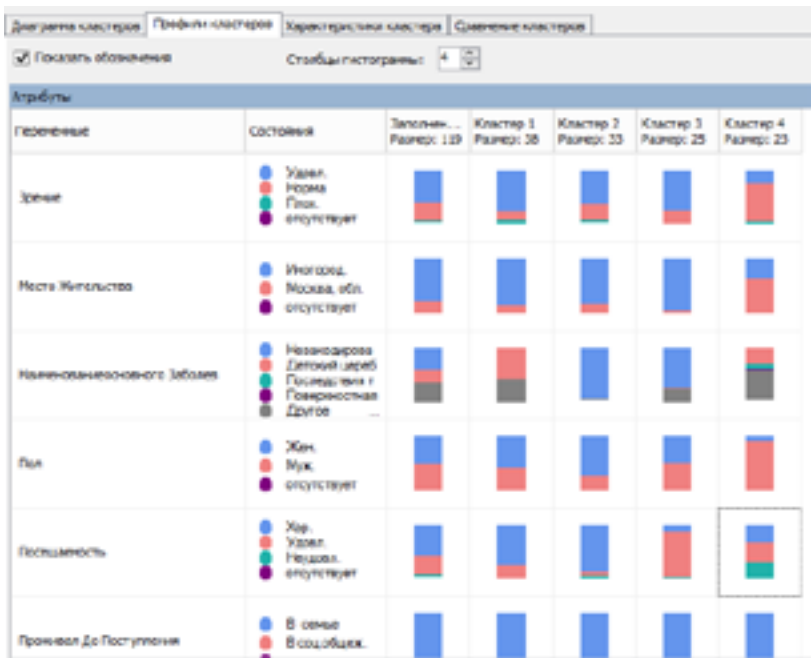

Рис. 4. Профили кластеров

Обозначения интеллектуального анализа данных		
Цвет	Значение	Распределение
	Хор.	0,321
	Удовл.	0,381
	Неудовл.	0,298
	отсутствует	0,000

Рис. 5. Представление процентного распределения значений реквизитов кластера 4 по категории «Посещаемость»

Прodelав вышеописанную манипуляцию для всех перечисленных на рис. 4 категорий, была заполнена табл. 1.

Таблица 1

Категория		Все	Кластеры			
Наименование	Значение		1	2	3	4
Возникновение основного заболевания	С рождения	0,563	1	0,052	0,238	0,942
	Нет	0,420	0	0,948	0,736	0
	Приобретенное	0,017	0	0	0,026	0,058
Возраст	< 22 лет	0,694	0,581	1	0,958	0,154
	от 22 до 33 лет	0,256	0,407	0	0,041	0,608
	> 33 лет	0,050	0,012	0	0	0,237
Зрение	Удовлетворительное	0,613	0,748	0,637	0,735	0,238
	Норма	0,328	0,151	0,298	0,265	0,720
	Слабое	0,059	0,102	0,065	0	0,043
Место жительства	Иногородные	0,773	0,864	0,822	0,955	0,368
	Москва и обл.	0,227	0,136	0,178	0,045	0,632
Наименование основного заболевания	Здоров	0,420	0	0,948	0,736	0
	ДЦП	0,252	0,594	0,002	0,025	0,303
	Последствие травм спинного мозга	0,017	0	0	0	0,086
	Поверхностная травма шеи	0,008	0	0	0	0,043
	Другие заболевания	0,303	0,406	0,050	0,239	0,568
Пол	Жен.	0,513	0,578	0,738	0,503	0,093
	Муж.	0,487	0,422	0,262	0,497	0,907
Посещаемость	Хорошая	0,563	0,725	0,865	0,130	0,321
	Удовлетворительная	0,353	0,258	0,088	0,839	0,381
	Неудовлетворительная	0,084	0,018	0,047	0,031	0,298

Продолжение табл. 1

Категория		Все	Кластеры			
Наименование	Значение		1	2	3	4
Проживал до поступления в ВУЗ	В семье	0,933	0,940	0,926	0,878	0,989
	В социальном общежитии	0,067	0,060	0,074	0,122	0,011
Разговорная речь	Норма	0,521	0,406	0,657	0,321	0,719
	Удовлетворительная	0,454	0,544	0,343	0,679	0,233
	Неудовлетворительная	0,025	0,050	0	0	0
Рост	Средний	0,807	0,802	0,866	0,757	0,748
	Высокий	0,185	0,151	0,134	0,243	0,252
	Низкий	0,008	0,027	0	0	0
Способность к передвижению	Норма	0,706	0,451	0,971	0,789	0,645
	На костылях	0,160	0,286	0,029	0,211	0,092
	Колясочник	0,134	0,263	0	0	0,264
Успеваемость	Хорошая	0,487	0,573	0,893	0,028	0,244
	Удовлетворительная	0,437	0,401	0,029	0,955	0,542
	Неудовлетворительная	0,076	0,026	0,077	0,017	0,214
Факультет	Экономический	0,218	0,209	0,356	0,252	0
	Иностранных языков	0,168	0,109	0,088	0,460	0,072
	Юридический	0,168	0,308	0,127	0,123	0,051
	Социологический	0,118	0,165	0,149	0,041	0,076
	Журналистики	0,101	0,044	0,163	0,082	0,122
	Прикладной математики	0,084	0	0	0	0,428
	Книгоиздания	0,084	0,058	0,089	0,041	0,164
	Психологический	0,059	0,108	0,028	0	0,086

На основе данных из табл. 1 можно определить следующие характерные тенденции: в кластерах 1 и 4 наибольший удельный вес занимают лица с ДЦП (59,4% и 30,3% соответственно), причем в кластере 1 преобладают студенты, выбравшие юридический факультет (30,8%), а в кластере 4 — факультет прикладной математики (42,8%). Также в этих кластерах преобладают колясочники, 26,3% и 26,4% соответственно. В кластерах 2 и 3 преобладают студенты без особых патологий (здоровые) — 94,8% и 73,6% соответственно. В то же время в кластере 2 преобладают экономисты, в кластере 3 те, кто выбрал факультет иностранных языков.

Наихудшая успеваемость наблюдается в кластере 4 (21,4%). Это можно объяснить тем, что сюда входят студенты с диагнозом ДЦП, среди которых преобладают колясочники и что ведущее место занимает наиболее трудный в усвоении предмет — прикладная математика. Отсюда можно заключить, что не следует рекомендовать таким лицам специализироваться на естественных науках, а рекомендовать им гуманитарное направление, в частности, юридический факультет.

На вкладке «Характеристика кластера» можно, выбрав любой из кластеров, посмотреть его характеристику, как это показано на рис. 6. Таким образом, можно заметить, что в кластере 1 преобладают студенты с ДЦП, которые в основном передвигаются на костылях и колясках и учатся на юридическом факультете, демонстрируя хорошую успеваемость.

Рис. 6. Характеристика кластера 1

На вкладке «Сравнение кластеров» можно оценить и сравнить характеристики двух любых выбранных кластеров, как показано на рис. 7.

Рис. 7. Сравнение характеристик кластеров 1 и 4

Выбрав закладку «Прогноз модели интеллектуального анализа данных» (рис. 8) можно по выбираемым значениям характеристик того или иного абитуриента выявить склонность к той или иной специальности для последующей рекомендации в вопросе выбора будущей специальности. Так, для указанных на рис. 8 значений характеристик (посещаемость и успеваемость закладываются как желаемые) получим результаты прогноза, показанные на рис. 9, где указано, что с вероятностью 30,7% данному абитуриенту следует поступать на юридический факультет, что соответствует выводу, вытекающему из табл. 1.

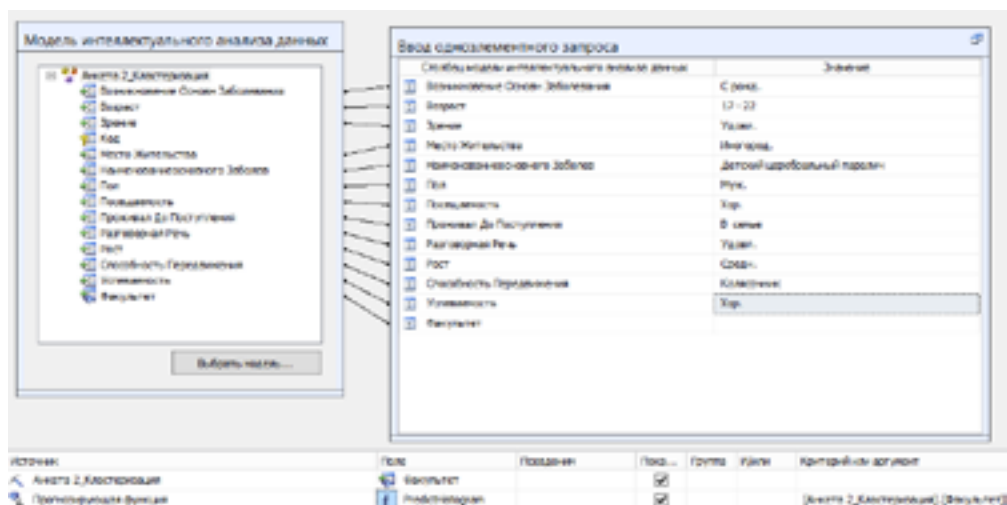

Рис. 8. Выбор значений характеристик для очередного абитуриента

Фактор	Expression
ID	[-] Expression
Фактор	\$SUPPORT \$PROBABILITY \$ADJUSTED... \$VARIANCE \$STDY
ID	11,483267274... 0,307291238... 0,185292621... 0 0
ЭК	7,7921259313... 0,2084011589... 0,052554989... 0 0
СО	6,3685921305... 0,1550033402... 0,0811831657... 0 0
МБ	4,0763323262... 0,1088771810... 0,0303798438... 0 0
ПВ	4,0471764060... 0,1281239617... 0,0766875689... 0 0
КН	2,1767771020... 0,0580469409... 0,0153000697... 0 0
КОР	1,6343684034... 0,0471761330... 0,0139367400... 0 0
ПН	0,0217367645... 0,0005867401... 0,0003031554... 0 0
C	0 0 0 0 0

Рис. 9. Результат прогноза для значений характеристик указанных на рис. 8

Выводы

Разработанный прототип ИАС представляет собой комплексную структуру исследования предметной области, включающую ввод, обработку и визуализацию данных. Основным преимуществом системы является то, что она дает конечным пользователям, не владеющим навыками программирования (членам приемных комиссий ВУЗов) возможность использовать такие высокоинтеллектуальные средства анализа информации, как модели Data Mining. Следует особо

отметить, что данный прототип ИАС использует клиент-серверный принцип построения, что позволяет обращаться к системе и получать выходные данные неограниченному числу конечных пользователей, находящихся на удалении друг от друга, что очень важно, если ВУЗ имеет филиалы, расположенные в других городах.

Для накопления исходной информации предусматривается возможность ввода данных из разных удаленных точек, что позволяет постоянно пополнять исходную информацию. При этом с увеличением количества записей в эталонной базе данных возрастает точность получаемого прогноза.

Список литературы

1. *Константинов Р.М., Королева З.Е., Кудрявцев В.Б.* О комбинаторно-логическом подходе к задачам прогноза рудоносности // Проблемы кибернетики. — 1976. — Т. 31. — с. 5–35.
2. *Мак-Дональд М.* Access 2007 / Мэтью Мак-Дональд; пер. с англ. Т. Коротяевой. — М.: Русская редакция; СПб.: БХВ-Петербург, 2007. — 784 с.
3. *Петкович Д.* Microsoft SQL Server 2012: руководство для начинающих / Душан Петкович; пер. с англ. — СПб.: БХВ-Петербург, 2014. — 816 с.
4. Распознавание. Классификация. Прогноз: сб. ст. / АН СССР; отв. ред. Ю.И. Журавлев. Вып. 2: Математические методы и их применение. — М.: Наука, 1989. — 72 с.
5. *Харинатх С.* Microsoft SQL Server Analysis Services 2008 и MDX для профессионалов / Сивакумар Харинатх [и др.]; пер. с англ. — М.: И.Д. Вильямс, 2010. — 1072 с.

С.Ю. Тумакова

**СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ
ПЕНСИОНЕРОВ КАК ФАКТОР ИХ ПОСТТРУДОВОЙ
АДАПТАЦИИ**

**RUSSIAN PENSIONERS' SOCIAL ACTIVITY AS FACTOR
OF THEIR POST-WORKING ADAPTATION**

ТУМАКОВА Симона Юрьевна — аспирант кафедры «Политология, социология и связи с общественностью» Института нефтегазового бизнеса, ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» (e-mail: tumakova.simona@gmail.com)

TUMAKOVA Simona Yurevna — Postgraduate Student of the Chair of Political Science, Sociology and Public Relations, Institute of Petroleum and Gas Business, Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russian Federation (e-mail: tumakova.simona@gmail.com)

Аннотация. Цель исследования — выяснить значение социальной активности пенсионеров для процесса адаптации к посттрудовому этапу жизни. В статье анализируются данные статистики и результаты собственного эмпирического исследования, на основе чего делается вывод о социально-экономических причинах низкой посещаемости пожилыми людьми учреждений культуры. Базовые причины, по которым пенсионеры редко бывают в театрах, музеях, кинотеатрах, цирках — их удаленность от места проживания, низкий уровень доходов, плохое состояние здоровья.

Ключевые слова: пенсионеры, пожилые люди, социальная активность, посттрудовая адаптация, выход на пенсию.

Abstract. The author tries to reveal the value of pensioners' social activity for social process of post-professional life stage adaptation. The paper analyses statistics and empirical research results and the conclusion about some social-economic reasons of low level attendance of cultural institutions among elderly people is made. The main reasons for rare visits to theaters, museums, cinemas, circuses are long distance, low income level and poor health.

Keywords: pensioners, elderly people, social activity, post-working adaptation, retirement.

Увеличение продолжительности жизни вследствие развития науки и техники — общемировая тенденция современности. По данным статистики, ожидаемая продолжительность жизни людей, выходящих на пенсию в 2014 г. в возрасте 60 лет (мужчины) и 55 (женщины), составила 15,86 лет и 25,52 лет соответственно [7, с. 149]. Прожить эти годы активной, плодотворной, наполненной

интересными событиями жизнью — одна из наиболее важных целей пенсионеров. Задача государства состоит в обеспечении им достойных, комфортных и безопасных во всех смыслах условий жизнедеятельности.

С ростом продолжительности жизни увеличивается численность пожилых людей и их доля среди всего населения, что делает актуальным социологическое исследование проблем жизнедеятельности данной социально-демографической группы. Впервые в истории нашей страны доля граждан, достигших пенсионного возраста, превысила долю детей от 0 до 15 лет на рубеже XXI в. и с тех пор неуклонно увеличивается [7, с. 47]. На наших глазах разворачивается тенденция демографического старения населения, свидетельствующая о необходимости предпринимать определенные усилия для обеспечения достойного продолжения жизни не только представителям старшего поколения, но и представителям нынешнего поколения в ближайшем будущем.

Достижение пенсионного возраста вынуждает индивида принять решение о необходимости продолжения или прекращения трудовой деятельности. В случае продолжения деятельности возможен выбор из двух альтернатив: продолжать работать с намерением уйти на пенсию позже или продолжать работать «бессрочно», так долго, как только это возможно [2, с. 159–160]. Выход на пенсию влечет за собой определенные сложности в различных сферах жизнедеятельности: существенное сокращение дохода, сужение круга социальных связей, увеличение объема свободного времени, ранее заполненного выполнением профессиональных обязанностей. Выход на пенсию сопровождается нисходящей социальной мобильностью, поскольку социальный статус пенсионера гораздо ниже положения трудящегося. Смена социального статуса в пожилом возрасте затруднена в силу множественности факторов, к которым вынужден приспосабливаться пенсионер.

Значение работы для человека в современном обществе очень велико: труд обеспечивает человека средствами к существованию и определенным социальным статусом, регулирует социальную активность индивида, дает ощущение востребованности, удовлетворенности, снабжает индивида достаточным числом контактов для удовлетворения потребности в общении и т.д. Работа организует жизнь, определяет ежедневный распорядок дел, распределяет роли и функции и благодаря этому поддерживает личностную идентичность. Прекращение работы как значимой части индивидуальной жизни из-за выхода на пенсию может потребовать от пожилого человека значительных усилий, направленных на достижение гармоничного состояния и удовлетворенности жизнью в результате успешной адаптации. Индивидуальное восприятие указанных преимуществ работы определяет значение отставки в жизни пожилого человека. Выход на пенсию ставит индивида в специфическую ситуацию, фактически исключая его из жизни социума, лишая главной идентичности современного человека — профессиональной. На преодоление инклюзии направлен процесс посттрудовой адаптации граждан пенсионного возраста. Развитие социальной активности пенсионеров может выступать положительным фактором, способствующим посттрудовой адаптации.

Подходы к определению термина «социальная активность». Социальная активность — мера участия в жизни общества [9, с. 544]. Деятельностный подход к определению социальной активности предлагает понимать ее как «деятельность личности, индивида, направленную на удовлетворение потребностей,

создание благоприятных социальных условий, реализацию социальных инициатив, формирование активной жизненной позиции» [3, с. 55; 10, с. 58], а также как «деятельность, направленную на изменение общественной среды и формирование социально активных качеств личности» [3, с. 56; 10, с. 61].

Росстат в графу «социальная активность» включает данные о посещении лицами старших возрастов каких-либо развлекательных и спортивных мероприятий [10; 11]. Таким образом, под социальной активностью понимают социально-культурную активность, выражающуюся в пользовании услугами учреждений культуры и спорта. На наш взгляд, такое понимание социальной активности является слишком упрощенным и относится скорее к досуговой активности, однако демонстрирует реализацию права пожилых людей на доступ к культурным ценностям.

От понятия «социальная активность» отличают понятие «активность пожилых людей», под которым подразумевается «процесс их взаимодействия и общения, а также культурный обмен между ними, в результате которых изменяются личностные установки, развивается творческое мышление, что способствует росту личности и противостоит процессам ее угасания в позднем периоде жизни» [9, с. 535].

Представляется возможной трактовка социальной активности в двух смыслах: широком и узком. В широком смысле социальная активность понимается как участие, вовлеченность индивида в любую из вышеперечисленных сфер жизнедеятельности: семейную, бытовую, трудовую, досуговую, социальную и политическую. Социальная активность в узком смысле — это участие человека непосредственно в социальной сфере, то есть осуществление им деятельности (как правило, не оплачиваемой), направленной на совершенствование сложившейся системы общественных отношений, оказание помощи нуждающимся, использование потенциала индивида на благо всего общества. Фактически в качестве такой социальной активности выступает добровольческая деятельность, участие во всевозможных общественных объединениях, движениях и организациях социальной направленности.

Направления социальной активности пожилых людей. Научно-техническая революция XX века все в большей степени исключает пожилых работников из сферы труда, в результате и работники старшего поколения, и более молодые специалисты оказываются незанятыми, поскольку работодателю выгоднее использовать машинный труд из-за его высокой производительности и меньшей цены. Таким образом, наблюдается наступление «цивилизации досуга», когда объем свободного времени превышает объем рабочего времени. Перед людьми возникает задача заполнения освободившегося времени интересной и продуктивной деятельностью, что особенно актуально для граждан, достигших пенсионного возраста и вышедших на пенсию. Известный социолог, основатель московской научной школы социального прогнозирования И.В. Бестужев-Лада предлагает несколько основных направлений, в которые может быть направлена активность индивида в условиях освободившегося по тем или иным причинам времени [1, с. 242]: профессиональное участие в сфере материального и духовного производства; социальная работа в сфере здравоохранения; социальная работа в сфере досуга; деятельность в сфере образования как передача своих опыта и знаний младшему поколению; природоохранительная деятельность, направленная на защиту окружающей среды; спортивно-оздоровитель-

ная деятельность, направленная на поддержание состояния своего здоровья. «При такой социальной ориентации и организации производства исчезает угроза массовой безработицы, возникающая в результате или в условиях комплексной механизации, автоматизации и компьютеризации производства» [1, с. 243]. Предложения И.В. Бестужева-Лады, по нашему мнению, оказываются актуальными и для лиц пенсионного возраста.

Е.И. Холостова выделяет жизнь семьи и государства как особые сферы социальной активности. Наиболее распространенными являются следующие формы социальной активности: трудовая активность (любая профессиональная деятельность или любая оплачиваемая занятость); общественно-политическая активность, обеспечивающая моральную удовлетворенность пенсионеров, их ощущение себя полноправными членами общества; досуговая или социокультурная активность как сохранность у пожилых людей интереса к жизни; семейно-бытовая (выполнение социально-значимых, полезных функций и ролей в семейном кругу); волонтерская, образовательная [3, с. 56; 8, с. 61; 9, с. 544]. Участие в жизни семьи и поддержание родственных связей, добровольные услуги обществу, постоянное совершенствование путем самообразования и обучения в учебных заведениях, самовыражение в искусстве и ремеслах, участие в различных общественных организациях и организациях для престарелых, религиозная деятельность, отдых и путешествия, работа неполный рабочий день, участие в политической деятельности являются основными сферами деятельности, в которых пожилые люди находят удовлетворение [5]. Еще одним направлением социальной активности граждан пенсионного возраста, по нашему мнению, является спортивно-оздоровительная деятельность, направленная на поддержание состояния своего здоровья.

Включение пожилыми людьми различных форм социальной активности в своей жизни позволяет им преодолеть чувства одиночества и ненужности, возникающие при прекращении работы и выходе на пенсию. Участвуя в деятельности различных общественных организаций, творческих объединений, кружков художественной самодеятельности, пожилой индивид получает возможность удовлетворить свои коммуникативные потребности, заполнить освободившееся от работы время интересным и общественно полезным занятием, раскрыть свой потенциал и т.д. Оказавшись вовлеченным в деятельность малой группы (творческого коллектива), пенсионер получает новый социальный статус в данной группе и находит новое основание для определения своей идентичности, утраченной с прекращением профессиональной деятельности. Интеграция в социальную группу приносит пожилому человеку определенный социальный престиж, улучшает отношение к пенсионеру как среди членов данной группы, так и среди членов других групп, например, семьи.

Человек, как социальное существо, нуждается в регулярном (как правило, позитивном, доброжелательном) подтверждении своей личностной и социальной идентичности со стороны окружающих людей. И вхождение в ту или иную социальную группу обеспечивает удовлетворение этой потребности представителя старшего поколения. Процесс посттрудоустройной адаптации направлен на приспособление к новым условиям жизнедеятельности в пенсионный период жизни и перенос активности в иные сферы — семейную, досуговую и т.п.

Данные Росстата о посещении лицами старших возрастов развлекательных и спортивных мероприятий в Российской Федерации в 2011 и 2014 гг. [10; 11]

иллюстрируют динамику различных форм социально-культурной активности (см. табл.), преимущественно в том ее виде, какой в принятой советской системе статистики обозначался термином «социализация досуга». Коэффициент социализации досуга характеризовал удельный вес общественно полезных затрат в структуре досуга к его общему объему, исчислялся в целях обобщенной оценки характера использования досуга различными типами семей и представлял собой отношение всех выделенных затрат времени (кроме других видов досуга — прием гостей, посещение кафе и ресторанов и т.д.) к общему объему досуга [6, с. 167]. Мы видим, что пожилые граждане чаще, чем население в целом, посещают театры, концерты и религиозные учреждения (табл. 1). Наиболее распространенным видом спорта среди пожилых людей является плавание и другие водные виды спорта, в то время как среди всего населения наиболее предпочитаемыми являются игры на открытом воздухе (хоккей, футбол, волейбол, бадминтон и т.п.). Причины данных различий, вероятно, кроются не только в состоянии здоровья, но и в сложившемся в социуме взгляде на старшее поколение, не позволяющем публично демонстрировать свою физическую форму. Одна из причин, тормозящих развитие туристской активности среди пожилых людей — падение интереса к новым впечатлениям, социальным практикам [4, с. 116]. Согласно статистическим данным, социальная активность пожилых людей в сфере спортивного туризма лишь на 2% ниже в 2011 г. и на 3% ниже в 2014 г., чем активность в этой сфере граждан всех возрастных групп (см. табл. 1).

Нами было опрошено 59 горожан пенсионного возраста, живущих в Российской Федерации и являющихся пользователями социальной сети «ВКонтакте»: 32% мужчин и 68% женщин, что отражает по полу и возрасту долю генеральной совокупности лиц 55–79 лет. Цель опроса: выявить, имеется ли у пенсионеров желание посещать учреждения культуры (театры, музеи, кинотеатры, цирки и т.п.), а также выяснить причины, по которым представители старшего поколения не могут удовлетворить свою потребность в приобщении к культурным ценностям. Основной причиной низкой посещаемости учреждений культуры гражданами пенсионного возраста является их отдаленность от места жительства, либо полное отсутствие в некоторых населенных пунктах (такой вариант ответа выбрали почти 34% опрошенных, см. рис.). На втором месте — низкий уровень материальных доходов и высокая стоимость билетов на культурные мероприятия (почти 29% респондентов); 13,6% ответивших отметили, что и так являются достаточно частыми посетителями культурных учреждений. Часть респондентов (11,9%) ответили, что не могут посещать учреждения культуры (театры, кинотеатры, музеи) из-за плохого самочувствия. Отсутствие интереса к посещению учреждений культуры продемонстрировали лишь 5% опрошенных.

Таким образом, основными причинами низкой посещаемости учреждений культуры являются не психологические (консерватизм взглядов, ригидность, отсутствие интереса ко всему новому), а социальные и экономические. Социальная политика государства должна быть направлена на обеспечение граждан пожилого возраста льготными билетами на концерты, театральные представления, кинопоказы (особенно советских фильмов). Вовлечение лиц старшего поколения в деятельность учреждений культуры будет способствовать улучшению их социального самочувствия, заполнит свободное время, удовлетворит потребность в общении, что положительно скажется на процессе посттрудовой

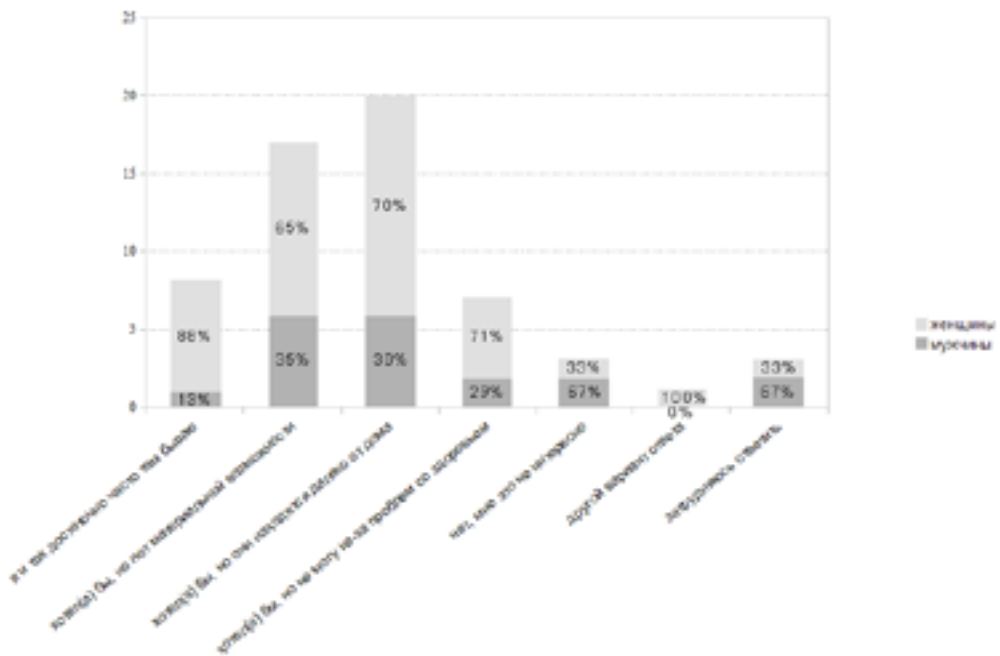

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы чаще посещать учреждения культуры?»

адаптации, заключающемся в инклюзии пожилых граждан в социально-культурное пространство.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1998. — 352 с.
2. Куштанова В.А. Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. — 2008. — № 4. — С. 152–163.
3. Марунова Т.Р. Направления социальной активности пожилых людей // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. — 2014. — № 2. — т. 14. — С. 55–57.
4. Малышева Е.В. Потребительские практики в сфере туризма: когортный анализ: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.03 / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. — Казань, 2014. — 275 с.
5. Попов А.А. Духовная жизнь пожилых людей в современных социокультурных условиях: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Курский гос. техн. ун-т. — Курск, 2007. — 23 с.
6. Социальная статистика / под ред. М.Г. Назарова. — М.: Финансы и статистика, 1988. — 319 с.
7. Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. / Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат). — Офиц. изд. — М.: Гос. ком. РФ по статистике, 2015. — 311 с.

8. Щанина Е.В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2009. — № 2(10). — С. 57–67.

9. Энциклопедия социальных практик поддержки пожилых людей в Российской Федерации / под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. — 552 с.

10. Посещение лицами старших возрастов каких-либо развлекательных и спортивных мероприятий в Российской Федерации в 2011 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/ur6-1-1_2011.doc (дата обращения: 22.01.2016).

11. Посещение лицами старших возрастов каких-либо развлекательных и спортивных мероприятий в Российской Федерации в 2014 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/generation/ur6-1-2_2014.doc (дата обращения: 22.01.2016).

ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

MANAGEMENT DECISION-MAKING IN THE CONTEXT OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY

ГОЛУБКОВА Наталья Александровна — аспирант кафедры международного бизнеса СПбГЭУ (e-mail: nataliagolubkova@mail.ru)

GOLUBKOVA Natalia A. — PhD Student of International Business Department, UNECON (e-mail: nataliagolubkova@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена принятию управленческих решений в контексте корпоративной социальной ответственности исходя из согласования интересов стейкхолдеров. Раскрывается понятие корпоративной социальной ответственности и его содержание как способ удовлетворения ожиданий стейкхолдеров всех уровней влияния.

Ключевые слова: корпоративная социальная ответственность, социальная ответственность бизнеса, принятие управленческих решений, согласование интересов стейкхолдеров, теория игр.

Abstract. The article deals with Decision Making in Management in the context of corporate social responsibility taking into account the coordination of stakeholder interests. The theoretical aspects of the concept of corporate social responsibility as a way of meeting the expectations of stakeholders at all levels of influence are revealed in the given paper as well.

Keywords: corporate social responsibility, socially responsible business, decision making in management, stakeholders' interests coordination, game theory.

В условиях продолжающегося развития гражданского общества, которое выдвигает все новые требования к бизнес-структурам как к одному из субъектов социального взаимодействия, условиях открытости информационного пространства с его возможностями влиять на репутацию компании, постановки научным сообществом вопроса о глобальном социальном паразитизме и возрастающего уровня конкуренции на национальных и глобальном рынках, компании вынуждены находить способы оптимизации внешних и внутренних организационных ресурсов и процессов в целях минимизации финансовых и нефинансовых рисков и максимально эффективного и результативного использования всех своих возможностей. В таких условиях успех компаний во многом зависит от эффективности транзакций компании со своими внешними и внутренними стейкхолдерами — широким кругом заинтересованных лиц, которые оказывают влияние на деятельность компании и, в то же время, испытывают ее влияние на себе [2, с. 15].

Становится очевидным, что сформулированный Милтоном Фридманом подход, согласно которому «единственная ответственность бизнеса — это получение прибыли» [11, с. 157], трансформировался и сегодня возросшее внимание

со стороны общества требует от компаний действий, выходящих за рамки сугубо экономической деятельности. На смену приходит понимание, что бизнес в состоянии нести ответственность за протекающие в мире процессы, негативно сказывающиеся на обществе и природе. Реагируя на новые вызовы, компании вынуждены учитывать при осуществлении своей деятельности кроме экономического аспекта, еще и требования экологического и социального характера со стороны стейкхолдеров.

Целью настоящей статьи является выявление дилемм при принятии управленческих решений в контексте корпоративной социальной ответственности. Среди основных задач можно выделить рассмотрение современного подхода к корпоративной социальной ответственности, выявление основных групп стейкхолдеров компаний, их ожиданий и требований, рассмотрение выявленных дилемм и их решений.

Несмотря на сравнительно недолгую историю становления и развития концепции, понятие корпоративной социальной ответственности и его трактовки находят широкое отражение в современной научной литературе. Однако можно согласиться с рядом исследователей, по мнению которых на сегодняшний день не существует единого общепризнанного подхода к определению понятия корпоративной социальной ответственности [5, с. 129].

Принимая во внимание озвученное в современной научной литературе мнение относительно отсутствия общепризнанного подхода к определению понятия корпоративной социальной ответственности [5, с. 129], следует отметить «достижение определенного консенсуса в теоретических трактовках корпоративной социальной деятельности» [1, с. 68]. В подкрепление этого мнения приводится определение, согласно которому корпоративная социальная деятельность представляет собой систему принципов КСО, процессов социальной восприимчивости, основанных на этих принципах, и их измеряемых результатов [1, с. 67].

Корпоративная социальная ответственность, являясь одной из возможных форм социальной ответственности, в наиболее распространенной в современной литературе трактовке подразумевает «добровольную готовность бизнеса нести ответственность за свои действия и их последствия, а также участвовать в жизни общества в масштабах возможностей своего влияния» [6, с. 32].

Релевантными в рамках данной работы представляется определение, которое раскрывало бы более узкий подход к понятию корпоративной социальной ответственности и было бы способно рассматривать корпоративную социальную ответственность как некий перечень принципов, руководство которыми было бы возможно или даже необходимо в процессе принятия управленческих решений в условиях настоящих реалий.

В качестве такого определения представляется возможным рассмотреть подход к трактовке понятия корпоративной социальной ответственности Ассоциации менеджеров, представленный в «Докладе о социальных инвестициях в России», согласно которому «корпоративная социальная ответственность — это философия поведения и концепция выстраивания деловым сообществом, компаниями и отдельными представителями бизнеса своей деятельности, направленной на удовлетворение ожиданий заинтересованных сторон в целях устойчивого развития» [13, с. 64].

Данный подход к трактовке корпоративной социальной ответственности не нов, его истоки можно отметить в научных работах, содержащих первые упоминания

нения о социальной ответственности бизнеса в середине XX в. В опубликованной в 1950 г. работе профессора экономики Ховарда Р. Боуэна под названием «Социальная ответственность бизнесмена» социальная ответственность предполагает «реализацию такой политики, принятие таких решений либо следование такой линии поведения, которые были бы желательны для целей и ценностей общества» [12, с. 6]. В работе, ставшей основополагающей в ряду литературы о корпоративной социальной ответственности, Боуэном раскрывается влияние корпоративной социальной ответственности на бизнес, возможность предоставления социальных и экономических выгод для общества посредством осознания социальных целей при принятии решений.

В контексте корпоративной социальной ответственности в числе основных стейкхолдеров (заинтересованных сторон) выделяют работников, акционеров, инвесторов, партнеров, клиентов, местные сообщества, общество в целом, государственные органы, межправительственные и неправительственные международные организации. Для каждой отрасли, а часто и для конкретной компании в пределах одной отрасли эти группы стейкхолдеров разнятся, что объясняется спецификой отрасли или отдельной компании. Это объясняется, в том числе степенью подверженности влияния государства, разным воздействием на окружающую среду и на местные сообщества, что так или иначе затрагивает интересы большего или меньшего количества групп стейкхолдеров.

Взаимодействие компании и стейкхолдеров проявляется в том, что, учитывая собственные интересы, компания заботится о своих работниках, принимает во внимание интересы акционеров, местных сообществ и общества в целом, выстраивает гармоничные взаимоотношения с поставщиками, заказчиками и потребителями, берет на себя ответственность за оказываемое влияние на окружающую среду [10, с. 63]. Следствием взаимодействия, основанного на построении диалога компании с заинтересованными сторонами является выявление ожиданий последних в отношении реализации социальной деятельности компании, которые необходимо учитывать при принятии управленческих решений в области корпоративной социальной ответственности.

Перед лицом, принимающим управленческие решения в области корпоративной социальной ответственности, может возникнуть ряд дилемм.

1. Выбор между экономической эффективностью и общественным благом. Данная дилемма заключена в согласовании экономических, правовых и этических обязательств и нуждается в ответе, что представляет собой корпоративная социальная ответственность, является ли вклад бизнеса в развитие социальной, экономической и экологических сфер добровольной инициативой или же на данном этапе развития взаимоотношений бизнеса, государства и общества это уже является обязанностью бизнеса, которую нельзя игнорировать.

Корпоративная социальная ответственность не вменяется в обязанности бизнесу, иначе не возникало бы вопросов относительно обязательности выполнения тех или иных требований. Более того, в определениях, приводимых учеными, государственными органами, международными неправительственными и межправительственными организациями, подчеркивается добровольный характер такой деятельности. Например, определение корпоративной социальной ответственности Европейской комиссии трактует корпоративную социальную ответственность как концепцию, «отражающую добровольное решение компаний участвовать в улучшении общества и защите окружающей

среды» [17]. Поэтому в условиях ограниченных средств первоочередной задачей является выполнение экономических и правовых обязательств, то есть принятие решений, обусловленных требованиями, выдвигаемыми на законодательном уровне.

С другой стороны, являясь добровольной по законодательству, на сегодняшний день реализация концепции социальной ответственности является обязательной для компаний в соответствии с выдвигаемыми требованиями современного общества. Заинтересованность бизнеса в реализации корпоративной социальной ответственности также обусловлена и объясняется выгодами, которые обеспечиваются участием в жизни местных сообществ и общества в целом. Социальная деятельность, улучшающая жизнь общества или устраняющая необходимость государственного регулирования, представляет прямой интерес для компании, поскольку в более благополучном с социальной точки зрения обществе условия для осуществления деятельности бизнеса также более благоприятны. Издержки же, связанные с социальной деятельностью компании, приводят к формированию у инвесторов, поставщиков и потребителей более привлекательного образа компании и, как следствие, в долгосрочной перспективе стимулируют получение прибыли [7, с. 21].

2. Выбор между результативностью и эффективностью. Понимая под результативностью степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов, а под эффективностью — соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами [4], можно заметить, что, если максимизация эффективности предполагает снижение затрат, то при достижении наибольшей результативности такой цели нет.

В этой связи представляют интерес преследуемые руководством компании цели и условия принятия управленческого решения, например, наличие или отсутствие материальных, организационных, трудовых и др. ресурсов.

3. Выбор между разнонаправленными интересами и ожиданиями различных групп заинтересованных сторон. Интересы, ожидания и требования представителей разных групп стейкхолдеров зачастую отличаются или даже противоречат друг другу (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные группы стейкхолдеров, их требования и ожидания

Группа стейкхолдеров	Требования и ожидания
Работники	Выгоды, возможности для развития, здоровье и безопасность
Акционеры	Включенность в управление компанией, устойчивость компании
Потребители	Постоянство качества продукции, управление цепями поставок, экология
Поставщики	Расширение локальной сети поставщиков, разнообразие поставщиков
Местные сообщества	Развитие местного населения, защита прав человека, экономическое развитие, рассмотрение жалоб

Группа стейкхолдеров	Требования и ожидания
Государство	Уплата налогов, развитие местной инфраструктуры, рост занятости населения, оценка влияния на окружающую среду, этика ведения бизнеса, образование
Негосударственные организации	Сохранение биоразнообразия, забота о климатических изменениях, защита прав человека

Корпоративная социальная ответственность, ее природа, цели социального поведения бизнеса также понимаются ими по-разному. В качестве примера можно привести прямо противоположные интересы акционеров, главным из которых является получение дивидендов, и интересы работников, ожидающих от работодателя не только поддержания надлежащего уровня заработной платы, но и дополнительных социальных выгод и возможностей для развития. Решение того, чьи интересы удовлетворить в первую очередь, заключается в выявлении ключевых для компании стейкхолдеров, влияние которых в наибольшей степени сказывается на деятельности компании. Лицо, принимающее решение, вынуждено выявить приоритетные направления деятельности, обусловленные возможными рисками, которые способны появиться в перспективе в том случае, если ожидания конкретной группы стейкхолдеров удовлетворены не будут.

Решение данной дилеммы может быть выработано с помощью теории игр — математического метода изучения оптимальных решений в рамках построения тактик и стратегий в игровых ситуациях. Отмечается, что теория игр способна помочь в том числе и в «выстраивании эффективных тактик и стратегий в менеджменте, позволяя выбрать наилучший путь решения проблемы с учетом представления о других игроках, их возможных поступках, потенциале и ресурсных возможностях, а также существующих рисков» [15].

В контексте настоящей статьи стороны представляют собой различные группы стейкхолдеров компании, а конфликтная ситуация — удовлетворение их интересов в условиях ограниченности ресурсов.

Интерес представляет кооперативная теория игр, «изучающая вопрос о том, какие возможные исходы являются справедливыми с той или иной точки зрения» [9, с. 123].

В рамках данной статьи предлагается использовать наработки В.В. Санина в области выстраивания баланса интересов заинтересованных лиц. Согласно моделям распределения, рассмотренным Э. Муленом [8], в общем виде задачу распределения D Санин предлагает решить следующим образом [9, с. 123]:

$$D = (I, r, X), \tag{1}$$

где:

- I — игроки;
- r — ресурс, подлежащий распределению;
- X — вектор интересов, где x_i — интерес игрока i , $i \in I$.

В этом случае конфликт интересов состоит в том, что сумма интересов превышает подлежащий распределению ресурс:

$$\sum_{i \in I} x_i > r. \quad (2)$$

У задачи может быть несколько решений:

1. Принимая $x_i^{\max}$ за максимально возможную по отравевым меркам выгоду игрока, решением задачи будет вектор $Y = (y)_{i \in I}$ описывающий доли игроков y_i :

$$\sum_{i \in I} y_i = r \quad \text{и} \quad 0 < y_i \leq x_i^{\max} \forall i \in I. \quad (3)$$

Стремление игроков к ситуации равновесия является основным принципом оптимальности в кооперативных играх [9, с. 23]. В данном случае рассматривается такое распределение ресурсов между стейкхолдерами, которое обеспечит устойчивость финансовых отношений между ними.

2. Решение «методом Талмуда», предложенным лауреатом Нобелевской премии по экономике математиком И. Ауманом и М. Машлером. Согласно данному методу, все требования делятся на две половины и дальнейшие шаги осуществляются в соответствии с методом равномерных выигрышей до тех пор, пока не будут удовлетворены половинные претензии. Решение выглядит следующим образом:

$$Y_{tal} = tal(I, r, X) = ug_i \left(I, \min \left\{ r, \frac{x_i}{2} \right\}, \frac{X}{2} \right) + ul_i \left(I, \left(r - \frac{x_i}{2} \right), \frac{X}{2} \right), \quad (4)$$

где:

$$X = \sum_{i \in I} x_i,$$

$$ug_i(I, r, X) = \min \{ \lambda, x_i \},$$

$$\lambda \text{ — решение уравнения } \sum_{i \in I} \min \{ \lambda, x_i \} = r,$$

ug (Uniform Gains) — метод равномерных выигрышей,

$$ul_i(I, r, X) = (x_i - \mu)_+,$$

$$\mu \text{ — решение уравнения } \sum_{i \in I} (x_i - \mu)_+ = r,$$

$$(x_i - \mu)_+ = \max(0, x_i - \mu),$$

ul (Uniform Losses) — метод равномерных потерь.

Выявленные дилеммы социальной ответственности компании отражают неоднозначность и вариативность социально-направленной деятельности. Если в научной литературе наблюдается некий консенсус относительно трактовки понятия корпоративной социальной ответственности, то на практике перед руководителями компаний стоит выбор, в какой мере реализовывать социальные программы и на какие группы стейкхолдеров они должны быть направлены.

Учет интересов и требований основных групп стейкхолдеров в процессе принятия управленческих решений позволяет сформировать положительный образ организации у стейкхолдеров, что в долгосрочной перспективе способно принести дополнительный полезный эффект, выражающийся в финансовых показателях организации, и снизить уровень нефинансовых рисков.

С другой стороны, возникает потребность в разработке алгоритма определения ключевых для компании групп стейкхолдеров и методов мониторинга их ожиданий. Данные вопросы требуют дальнейшей проработки и апробации.

Список литературы

1. Благоев Ю.Е., Кабалина В.И., Петрова-Савченко А.А., Соболев И.С. Создание ценности для бизнеса и общества: анализ корпоративной социальной деятельности российских компаний // Российский журнал менеджмента. — 2015. — Т. 13. — № 2. — С. 67–98.

2. Благоев Ю.Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента», 2011. — 272 с.

3. Глобальный социальный паразитизм (к 100-летию Федеральной Резервной Системы США). Материалы Международной научно-общественной конференции. Москва, 19 декабря 2013 г. / Центр научной политической мысли и идеологии. — М.: Наука и политика, 2014. — 416 с.

4. Горчакова Е.Н., Поклонский Ф.Е. Качество, результативность, эффективность, квалитивность: терминологические аспекты. — Экономика промышленности. — 2009 г. — № 1(44).

5. Грошев И.В., Ватлин А.А. Корпоративная социальная ответственность и культура: генезис, синтез понятий и компетенций // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2014. — № 6(57). — С. 129–133.

6. Зарецкий А.Д., Иванова Т.Е. Корпоративная социальная ответственность: мировой и отечественный опыт: учеб. пособие. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. — 279 с.

7. Корпоративная социальная ответственность: потенциал и перспективы реализации в региональной экономике: монография / А.П. Карибов, И.Д. Аникина, Д.П. Фролов, А.А. Горошилов, Р.В. Шарифов и др. — Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013. — 194 с.

8. Мулен Э. Кооперативное принятие решений: аксиомы и модели / Эрве Мулен; пер. с англ. О.Р. Маньшиковой. — М.: Мир, 1991. — 464 с.

9. Санин В.В. Баланс и конфликт интересов стейкхолдеров в стратегических и бизнес-планах компании // Корпоративные финансы. — 2009 г. — № 2(10). — С. 112–132.

10. Сапрыкина О.А. Генезис корпоративной социальной ответственности и ее развитие применительно к корпоративному управлению электроэнергетических компаний // Транспортное дело России. — 2011 г. — № 2. — С. 63–65.

11. Фридман М. Капитализм и свобода / Мильтон Фридман; пер. с англ. В. Козловского, А. Гальперина. — М.: Новое издательство, 2006. — С. 157.

12. Boven H. Social Responsibilities of the Businessman. N.Y.: Harper&Rov, 1953.

13. Доклад о социальных инвестициях в России в 2008 г. Интеграция КСО в корпоративную стратегию [Электронный ресурс] // Ассоциация менеджеров. Режим доступа: www.amr.ru (дата обращения: 10.09.17).

14. Зарецкий А.Д., Иванова Т.Е. Корпоративная социальная ответственность: мировая и отечественная практика [Электронный ресурс] // Научный журнал «Успехи современного естествознания». — 2011. — № 12. — С. 91–93. Режим доступа: http://www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7981603 (дата обращения: 09.09.17).

15. Лавриненко А.А., Захаркина Н.В. Теория игр в управленческих коммуникациях и практике управления [Электронный ресурс] // Орловский государственный университет экономики и торговли. Режим доступа: <http://orelgiet.ru/docs/almanah/36.pdf> (дата обращения: 01.09.17).

16. Меморандум о принципах корпоративной социальной ответственности [Электронный ресурс] // Комитет Ассоциации менеджеров по корпоративной ответственности. — М., 2006. — С. 4. Режим доступа: www.amr.ru (дата обращения: 09.09.17).

17. Corporate Social Responsibility. European commission [Электронный ресурс] // European Commission. Режим доступа: http://ec.europa.eu/growth/industry/corporate-social-responsibility/index_en.htm (дата обращения: 01.10.17).

О РОЛИ ДОВЕРИЯ В КОНСТРУИРОВАНИИ СООБЩЕСТВ

THE ROLE OF TRUST IN THE GENERATION COMMUNITY

ОРЕХОВСКАЯ Евгения Владимировна — аспирант философского факультета Томского государственного университета (e-mail: yamantaka.j@yandex.ru)

OREKHOVSKAYA Evgeniya Vladimirovna — Postgraduate Student The Department of Philosophy Tomsk State University (e-mail: yamantaka.j@yandex.ru)

Аннотация: Процесс формирования сообществ является актуальной темой для исследования в силу того важного места, которое занимают сообщества в современном социуме. Настоящая статья посвящена изучению феномена доверия, который рассматривается в контексте его влияния на создание сообществ. Предполагается, что именно доверие является основой формирования сообщества любого вида, построенного на добровольных началах. В статье определены факторы, ведущие к ослаблению и усилению доверия, и анализируются причины их появления в обществе. Выявлена значимая роль, которую играет в создании сообществ совокупное влияние доверия, веры и нравственности.

Ключевые слова: конструирование сообщества, доверие, вера, нравственность, факторы доверия, роль доверия.

Abstract: The process of forming communities is an actual for research due to the important place that communities occupy in modern society. The subject of the study of this article is trust, considered in the context of its influence on creating communities. It is assumed the trust to be the basis for creating a community of any kind, constructed on a voluntary basis. As a result, the article identifies the factors leading to the weakening and strengthening of trust and analyzes the reasons for their appearance in society. An essential reason for creating communities is the joint influence of trust, faith and morality, the role of trust.

Keywords: generation community, trust, faith, morality, the factors of trust.

Проблематика изучения сообществ или так называемых «community studies» в достаточной мере представлена в научных исследованиях как российских, так и зарубежных авторов. Но в то же время основы конструирования сообществ до сих пор не получили должного освещения в литературе. Одним из краеугольных факторов образования сообщества принято считать единство ценностных ориентиров и наличие доверия между его будущими членами. Довольно часто доверие называют в качестве основного компонента, желательного для достижения и обеспечения общественного блага. Среди качеств, лежащих в основе доверия, называют надежность, прочность, безопасность партнеров по отношению друг к другу [8].

Само по себе наличие доверия в любых комбинациях — доверие к другому и доверие к себе, межличностное доверие и доверие к лидеру — является положительным явлением в любом обществе. Оно позволяет устранить барьеры, препятствующие взаимодействию, делает ненужным излишнее документальное подтверждение разного уровня договоренностей, способствует более легкому

установлению контактов и созданию доброй, дружественной атмосферы. Отсутствие доверия напрямую влечет за собой как экономические, так и социальные потери.

Вместе с тем ряд исследователей фиксируют в некоторых обществах, в том числе в российском, практически полное отсутствие сообществ, выходящих за пределы семьи [10]. Это порождает проблемы консолидации и существенно ограничивает перспективы создания гражданского общества. Поэтому изучение роли доверия в процессе объединения людей, а так же факторов, влияющих на его образование, является важной целью нашего исследования.

Доверие в настоящее время изучается с разных позиций в различных областях социальных и гуманитарных наук. Так, с точки зрения социологии доверие лежит в основе социального порядка и является основой самоорганизации, представляя собой необходимое условие образования малых групп и совместной деятельности людей. В рамках социальной философии рассматривается взаимосвязь доверия и социального порядка, его роль в поддержании стабильности системы организаций, их структур и процессов. Феномен доверия выступает базовой категорией в теории социального капитала.

Такие исследователи, как Дж. Коулмен, Р. Патнэм, Ф. Фукуяма считали, что доверие есть социальный капитал и непосредственная основа построения последующих общественных отношений. Он, в свою очередь, является важной чертой социальных взаимоотношений, которая помогает действовать сообща и добиваться поставленной цели [5]. Доверие тем самым сближает людей, сокращая до минимума дистанцию во взаимоотношениях. Так, в сущности, образуется единство, охватывающее любое количество участников.

Доверие в гражданском обществе имеет свои специфические функции, выступая основой совместной деятельности людей, их кооперации и самоорганизации [11, с. 177], способствует поддержанию моральных основ и социальных норм, сохраняет определенный уровень коммуникации индивидов и их общностей. По мнению Э. Усланера (E.M. Uslaner), именно доверие помогает людям в их коммуникациях [14].

Т.П. Скрипкина, рассматривая психологические основы доверия, отметила, что доверие позволяет человеку активно взаимодействовать с новыми людьми и предшествует самому взаимодействию [7, с. 85–86]. Именно доверие является основным исходным условием возникновения и существования общности «мы» и, по сути, выступает системообразующим фактором [7, с. 50–53]. Таким образом, кроме функции регулирования сложившихся отношений, доверие выполняет еще и функцию создания связи между людьми. По сути, доверие — это фундаментальное условие взаимодействия человека с миром.

На основании анализа представлений вышеупомянутых исследователей мы можем сделать вывод, что основная социально-психологическая функция доверия — обеспечение самоорганизации общества, в том числе благодаря поддержанию моральных основ и социальных норм сотрудничества, взаимопомощи, поддержке, участию, согласию [4, с. 40]. Таким образом, доверие обеспечивает связующую и коммуникативную функцию.

Вместе с тем в исследовательской литературе можно встретить различные мнения относительно причинно-следственной связи доверия с созданием и существованием сообществ. Социологи отмечают появление разноплановой системы доверия и его диверсификацию в мегаполисах. А.Е. Хренов в статье

«Роль доверия в конструировании социальных институтов» связывает это с тем, что в крупных городах снижается генерализированное доверие и доверие вообще, а также доверие к государству и его администрации, и одновременно фиксируется рост доверия «по отношению к партикулярным сообществам и их членам, с которыми идентифицирует себя личность» [11].

Э.М. Усланер склонен считать, что везде, где есть гражданская активность, доверие должно быть либо причиной или эффектом или тем и другим [14]. Обращаясь к вопросам определения роли доверия в организации сообщества, Н.М. Степанова высказывала схожее мнение и утверждала, что доверие может играть двоякую роль: причины и следствия. Доверие может являться как неким «довеском» развитых сообществ, так и условием их формирования [17]. Исследователи сходятся во мнении, что доверие является сущностной чертой любого общества, но меняются формы его проявления и способы установления.

Многие исследователи связывают доверие с нормами и ценностями. Так, у Ф. Фукуямы мы находим утверждение, что взаимное доверие является *результатом* общих норм и ценностей членов сообщества. От них же зависит и способность к ассоциации, то есть образование сообщества как таковое. [10, с. 27]. Ф. Фукуяма и Т. Парсонс обозначают первичность общих норм и ценностей, на основе которых возможно образование доверительных связей: «функционирование коллективной организации связано в первую очередь с достижением целей, обусловленных интересами социальной системы» [16, с. 111]. При этом доверие является ключевой, базовой ценностью любой организации.

Роль доверия может изменяться в зависимости от степени открытости сообщества. В открытых сообществах, как правило, доверие присутствует изначально, но в закрытых его может и не быть. В закрытых коллективах в результате длительного взаимодействия и стремления его членов к установлению доверительных отношений могут сложиться условия для образования доверия. И уже на основе установившегося доверия внутри этих коллективов могут образоваться сообщества.

О схожем сценарии образования сообществ пишет А.А. Колчина: «...это может быть группа внутри большого сообщества, имеющая специализированные интересы в узкой сфере деятельности» [3, с. 165]. Поэтому видится более точным, что важным фактором образования сообществ уже внутри закрытых коллективов будет являться взаимное доверие. В таком случае доверие есть «продукт длительного существования сообществ, объединяемых набором социальных норм или ценностей» [10, с. 545]. Открытые сообщества, в основании которых лежит желание их членов к объединению, могут формироваться на основе единой веры либо общих ценностей, как например, известные в истории «товарищества на вере», духовные сообщества.

Таким образом, мы видим, что доверие не только предпосылает к образованию сообществ, оно рождается изнутри. «В каждой группе отношения должны формироваться на доверии, то есть ожиданиях членов сообщества на то, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с уважением потребностей окружающих, в соответствии с определенными общественными нормами» [10, с. 213].

Определение роли доверия в создании сообщества подталкивает к анализу условий и механизмов его формирования и исчезновения. В процессе создания сообщества важна иерархия общих ценностей его членов, которая долж-

на совпадать с ценностями группы, в рамках которых они живут и действуют. П. Штомпка, выстраивая социологическую теорию доверия, указывает, что «моральное, духовное сообщество представляет собой особую форму отношения к людям, которых мы определяем как «нас» (*us*). При этом действует три вида моральных обязательств: доверие как ожидание добродетельного поведения со стороны других по отношению к нам; верность — стремление не злоупотреблять возложенным на нас доверием; <...> солидарность — забота об интересах других людей и готовность действовать во имя других, даже если это противоречит нашим интересам» [9, с. 30–31].

Мы видим, таким образом, что доверие неразрывно связано с морально-нравственными отношениями, хотя бы через ожидание приемлемого морального поведения. Поскольку доверие относится к этическим категориям, можно говорить о прямой зависимости доверия от состояния нравственности. В философской этике именно доверие считается важным регулятором нравственных отношений. Р. Гоч определяет их исключительную актуальность: «Взаимное доверие возможно на моральной почве, и чем более требовательны этические нормы сообщества и чем строже ограничения, которые связывают тех, кто хочет в него вступить, тем выше степень солидарности и взаимного доверия между его членами» [2, с. 53]. Позитивная оценка этих свойств, по мнению В.К. Калиничева, является механизмом запуска доверия одного человека по отношению к другому, обеспечивая возможность эффективной коммуникации [Цит. по: 7, с. 52]. На положительную роль установления морального консенсуса указывал Ф. Фукуяма: «Не принижая роли договора и эгоистического интереса как основ ассоциации, надо сказать, что наиболее действенные организации имеют под собой другую основу: коллектив, объединенный общими этическими ценностями. <...> Существующий между ними моральный консенсус является базисом их взаимного доверия» [10, с. 54].

Анализ данных представлений позволяет высказать предположение, что чем более нравственно общество, тем более высокий уровень доверия имеют и отдельные индивиды. В итоге они легче образуют различные сообщества и вступают в ассоциации. Вероятно, поэтому в последнее время изучению моральной стороны доверия стало уделяться больше внимания. В частности, большое значение роли нравственности в формировании доверия придает Э.М. Усланер. В труде «Моральная основа доверия» он акцентирует внимание на центральной идее моралистического доверия и делает вывод, что доверие основано на вере и доброжелательности, а также на ожидании правдивости других [18].

На наш взгляд, одну из ключевых ролей в формировании доверия должна играть близкая по смыслу категория веры. Многие ученые, среди которых П. Рикер, М. Бубер, Э. Фромм, при рассмотрении доверия называли веру в качестве важного дополнительного компонента. А. Селигмен понимал доверие как разновидность веры [6, с. 42]. По мнению Т.П. Скрипкиной, доверие является специфической и относительно самостоятельной формой веры [7, с. 73]. Предположительно, в большинстве случаев, в установлении доверительных отношений и создании сообществ важное значение будет иметь именно наличие веры между членами сообществ, что неоднократно подчеркивалось в трудах Ф. Фукумы.

Ряд исследователей считают, что вера качественно влияет на содержание доверия. Так, П. Штомпка называет религиозную веру фактором усиления доверия, считая его своеобразным капиталом, укрепляющим склонность к доверию [13, с. 316].

Б.Ф. Поршневым вера также была обозначена одним из средств, способным *усиливать доверие*, а стало быть, и чувство принадлежности человека к социально-психологической общности, выражающейся в понятии «мы» [7, с. 50].

Обращаясь к корневым условиям образования сообществ, мы видим прямую зависимость между религиозной верой, доверием, сообществом. Поэтому на наш взгляд, вера является своеобразным катализатором процесса, способным качественно усилить доверие; принятие нравственных основ, усиление веры в обществе приводит и к увеличению уровня доверия. Более того, религиозная вера может стать определенной базой, на которой основывается доверие, поскольку является составной частью доверия и напрямую влияет на создание сообществ.

Вместе с тем, по мнению И.Б. Ардашкина, при рассмотрении факторов образования доверия вполне допустимо обращаться и к другим мировоззренческим системам (искусству, мистике, философии, мифу и т.д.) [1]. При этом он видит признание каждой мировоззренческой системы главной чертой *культуры доверия* как основы социального взаимодействия. Мы можем говорить о связи уровня культуры и доверия: высокий уровень культуры в обществе обеспечивает и более высокий уровень доверия. Культура доверия помогает «выстраивать рациональные и иррациональные способы взаимодействия, направленные на сотрудничество», а стало быть, способствует созданию сообществ [там же].

В качестве факторов, обеспечивающих формирование доверия, можно отметить его взаимосвязь с историческими и культурными традициями общества. Ф. Фукуяма заметил, что доверие «обусловлено существующей культурой» [10, с. 51–52]. В целом, между доверием и культурой прослеживается явная связь. Замечено, что с упадком культуры и падением нравственности в обществе утрачивается и доверие. На это обстоятельство обращает внимание О.Б. Давыдов в сделанном им анализе фундаментального труда Р. Нисбета «Поиск сообщества»: наиболее значимым следствием социальных и политических революций Модерна стало разрушение традиционной этической и социальной системы, выразившееся в упадке доверия [15]. В России в XX в. в результате построения социализма общество воспитало поколения атеистически настроенных людей, что сопровождалось падением доверия в человеческих взаимоотношениях.

Итак, мы определили, что к числу факторов, формирующих доверие, относятся в значительной степени как вера, вытекающая из религиозных воззрений, так и схожие установки морали и нравственности. Мораль выступает в роли системообразующего фактора и является механизмом запуска доверия; действие веры заключается в усилении доверия¹. Поскольку для создания сообществ нужен некий критический уровень доверия, то без веры этот необходимый уровень может и не быть достигнут, и сообщество не образуется.

Рассматривая появление доверия в различных уровнях организации общества, мы безусловно видим, что доверие может рождаться как в семье, так и за ее пределами. Факторами создания доверия, выходящего за пределы семьи, Н.М. Степанова указывает доминирование интегративных тенденций, консолидацию социальных групп, основанных на значимых социальных ценностях и нормах поведения. Важным условием считается наличие четкой законодательной базы [17].

¹ У Фукуямы мы находим, что высокий уровень доверия внутри семьи может играть отрицательную роль в образовании сообществ вовне, как бы противопоставляя одно другому. В таких обществах сообщества также строятся на доверии, но оно не простирается далее границ семьи, клана [13].

К субъективным факторам, которые формируют доверие, по определению П. Штомпки, относятся такие личные качества, как оптимизм, активность, в противовес пессимизму, привязанности к прошлому, заниженным духовным потребностям, которые приводят к противоположенной ориентации и формируют недоверие. К другой категории субъективных факторов, формирующим доверие, он относит образование, доходы, контакты и «связи», поддержку семьи, здоровье, отношение к религии и духовность [12, с. 334–337]. В числе других факторов, влияющих на уровень доверия, укажем доброжелательность и честность. Фактором, увеличивающим степень доверия, Э.Усланер определил благоприятную экономическую ситуацию, следствием которой будет улучшение благосостояния и оптимизм [14].

Фактором, снижающим уровень межличностного доверия, по его мнению, является увеличение экономического неравенства и тесная принадлежность к какой-либо этнической либо религиозной группе. Это можно объяснить замкнутостью внутри своего круга, при котором контакты внутри оказываются предпочтительнее контактов вне сообщества. Участие в гражданских организациях, кроме благотворительности и волонтерства, как ни странно, не способствует росту доверия по отношению к другим людям [там же]. Происходящие процессы глобализации, по мнению П. Штомпки, способны подорвать все факторы образования общественного доверия [13, с. 415].

Таким образом, мы рассмотрели факторы, способствующие зарождению доверия и в той или иной степени оказывающие влияние на его уровень. Снижение влияния факторов, приводящих к недоверию, а именно аномии, с одной стороны, и повышение культуры общества вместе с усилением веры, распространением основных постулатов этических учений с другой стороны, дают повышение уровня нравственности и увеличивают градус доверия в обществе. Доверие облегчает коммуникацию и способствует установлению новых связей между людьми, вплоть до образования ими устойчивых сообществ.

Выводы

Таким образом, доверие можно рассматривать как важнейший фактор конструирования сообщества. Оно складывается в обществе в целом как результат высокой нравственности, в частности, основанной на вере. Поэтому создание общекультурного климата доверия видится важной задачей для дальнейшего развития общества. Следствием этого будет успешное формирование социального капитала и укрепление гражданского общества.

Представляется, что предпринятый синтез различных направлений исследований о важной роли доверия и факторах его образования могут значительно обогатить знание о причинах создании сообществ с точки зрения социальной философии.

Список литературы

1. Ардашкин И.Б. Доверие в науке и религии: к вопросу о становлении культуры доверия // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2013. — № 370. — С. 56–60.
2. Гоч Р. Факторы доверия: концептуализации гипотезы // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2013. — Т. 3. — С. 45–72.

3. Колчина А.А. Исследователи гуманитарных областей научного знания о сущностных признаках сообщества // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. — 2007. — № 43-1. — С. 164–168.
4. Леонова И.Ю. Доверие: понятие, виды и функции // Вестн. Удмурт. ун-та. — 2015. — Т. 25. — Вып. 2. — С. 34–41.
5. Патнем Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии / Р. Патнем; пер. с англ. А. Захарова. — М.: Ad Marginem, 1996. — 287 с.
6. Селигмен А.Б. Проблема доверия / А.Б. Селигмен; пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 256 с.
7. Скрипкина Т.П. Психология доверия: учеб. пособие. — М.: Изд. центр «Академия», 2000. — 264 с.
8. Столяр В.Ю. Социально-философский и междисциплинарный дискурс о доверии // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. — 2008. — № 77. — С. 176–182.
9. Фрейк Н.В. Петр Штомпка. Доверие: социологическая теория // Социологическое обозрение. — 2002. — № 3. — С. 30–41.
10. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. — М.: АСТ, 2004. — 730 с.
11. Хренов А.Е. Роль доверия в конструировании социальных институтов // Тр. СПб. гос. ун-та культуры и искусств. — 2015. — Т. 208. — С. 183–192.
12. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка; пер. с польск. С.М. Червонной. — М.: Логос, 2005. — 664 с.
13. Штомпка П. Доверие — основа общества / П. Штомпка; пер. с польск. Н.В. Морозовой. — М.: Логос, 2012. — 440 с.
14. Uslaner E.M. Trust as a moral value // Handbook of Social Capital; ed. by D. Castiglione, J.W. van Deth, G. Wolleb. Oxford, 2008. — P. 101–121.
15. Давыдов О.Б. Философия сообщества Р. Нисбета [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. Society of Russia: educational space, psychological structures and social values. Электрон. науч. журн. — 2014. — № 4(36). Режим доступа: <http://www.sisp.nkras.ru> (дата обращения: 05.05.2017).
16. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс; пер. с англ. Н.П. Поляковой [Электронный ресурс] // THESIS. — 1993. — Вып. 2. Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/tparsons-ponyatie-obschestva-komponenty-i-ih-vzaimootnosheniya> (дата обращения: 05.05.2017).
17. Stepanova N. Community as a source of trust [Электронный ресурс] // GISAP: History and Philosophy. — 2016. — № 9. — P. 11–13. Режим доступа: <http://journals.gisap.eu/index.php/History/article/view/1361> (дата обращения: 05.04.2017).
18. Uslaner E.M. The Moral Foundations of Trust [Электронный ресурс] // E.M. Uslaner. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 312 p. The electronic version of the printing publication. Режим доступа: <http://assets.cambridge.org/97805218/12139/sample/9780521812139ws.pdf> (дата обращения: 05.04.2017).

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ORGANIZATIONAL-ECONOMIC MODEL OF DEVELOPMENT OF ENERGY INDUSTRY OF THE RUSSIAN FEDERATION

МИНАСЯН Максим Вадимович — аспирант кафедры «Мировые финансы» Финансового университета при Правительстве РФ, Москва (e-mail: maxsim.minasyan@gmail.com)

MINASYAN Maxim Vadimovich — Postgraduate Student of the Department of World Finance at Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (e-mail: maxsim.minasyan@gmail.com)

Аннотация: В настоящее время концептуальная основа энергетической геологии не имеет эффективных механизмов прогноза нефтегазоносности. Существует необходимость изменения не оправдывающей себя практики ведения поисков углеводородных залежей. Подобная трансформация подразумевает активное принятие зарубежного опыта и формирование эффективных стратегий и приоритетов развития сфер отечественной промышленности. Статья посвящена разработке инновационной модели развития отечественной энергетической индустрии. Предложен комплекс решений в сфере государственной политики в нефтегазовом секторе.

Ключевые слова: энергетическая отрасль, технико-технологические новации, инновационное развитие, инновационно-ориентированная модель, организационно-экономическая модель, инвестиционная политика.

Abstract: The conceptual basis of energy geology does not have effective mechanisms for forecasting oil and gas potential. There is a need to change the practice of seeking hydrocarbon deposits. Such a transformation implies the active acceptance of foreign experience and the formation of effective strategies and priorities for the development of domestic industry. The article is devoted to the development of an innovative model for the development of the domestic energy industry.

Keywords: energy industry, technological innovations, innovative development, innovation-oriented model, the organizational-economic model, investment policy.

На текущий момент концептуальная основа энергетической геологии не имеет результативной, научно-обоснованной гипотезы нефтегазообразования и механизмов глубинного прогноза нефтегазоносности. Примеры данного факта многообразны. К примеру, крупнейший мировой нефтегазоносный бассейн — Персидский залив — обладал репутацией бесперспективного в течение более чем 20 лет разработок. Доступ к нефтяным запасам шельфа Северного моря был получен только вследствие бурения около 200 скважин, которые оказались «сухими». Нефтегазоносность территории Западной Сибири также получила неоднозначную оценку в начале своей эксплуатации.

Успешность геологоразведочных работ при поисках углеводородных залежей (УВЗ) со второй половины XX в. повсеместно держится зачастую в диапазоне 10–30%. При этом данные показатели, характеризующие положение поисково-разведочного бурения, аналогичны как в низкотехнологичной в прошлом отрасли Советского Союза, так и в высокотехнологичной энергетической отрасли США. На сегодняшний день даже в самой технологически совершенной стране добыча данного ресурса ведется из каждой десятой эксплуатируемой скважины, т.е. 9 из 10 скважин по итогам бурения оказываются «сухими» [8].

Хронология развития энергетической отрасли в XX в. говорит о том, что наличие технико-технологических новаций не позволяет кардинальным образом изменить сложившийся коэффициент успешности. Новаторские методы позволяют только частично увеличить показатель успешности. К примеру, в Соединенных Штатах Америки применение инновационных технологий программного моделирования (1970-е годы) и использование механизма 3D (1990-е годы) дало возможность выйти за границы 30%.

Если принять за критерий успешности коэффициент корреляции между существующей теорией (аргумент) и практико-ориентированными геологоразведывательными работами (функция), то показатель 0,1–0,3 ясно демонстрирует отсутствие строгой взаимосвязи между ними. В данном контексте становится очевидным, что назрела необходимость изменить не оправдывающую себя практику ведения поисков углеводородных залежей. Первостепенное значение приобретает необходимость разработки геолого-экономической концепции, фундаментом которой является отказ от традиционной осадочно-миграционной парадигмы и изменение направления геологоразведочных работ на основе глубоко-фильтрационного алгоритма создания нефтегазовых залежей, что становится возможным при участии государства в организационно-экономическом механизме управления нефтегазовым комплексом.

С целью инновационного развития нефтегазового комплекса России следует использовать лучшие отечественные достижения научной, высшей школы и машиностроительной отрасли. Одновременно с этим следует выработать новую, государственную политику в сфере взаимодействия энергетической индустрии и зарубежного капитала, которая должна получить поддержку со стороны общественности. В условиях концентрации государственных структур, бизнеса и научной сферы, крупнейшие предприятия, в первую очередь вертикально-интегрированные компании (отечественные и зарубежные) могут руководствоваться не краткосрочными интересами, а долгосрочными перспективами развития энергетической сферы и выполнением стратегических, рассчитанных не на одно десятилетие целей и задач.

В данном контексте следует сформировать инновационно-ориентированную модель развития энергетической индустрии России. Данную модель коротко можно представить так: «ресурсы, технологии, оборудование и специалисты — отечественные; инвестирование — совместное, с участием иностранного капитала» (рис. 1).

Отметим, что создание такого рода модели развития нефтегазовой отрасли не представляется возможным без усовершенствования имеющегося управленческого инструментария и применения новаторского метода [9].

Инновационно-ориентированная модель развития российской энергетической отрасли наглядно демонстрирует необходимость перехода к новому

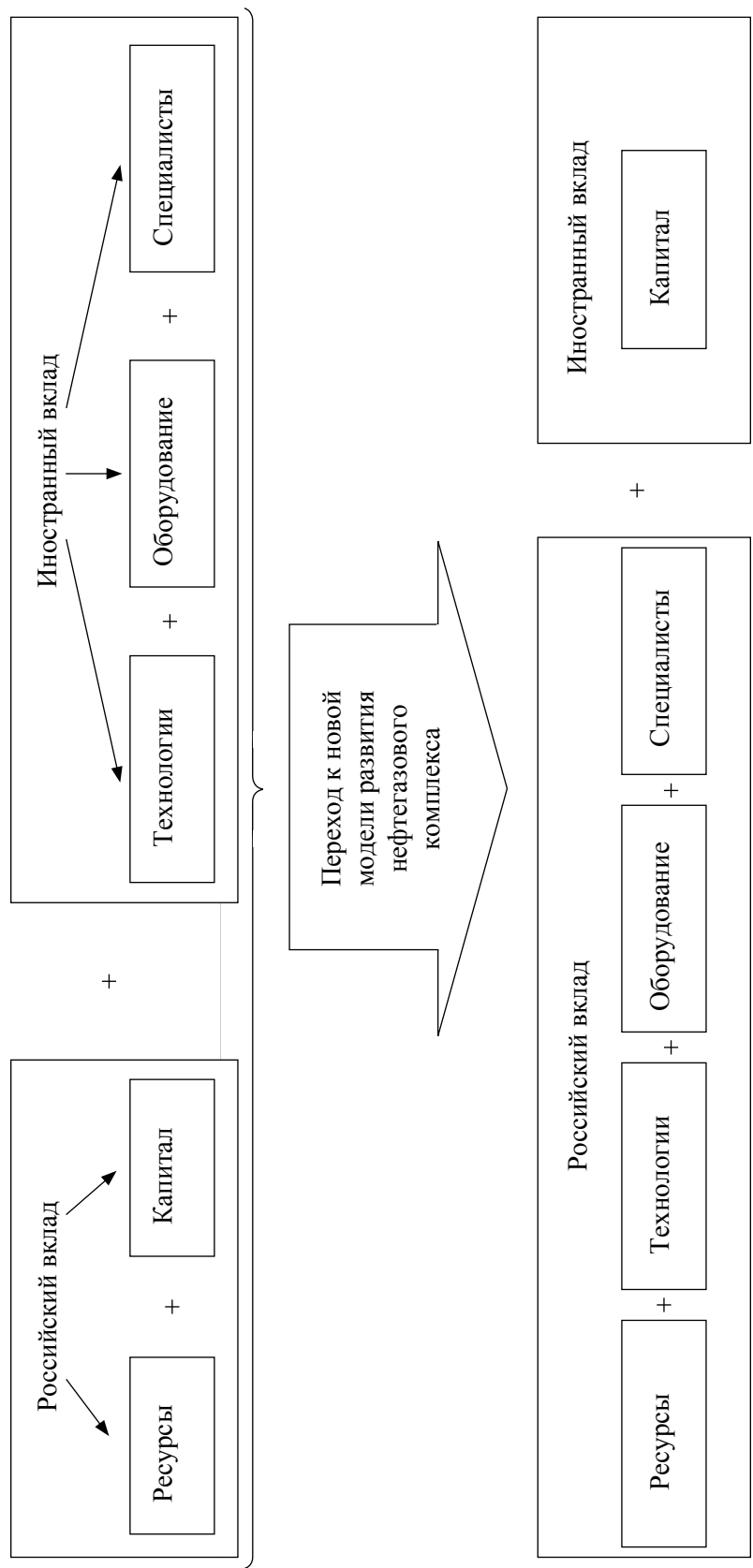

Рис. 1. Инновационно-ориентированная модель развития отечественной энергетической отрасли*
*Составлено автором.

формату взаимодействия с зарубежными ТНК, основанному на использовании собственных разработок, технологий, специалистов и ресурсной базы. При этом приток иностранного капитала в свою очередь будет стимулировать интенсивное развитие энергетической отрасли и выход ее на более высокий уровень.

Исследование современных стратегий зарубежных энергетических ТНК позволит выработать адекватные механизмы их использования для развития нефтегазовой индустрии России в целом на инновационной основе (с использованием зарубежных технологий, оборудования, знаний и навыков), создания благоприятного инвестиционного климата и повышения эффективности управления предприятиями.

Степень участия государства в регулировании работы энергетической сферы, как показывает международный опыт, находится в зависимости от периода ее развития, конкретных условий, характера и масштабности решаемых задач. Для продуктивной деятельности механизма экономической системы следует эффективно сочетать рыночные методики и ограничения, которые обусловлены регулированием со стороны государства. Существенное значение при этом имеет динамическая взаимосвязь между товарно-денежными отношениями и государственным регулированием экономики.

Неустойчивость налоговых положений свойственна существующей российской налоговой системе. Необходимо заметить, что использование административных методов в ходе изъятия энергетических доходов обусловлена низкой гибкостью налоговой системы в сочетании с хронической нехваткой денежных средств у государства. Так, относительно небольшое повышение отечественных доходов от нефтегазовой индустрии в 2000 г. практически наполовину было получено посредством вывозной таможенной пошлины, а не путем повышения налоговых сборов [4].

К сравнению: в ведущих зарубежных странах сверхналоговые доходы в большинстве случаев формируются посредством налога на прибыль и роялти, причем ставки данных налоговых сборов не меняются. Как следствие, это не сказывается на устойчивости экономико-правового формата и доверительном отношении инвесторов к данным странам.

Кроме того, предлагается предусмотреть выработку инструментов возмещения расходов на геологоразведочные работы по аналогии с теми, что приняты на международном уровне, вследствие чего исчезнет мотивация для искусственного повышения цен на данные виды деятельности, а компаниям будет предоставлена возможность вести их более эффективно. Предлагаемые изменения могли бы привести к значительной трансформации условий функционирования энергетических предприятий (рис. 2).

На текущий момент на территории нашей страны функционирует недифференцированная налогооблагаемая база нефтегазовой сферы и поступление налоговых доходов формируется решениями, характерными для обрабатывающих областей экономики [5].

При этом газопроизводители уплачивают единый налоговый сбор независимо от геологоразведочных и природно-климатических условий, а также от размера запасов и качественной характеристики газа. В то же время в Великобритании, Голландии, Канаде, Норвегии, США существует гибкая система налогообложения.

В Российской Федерации в полной мере не принимается во внимание многообразие географических, геологических и экономико-социальных факторов эксплуатации недр. Данный факт лишает возможности в первую очередь получения сверхдохода, который образуется в ходе использования крупных и уникальнейших месторождений, а во вторую очередь — стимуляции бурения на мелких, выработанных и низкокачественных месторождениях.

Рис. 2. Стадии жизненного цикла инвестиционного проекта*

*Составлено автором.

В подобном случае нарушаются основные положения рационального природопользования, предусматривающие, в частности:

- всестороннее геологическое изучение, рациональное комплексное использование и охрану недр;
- опережающее геологическое изучение недр, обеспечивающее достоверную оценку запасов полезных ископаемых;
- наиболее полное извлечение из месторождений основных и смежно с ними находящихся полезных ископаемых и сопутствующих элементов.

Налог на добычу полезных ископаемых был введен в систему налогообложения Российской Федерации с 1 января 2002 г. в соответствии с Федеральным законом от 08.08.01 г. № 126-ФЗ. Этот закон внес изменения в главу 26 НК РФ, заменив вновь введенным налогом три действовавших ранее платежа:

- оплату за использование месторождений (роялти);
- перечисления на возобновление минерально-сырьевой базы;
- акцизный сбор на нефть и газовый конденсат (с 1 января 2004 г. — акциз на природный конденсат).

Состояние дел в нефтегазовой отрасли свидетельствует, что необходим новый эффективный механизм налогообложения, учитывающий условия добычи нефти. Прежде всего, целесообразно отражать стадии разработки месторождений, динамику качества запасов, мощности продуктивных горизонтов и величину их запасов, глубины залегания пластов, дебит скважин, качество добываемой нефти и другие геологические и геоэкологические характеристики.

Одновременно с этим, размер рентного платежа должен определяться в зависимости от уровня стоимости нефтепродуктов на мировом и национальном рынках. Только в данной ситуации будут учтены интересы вертикально-интегрированных структур, а кроме того, сохранится особенность монотоварного характера производственных отношений независимых нефтегазовых предприятий.

Введение дифференцированного налогообложения является выгодным как для экономики страны, так и для пользователя месторождений. Государство (как владелец месторождений) обладает возможностью мотивировать эксплуатацию новых запасов и получать сверхрентную прибыль с высокодоходных объектов, а также стабилизировать добычу на малорентабельных залежах и, как следствие, стимулировать развитие малого и среднего предпринимательства, которое ориентировано на более мелкие залежи [7].

Вместе с тем пользователи месторождений получают возможность повысить объем и норму прибыли, т.е. поднять доходность капиталовложений и уменьшить срок окупаемости проекта. Продуктивная (ориентированная на сбережение ресурсов) стратегия развития энергетической сферы обуславливает ее экономический рост. С качественной характеристики новый вектор деятельности призван помочь разнообразным структурам и компаниям получить конкурентные преимущества и гибко реагировать на возникающие в мире тренды.

Такого рода подход подразумевает целенаправленное распределение внутренних запасов, дает возможность получить максимальный результат при минимальных расходах с обязательным применением новаторского инструментария.

Реальные ключевые коэффициенты развития (собственно продуктивности) российской энергетической индустрии (дебит эксплуатируемых скважин, цена новых скважин, данные конечного нефтеизвлечения, глубина нефтепереработки и др.) обладают негативной динамикой. Следовательно, результативность всех производственных стадий — от геологоразведочных работ до нефтепереработки — постоянно снижается, а нефтедобыча каждой новой тонны (кубометра газа) становится дороже. Реорганизационные мероприятия отечественной нефтегазовой индустрии, которые были задуманы еще в конце XX в., не остановили данной отрицательной тенденции.

Основная причина снижения продуктивности нефтегазовой отрасли нашей страны, согласно точке зрения президента союза нефтепромышленников России Ю.К. Шафраника, состоит только в коммерческой составляющей, что ведет к достаточно простым форматам ресурсной ориентации [9].

Дело в том, что и государство, и компании, несмотря на различные решения, ставят главной целью получение «быстрой» прибыли. Как следствие, они исходят не из долгосрочной перспективы, а из потребностей сегодняшнего дня. В результате вертикально-интегрированный холдинг, ориентируясь на максимум выгоды, проводят сверхинтенсивную разработку недр, не принимая во внимание негативное влияние на окружающую среду [6].

Правительство РФ исходит из объема и необходимости выполнения социально-экономических обязательств перед социумом. Поэтому увеличены налоговые сборы во все бюджеты. Государство мотивирует межведомственную конкурентную борьбу и оттягивает решение по вопросу паритетности прав федерального центра и субъектов федерации в области использования недр (принцип «двух ключей»).

Государственные выгоды и выгоды нефтегазовых корпораций в целом сходятся, формируя особую общественно-экономическую структуру, которая ориентирована только на краткосрочный доход. При этом на государственном уровне сохраняются (и даже укрепляются) примитивные формы сырьевой направленности экономики.

Для энергетической сферы такого рода подход приводит к поэтапному устареванию мощностей производства и нивелирует возможность осуществления прямых зарубежных капиталовложений. В ходе чего снижается научно-технический уровень специалистов нефтегазовых структур, что уменьшает конкурентоспособность как в стратегическом, так и недалеком будущем. В имеющейся модели энергетической отрасли в целом отечественные природные запасы способствуют развитию зарубежных технологий, производственных мощностей и совершенствованию зарубежного оборудования.

Рентабельность как всего российского нефтегазового комплекса, так и отдельно взятых вертикально-интегрированных компаний, формируется в первую очередь за счёт краткосрочно извлекаемых недр [1].

При этом более 50% разведанных нефтезапасов являются трудноизвлекаемыми. Отсутствие государственной политики, направленной на мотивацию геологоразведочных работ для регулирования роста запасов, приводит к постоянному снижению обеспеченности экономики рентабельными ресурсами и разведанными запасами углеводородного сырья.

Существующий сегодня организационно-экономический инструмент управления энергетической отраслью нашей страны подразумевает взаимовыгодные отношения между его субъектами и объектами в границах отмеченных приоритетов с учетом специфики и закономерностей развития отечественного нефтегазового комплекса, а также сформулированных целей и задач на основе выделенных принципов (рис. 3).

Представленный на рис. 3 механизм адекватен существующим экономическим реалиям. Предлагаемая новая модель развития энергетической отрасли ориентирована на стратегическую перспективу и в значительной степени принимает во внимание природно-климатические условия нашей страны, а также километраж логистических цепей.

Другими словами, внутренняя среда предопределяет направления и параметры комплексного подхода к управленческой системе развития нефтегазового комплекса. В то же время внешняя среда оказывает стабильное (как активное, так и пассивное) воздействие на деятельность нефтегазового комплекса, используя ресурсы (экономические, материальные и т.д.).

В частности, опосредственное воздействие оказывает международный нефтегазовый рынок и геополитическая обстановка. Большое значение имеют также законодательно-нормативная база и правовые рамки соглашений.

Разработанная управленческая модель развития нефтегазового комплекса содержит такие блоки, как:

Рис. 3. Организационно-экономическая модель развития энергетической отрасли РФ*

*Составлено автором.

- формирование стратегии развития нефтегазового комплекса (на первом месте эксплуатация малых запасов недр);
- трансформация структуры управления и уменьшение затрат на управление;
- модернизация геологоразведочных работ (повышение уровня извлекаемых недр и рентабельных запасов);
- стимулирование новаторского процесса (прирост коэффициента нефтеизвлечения до 40%);
- новации экологического и экономического характера (снижение уровня нефтепотерь в ходе добычи и логистики);
- усовершенствование процесса капиталовложений.

Протяженность территории России, неравномерное рассредоточение регионов добычи и проблематичные логистические цепочки предопределили позицию нефтегазового комплекса в роли естественной монополии. В данном контексте результативность данного комплекса подразумевает некоммерческий базис и в этой связи не может быть измерима только доходностью.

Эффективность использования бюджетных ассигнований, направленных на воспроизводство минерально-сырьевой базы страны, зависит от быстрее разработки и внедрения соответствующих организационных мероприятий [2].

На ранней (прогнозно-поисковой) стадии геологического анализа месторождений ключевой задачей правительство РФ ставит формирование благоприятных условий для поступления инвестиций в сферу геологоразведки, являющуюся высокорискованной. Задача геологоразведочных работ, которые выполняются с использованием средств из государственного бюджета, заключается в проведении подготовительных работ к следующему геологическому анализу

Рис. 4. Ключевые инструменты государственной инвестиционной политики в нефтегазовом секторе России*

*Составлено автором.

месторождений, представляющих интерес для пользователей недр с точки зрения капиталовложений.

Государство, выступая в роли владельца месторождений, обязано реализовывать продуктивную политику капиталовложений с рациональными тратами, в тоже время сегодня в области недропользования ощущается недостаток достоверной информации, которая позволила бы адекватно оценить реализуемую политику [3]. В настоящее время в основу оценки геологоразведочных работ, выполненных за счет бюджета, положены такие показатели, как величина выявленных ресурсов, их коммерческий престиж для последующего геологического анализа и, наконец, стоимость перспективных объектов, востребованных частными инвесторами.

На наш взгляд, главной задачей проводимых региональных геологоразведочных работ следует считать получение достоверной геологической информации, чтобы снизить риск частных инвестиций и, соответственно, увеличить инвестиционную привлекательность перспективных участков недр.

Необходимо осуществлять мониторинг результатов региональных геологоразведочных работ и процесс оптимального движения денежных потоков. Такие процедуры необходимы на всех лицензионных участках, финансируемых за счет бюджета. Кроме того, целесообразно применять новые технологии, позволяющие учитывать геоэкологические риски.

Для решения выше обозначенных задач по формированию инновационной модели развития российской энергетики в рамках работы сформирован комплекс базовых инструментов государственной инвестиционной политики в нефтегазовом секторе России (рис. 4).

Данные рекомендации позволят не только решить проблемы ТЭК России, привлечь «длинные» инвестиции, обновить технологическую базу отрасли, четко разграничить интересы зарубежных инвесторов и нашей страны, улучшить инвестиционный климат, но и усилить экономический и политический вес России в мире.

Список литературы

1. Варламов А.И., Афанасенков А.П., Лоджевская М.И. и др. Количественная оценка ресурсного потенциала углеводородного сырья России и ближайшие перспективы наращивания его разведанной части // Геология нефти и газа. — 2013. — Спец. вып. — С. 4–13.
2. Варламов А.И., Петерсилье В.И., Порожун В.И. О классификации запасов и ресурсов нефти и газа // Геология нефти и газа. — 2013. — Спец. вып. — С. 43–48.
3. Ковальчук Ю., Степанов И. Развитие индустриальной системы высокотехнологичного общества на основе модернизации // Проблемы теории и практики управления. — 2013. — № 4. — С. 56.
4. Лебедько А. Управление нефтегазовым комплексом // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — № 4. — С. 120.
5. Лебедько Г.И., Кулындышева Ю.В., Лебедько А.Г. Нефть и газ Северо-Кавказской нефтегазовой провинции (геолого-экономическая оценка). — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2008.

6. *Лебедько Г.И., Моисеенко В.Г., Лебедько А.Г.* Основы государственного управления недропользованием (углеводородное сырье). — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2008.

7. *Орлов В.П.* Государство и недропользование // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. — 2001. — № 6. — С. 67.

8. *Тимурзиев А.И.* Современное состояние практики и методологии поисков нефти — от заблуждений застоя к новому мировоззрению прогресса // Геология, геофизика и разведка нефтяных и газовых месторождений. — 2010. — № 11. — С. 45.

9. *Шафраник Ю.К.* Нефтяной комплекс России — инновационная модель [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shafranik.ru> (дата обращения: 12.10.2017).

ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ОТ АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ — К ЭФФЕКТИВНОЙ ИНКЛЮЗИИ» СРОКИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА: 01.08. 2016 — 30.09.2017 г.

Главным исполнителем реализации Проекта «От адаптивной физической культуры — к эффективной инклюзии» (далее — Проект) является Московский государственный гуманитарно-экономический университет.

В реализации данного проекта в качестве организаций-соисполнителей принимали участие: ГБПОУ «Сергиево-Посадский социально-экономический техникум» (Московская обл.); ГБПО «Колледж современных технологий имени Героя Советского Союза М.Ф. Панова» (г. Москва); ГБПОУ «Московский государственный образовательный комплекс» (г. Москва); ГКОУ «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат № 31» (г. Москва); ГБУ Городской научно-практический центр по защите прав детей «Детство» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы.

Цель Проекта: создание материально-технической и методической основы адаптивной физической культуры как средства реабилитации и социальной адаптации детей подросткового возраста с нарушениями опорно-двигательной системы (ОДС).

Задачи Проекта:

- подготовка материально-технической и методической базы по использованию в рамках АФК базовых и специализированных тренажеров, а также фитбол-гимнастики (комплекс АФК) в зависимости от вида заболевания и степени нарушения;
- проведение секционной работы по АФК в целях реабилитации и социальной адаптации детей-инвалидов с нарушениями ОДС;
- трансляция инновационного опыта АФК среди специалистов организаций-соисполнителей.

Участники Проекта: в состав целевой группы проекта были включены дети-инвалиды и дети с ограниченными возможностями здоровья в количестве 50 человек в возрасте от 14 до 17 лет.

Всего в мероприятиях Проекта приняли участие 140 человек, из них 50 детей подросткового возраста, 50 взрослых из числа родителей/законных представителей и других лиц, связанных с детьми целевой группы, 20 добровольцев для практической работы с целевой группой (волонтеры из числа студентов МГГЭУ), 5 специалистов опорной профессиональной площадки по адаптивной физической культуре, 15 специалистов организаций-соисполнителей Проекта, прошедших обучение на базе опорной профессиональной площадки по адаптивной физической культуре.

Проведенные мероприятия по реализации Проекта позволили создать материально-техническую и методическую основы адаптивной физической культуры как средства реабилитации и социальной адаптации детей подросткового возраста с нарушениями опорно-двигательной системы (ОДС). Занятия по АФК проводились 2 раза в неделю в течение 8 месяцев. Продолжительность каждого занятия с учетом требований проекта составляла 80 минут. Тематика каждого

занятия определялась календарно-тематическим планом, согласно программе секционной работы по АФК.

В соответствии с планом реализации Проекта были приобретены три специализированных механических тренажера нового поколения: системы психофизиологического тренинга методом биологической обратной связи (БОС) «Кинезис» на основе компьютера с подключенными датчиками; два малогабаритных тренажера для выполнения упражнений в положении сидя и лежа. Два специалиста МГГЭУ прошли курсы повышения квалификации в Федеральном центре дополнительного профессионального образования «Санкт-Петербургский институт междисциплинарных исследований», приняв участие в научно-практическом семинаре на тему «Методика применения программно-аппаратного комплекса "Кинезис" в коррекционно-диагностическом процессе». После приобретения тренажеров и прохождения обучения преподавателями 4 студента-волонтера с инвалидностью прошли тестирование на данном оборудовании.

В рамках реализации проекта были приобретены фитболы для проведения занятий по АФК. Для 17 преподавателей, сотрудников организаций-соисполнителей проведены три мастер-класса на тему «Фитбол-гимнастика для детей подросткового возраста с нарушением опорно-двигательного аппарата», после чего организации-соисполнители получили фитболы для проведения занятий на местах. Для обеспечения широкого освещения Проекта в СМИ, вся информация о текущих мероприятиях проекта размещена на интернет-сайтах МГГЭУ (<http://www.mggeu.ru/faculties/departments-of-physical-education/grant/>) и соисполнителей Проекта.

Проведенное тестирование развития физических качеств и двигательных способностей каждого ребенка-участника на первом этапе реализации Проекта показало, что регулярное проведение практических занятий способствует координации двигательной активности и укреплению костно-мышечной системы, развитию физических качеств, улучшению состояния опорно-двигательного аппарата.

Во время второго (основного) этапа участники Проекта совершенствовали технику выполнения ранее изученных упражнений и адаптивных гимнастических комплексов, что способствовало укреплению мышечного корсета, развитию гибкости, координации движений и функции равновесия. С родителями детей-участников Проекта был проведен мастер-класс, повышающий их осведомленность о возможностях АФК для ребенка с учетом особенностей его заболевания. Родители освоили комплексы упражнений для занятий с детьми в домашних условиях.

В ходе заключительного этапа, при дальнейшем совершенствовании техники упражнений дети получали необходимые знания и умения дальнейшего использования изученных упражнений в повседневной жизни при самостоятельных занятиях. Оценка результатов реализации Проекта свидетельствует об улучшении у всех участников показателей функции равновесия, силовой выносливости мышц спины и брюшного пресса, гибкости. На занятиях по АФК производилась фотосъемка каждого ребенка, материалы фотоотчетов использованы для формирования портфолио участников, которые размещены на сайте МГГЭУ и Интернет-ресурсе «Яндекс-диск».

На базе МГГЭУ в рамках Проекта прошел круглый стол по вопросам развития доступного и качественного дошкольного и общего образования для де-

тей-инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья Комиссии при Президенте Российской Федерации по делам инвалидов и Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки.

В ходе работы круглого стола обсуждались вопросы профориентации, профессионального обучения, дополнительного образования, реализации предпрофессиональных и профессиональных образовательных программ для детей-инвалидов и студентов с ОВЗ, а также проблемы общего образования и психолого-педагогической коррекции, связанные с подготовкой к трудовой деятельности.

Модераторами круглого стола выступили депутат Государственной Думы **О.Н. Смолин**, заместитель руководителя Рособнадзора **А.А. Музаев**, ректор МГГЭУ **В.Д. Байрамов**, заместитель премьер-министра Правительства Республики Башкортостан **С.Т. Сагитов**.

В работе круглого стола приняли участие директор Правового департамента Министерства образования и науки Российской Федерации **С.А. Нуждина**, заместитель директора Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей Министерства образования и науки Российской Федерации **И.О. Терехина**.

В процессе реализации Проекта систематически подводились итоги в части организации и проведения секционных занятий, отмечалась положительная динамика как физических показателей ребят, так и рост коммуникативных навыков, желание заниматься в секции и продолжать занятия; постепенно повышалась заинтересованность родителей.

В соответствии с планом реализации Проекта проведено профориентационное информирование подростков: 22 апреля 2017 г. проведен «День открытых дверей МГГЭУ». В данном мероприятии приняло участие 74 подростка и более 40 родителей. Для собравшихся ребят была организована экскурсия по университету, а для родителей — индивидуальные консультации руководителя Проекта, что вызвало живой интерес у подростков и их родителей к организации образовательного процесса, реализации программ подготовки, к условиям проживания в общежитии и дальнейшему трудоустройству выпускников. День открытых дверей в МГГЭУ показал, что работа с родителями необходима и имеет позитивные результаты.

Проведенный в рамках Проекта курс сеансов биоуправления мощностью альфа-ритма и ЧСС у каждого участника способствовал снижению уровня тревожности, а также повышению уровня жизненных сил. Использование технологии биоуправления позволило повысить уровень стрессоустойчивости и направило на выработку стратегий конструктивного поведения в ситуации стресса и ежедневных учебных нагрузках.

Технология биоуправления в сочетании с нейробиоуправлением позволила расширить арсенал лечебно-профилактических и коррекционных мероприятий при хроническом стрессе у подростков. Вырабатываемое умение управлять своими психофизиологическими параметрами (ЭЭГ, ЧСС) позволило повысить эффективность учебной деятельности, способствовало расширению набора эффективных стратегий поведения в стрессовых ситуациях.

Организации-соисполнители также проводили занятия 2 раза в неделю в течение 8 месяцев продолжительностью 80 минут каждое. За отчетный период на четырех площадках организаций-соисполнителей (школа № 31, Сергиево-Посадский социально-экономический техникум, МГОК, колледж современных

технологий им. Героя Советского Союза М.Ф. Панова) проведено 154 занятия с детьми целевой группы.

В целях популяризации значимости АФК и демонстрации потенциала физических и духовных возможностей подростков с нарушениями ОДА, принимающих участие в мероприятиях Проекта, для каждого из 50 участников были созданы портфолио, которые содержат фотоотчеты об индивидуальных достижениях ребенка. Портфолио сформированы, переданы в печать. Торжественно вручить портфолио предполагается в начале учебного года.

В целях достижения реабилитационного и оздоровительного эффекта, демонстрации результатов, достигнутых подростками в ходе занятий, а также для преодоления психологических барьеров и сплочения детей в командах, рабочей группой было проведено спортивное мероприятие «Веселые старты», информационную поддержку которого осуществлял канал «Просвещение».

В рамках реализации Проекта были организованы курсы повышения квалификации для специалистов-участников Проекта. Все специалисты имеют высшее профессиональное образование, опыт педагогической деятельности не менее 3-х лет, в том числе опыт работы с детьми с нарушением ОДА. В период с 16 по 25 мая 2017 г. специалисты прошли обучение по программе дополнительного профессионального образования «Методика преподавания адаптивной физической культуры» (модуль «Инклюзивное образование», объем 16 учебных часов). Программа содержала разделы, посвященные теории и методике преподавания адаптивной физической культуры и технологиям реабилитации и коррекции в работе с детьми с нарушением ОДА. Особое внимание было отведено практической части, в которой рассматривались методики занятий с фитболом для детей, имеющих последствия детского церебрального паралича, для коррекции осанки, методика занятий с фитболом после ампутации конечностей.

Занятия в тренажерном зале были направлены на изучение особенностей проведения тренировок при различных патологиях опорно-двигательного аппарата, силовые и общеукрепляющие упражнения. В ходе занятий рассматривалось внедрение новейших компьютерных технологий (специализированные тренажеры) с применением БОС-тренинга для коррекции психоэмоционального состояния детей с нарушениями ОДА.

С целью распространения инновационного опыта повышения уровня физической и социальной адаптации детей были подготовлены учебно-методические рекомендации «Фитбол-гимнастика и атлетическая гимнастика для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата». Данное пособие содержит рекомендации для специалистов по адаптивной физической культуре по проведению занятий для детей подросткового возраста с нарушениями опорно-двигательного аппарата с использованием фитбол-гимнастики, атлетической гимнастики и аппарата биологической обратной связи.

Пособие прошло рецензирование в Бюро медико-социальной экспертизы. Рецензенты отметили методику организации занятий по АФК, изложение тренировочных принципов и техники выполнения упражнений, особенности их воздействия на детский организм. Использование на страницах пособия наглядности, иллюстрирующей каждое упражнение, способствует не только лучшему пониманию специалистами техники выполнения, но и позволяет лицам с ограниченными возможностями (их родителям, законным представителям) самостоятельно заниматься в домашних условиях.

В ходе реализации Проекта осуществлялась информационная поддержка всех мероприятий. На странице контент-сайта размещена информация о Проекте с указанием его цели и задач, информация об организациях-соисполнителях Проекта, видеоматериалы по проведению мастер-класса для преподавателей, фото проведения занятий в организациях-соисполнителях. Итоговые соревнования освещал телеканал «Просвещение». Репортаж о мероприятии размещен на сайте телеканала, на сайте МГГЭУ и организаций-соисполнителей. Ход и результаты Проекта были проанализированы с научной точки зрения и легли в основу научной статьи, которая направлена в рецензируемый журнал «Человек. Общество. Инклюзия».

В рамках реализации проекта в третьем отчетном периоде (с 01.07.2017 по 30.09.2017 г.) в полной мере выполнены задачи Проекта, в частности, подготовлена материально-техническая и методическая базы по использованию в рамках АФК базовых и специализированных тренажеров, а также фитбол-гимнастики (комплекс АФК) в зависимости от вида заболевания и степени нарушения. Проведена секционная работа по АФК в целях физической реабилитации детей-инвалидов с нарушениями ОДС. В целях актуализации значимости АФК и демонстрации потенциала физических и духовных возможностей подростков с нарушениями ОДА, принимающих участие в мероприятиях проекта, издано портфолио для каждого из 50 детей-участников целевой группы. Фотоотчеты размещаются на сайте МГГЭУ.

Разработано и издано учебно-методическое пособие объемом 189 стр., тиражом 100 экз. Данное пособие распространено среди образовательных организаций-соисполнителей проекта, занимающихся с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, адаптивной физической культурой.

Учебно-методическое пособие «Фитбол-гимнастика и атлетическая гимнастика для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата» включает в себя методику проведения занятий по адаптивной физической культуре для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата с использованием фитбол-гимнастики, атлетической гимнастики и аппарата биологической обратной связи. Учебно-методическое пособие рассчитано на специалистов по адаптивной физической культуре, преподавателей по физическому воспитанию, студентов и педагогов, осуществляющих оздоровительную деятельность в образовательных учреждениях. Подготовлены программы методического сопровождения (супервизия) специалистов, прошедших обучение в рамках проекта.

На базе МГГЭУ состоялся мастер-класс по доведению разработанных и изданных методических рекомендаций до образовательных организаций города Москвы, Московской и Рязанской областей. Сформирован список участников мастер-класса. Разработана программа проведения мастер-класса, фото- и видеоматериалы размещены на контент-сайте исполнителя и соисполнителей проекта.

Подготовлены и изданы методические материалы для родителей (тираж 100 экз., объем 104 стр.), которые содержат практический материал, фото и описание упражнений, методику проведения самостоятельных занятий по адаптивной физической культуре для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата; технологию использования фитбол-гимнастики в домашних условиях. Дети и родители (законные представители) получили ценный материал в виде методического пособия, позволяющего повлиять на возможности АФК каждого

подростка с учетом особенностей его заболевания и освоить корректирующие комплексы «Методика самостоятельных занятий АФК с фитболами».

Отчет о работе контент-менеджера (с описанием контента и копиями экранов) включает в себя скриншоты размещенной информации по реализации проекта; фото- и видеоматериалы. Реализация данного проекта получила широкое распространение в СМИ, информация размещена на сайте исполнителя и соисполнителей проекта.

На конференции, посвященной итогам реализации проекта, проходила трансляция актуального инновационного опыта преподавателей АФК МГГЭУ среди специалистов организаций-соисполнителей и заинтересованных руководителей образовательных организаций, принявших участие в конференции.

В период реализации проекта осуществлялась социальная реабилитация детей инвалидов, которым была предоставлена уникальная возможность межличностного общения в процессе проведения занятий АФК.

По материалам практических занятий издано портфолио каждого участника проекта. Ребята активно делятся своими впечатлениями о занятиях АФК с друзьями в своих учебных группах и в социальных сетях, что позволяет делать вывод о расширении потенциальной аудитории как минимум в два раза.

Решение задач третьего этапа Проекта позволило расширить возможности по использованию АФК в образовательных организациях исполнителей и соисполнителей проекта.

В соответствии с планом реализации Проекта по его результатам была подготовлена и проведена конференция «От АФК — к эффективной инклюзии» для руководителей, специалистов организаций, участников Проекта и заинтересованных сторонних образовательных организаций центрального федерального округа Российской Федерации. Участие в конференции «От АФК — к эффективной инклюзии» приняли более 30 человек: 7 сотрудников базовой площадки, 15 специалистов организаций-соисполнителей, 10 заинтересованных руководителей образовательных организаций Москвы и центрального федерального округа Российской Федерации.

В рамках конференции подготовлены презентационные материалы, комплект раздаточных материалов для участников конференции. Проведение конференции сопровождалось фото- и видеосъемкой, материалы которых размещены на сайте МГГЭУ и представлены в социальной сети «ВКонтакте».

На протяжении всей реализации проекта было обеспечено информационное сопровождение, которое включало широкое освещение проекта в СМИ, размещение актуальной информации о текущих мероприятиях проекта на интернет-сайтах МГГЭУ (<http://www.mggeu.ru/faculties/departments-of-physical-education/grant/>) и соисполнителей проекта. В социальной сети «ВКонтакте» создана группа «От адаптивной физической культуры — к эффективной инклюзии». Аналитические отчеты свидетельствуют о том, что интерес к проекту проявляют не только пользователи из России, но и из Латвии и Беларуси. Общее число группы составляет 70 человек.

Третий этап проекта успешно завершен, проведен мастер-класс по доведению методических рекомендаций до педагогической общественности образовательных организаций города Москвы; организована и проведена конференция, посвященная итогам реализации Проекта, результаты которой размещены на контент-сайте МГГЭУ и соисполнителей Проекта. Таким образом, в ходе

реализации проекта были достигнуты желаемые результаты, реализована цель и решены текущие задачи Проекта.

По результатам мониторинга, проводимого ежемесячно контент-менеджером, можно сделать вывод о позитивной динамике Проекта: расширилась география проявления интереса к Проекту, к реализации Проекта присоединились пользователи из Латвии и Беларуси, Украины, Казахстана, США и других стран.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Научный журнал «Человек.Общество.Инклюзия» является научным изданием, в котором публикуются статьи и другие материалы, *отражающие научно-исследовательскую работу в области социально-гуманитарных и экономических дисциплин*. Приоритет отдается статьям, обладающим научной новизной, обобщающим результаты актуальных по проблематике исследований авторов, представляющим интерес для научной общественности и специалистов-практиков. Экспертиза рукописей осуществляется на заседаниях редколлегии. Журнал оставляет за собой право на сокращение объема материала и его литературную правку. Все материалы проходят обязательную проверку степени оригинальности текста. Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по группам научных специальностей: 22.00.00 — социологические науки; 09.00.00 — философские науки; 08.00.00 — экономические науки.

Правила оформления направляемых в журнал рукописей

Принимаются статьи объемом от 8 до 24 страниц А4; для публикаций в рубрику «Исследования молодых ученых» — до 12 страниц. Страницы должны быть пронумерованы.

Материалы представляются в виде файла в формате MS Word (.doc или .docx) со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, кегль 14, полуторный межстрочный интервал, отступ первой строки абзаца — 1,25 см, верхнее поле — 3, нижнее — 2, левое — 3, правое — 2 см.

Рисунки и схемы в случае, если они подготовлены не в программе Word, следует высылать в виде отдельных файлов. Весь иллюстративный материал, включая таблицы, должен быть пронумерован и озаглавлен.

Статья должна содержать обязательные элементы: 1) *название* на русском и английском языках; 2) *сведения* об авторе на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученая степень, звание, официальное наименование места работы, должность, электронный адрес); 3) *аннотацию* (не более 15 строк) и список ключевых слов (не более 7) на русском и английском языках; 4) *список литературы* (в алфавитном порядке, сначала работы на русском, после них — на иностранных языках, затем — интернет-источники).

Список литературы не должен содержать указаний на работы, которые не упоминаются в тексте.

Более подробно с требованиями к рукописи можно ознакомиться на странице журнала в Интернете: <http://vestnik.mggeu.ru>.

Ссылки на источники даются в тексте в квадратных скобках: указывается порядковый номер источника и страница [12, с. 75]. Автор несет ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и иных данных, имен собственных, географических названий и других сведений. Текст рукописи подписывается автором с указанием координат для связи (почтовый и электронный адреса, телефоны).

Материалы посылаются в редакцию в виде простых почтовых отправлений по адресу: 107150 г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49, каб. 108а. или на электронную почту редакции: bobko@mggeu.ru.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается по результатам экспертной оценки. Решение об отказе от публикации может быть принято редколлегией без специального рецензирования и обоснования причин. При положительном решении *автор берет обязательство* не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции в течение полугода.

Рукописи авторам не возвращаются. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Человек. Общество. Инклюзия

№ 3(31) 2017

Ответственный за выпуск:	С.А. Бобко
Технический редактор:	К.А. Антонов
Компьютерная верстка:	А.В. Свешников
Дизайн обложки:	О.В. Кузнецова

Подписано в печать 23.10.17. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$.
Бумага офисная. Гарнитура *Times New Roman*.
Печ. лист 10,6. Тираж 500 экз. Заказ № 36.

Московский государственный гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49.
Отпечатано в типографии МГГЭУ по технологии CtP.